

ISSN 0131-2596

СХ

охота

и охотничье хозяйство

7

1999

1999-17-12

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

● Одиночество

● Раздолье

У ОХОТНИКОВ

И. ЖУКОВ,
начальник охотуправления
Республики Коми

Республика Коми расположена на крайнем Северо-Востоке европейской части России, что в сочетании с близостью Северного Ледовитого океана и Уральских гор отражается на ее климатических и природных особенностях. Она обладает уникальными минерально-сырьевыми и богатейшими лесными ресурсами. Это нашло отражение в развитии и структуре ее экономики. Около 90 % ее площади приходится на зону тайги, 5 — лесотундры, 4 — тундры и 1 % — приполярных лугов.

Общая площадь республики 41 677,4 млн га, из них охотничьи угодья — 40 048,4 млн га. Закрепленных угодий — 27 304,7 млн га, из них за промысловыми хозяйствами — 7791,3 млн га. Из промысловых хозяйств сохранились четыре госпромхоза, переименованные в совхозы, один коопзверопромхоз и ТОО «Райохота». За спортивными охотничьими хозяйствами закреплено 14 141 млн га.

Помимо традиционных охотпользователей в лице охотничьих обществ на территории республики функционируют новые организационные формы, такие как ООО и охотхозяйства Комитета лесов.

К числу закрепленных охотугодий отнесены и территории национально-го парка, заповедников и заказников, площадь которых составляет 7264,1 млн га.

В результате перераспределения угодий, которое произошло в 1992—1998 гг., остались неохотобуемые и переведены в категорию резервного фонда 12 743,7 млн га. От этой территории отказались бывшие госпромхозы. Два госпромхоза были вообще ликвидированы.

В Республике Коми обитают лось, северный олень, кабан, бурый медведь, соболь, куница, норка, выдра, бобр и другие пушные звери. В последние годы их численность снижается из-за массового браконьерства.

С падением государственной монополии на охотничью продукцию наступил беспредел в добыче охотничьих животных. Сейчас неизвестно куда уходит пушнина. Госпромхозов не стало, охотники тоже вроде не заготавлива-

ют пушнину, а теряет в результате государства.

В лучшие годы республика заготавливала только в государственных охотничьих хозяйствах: 252 т мяса копытных и буро медведя, 249 т грибов, 110 тыс. шт боровой дичи и белой куропатки, 160 т ягод, на 5,6 млн руб. кожно-сырья, на 13,8 млн руб. пушнину.

Теперь в республике полностью отсутствует организованная система заготовки охотничьей продукции и дикоросов из-за низких закупочных цен и высокой себестоимости охотничьей продукции для охотников. Налицо диспропорция цен, отсутствие оборотных средств у охотпользователей и плоды «демократии» в пользовании государственными ресурсами. Несмотря на это, объемы изъятия некоторых видов охотничьих животных фактически не сократились. В первую очередь это относится к копытным. Массовая безработица в лесных поселках и деревнях вынуждает население в нарушение закона поддерживать жизненный уровень «дарами леса».

Данные учетных работ показывают, что численность основных видов охотничьих животных постоянно снижается. В 1994 г., по данным учета в республике, численность лося была 32 тыс., северного оленя — 5 тыс., куницы — 13 тыс. Волков было 650 голов.

Послепромысловая численность охотничьих животных в 1998 г. на территории Республики Коми, по данным зимнего маршрутного учета, была следующей (тыс. голов): лось — 26,1; северного оленя — 2,18; буро медведя — 3,0; волка — 1,82; куницы — 12,8; лисицы — 4,2; белки — 410; горностая — 41,8; зайца-беляка — 210,6; росомахи — 0,572; рыси — 1,05; бобра — 7,5; выдры — 2,8; кабана — 0,274; норки — 4,2.

Отсутствие необходимого количества средств и недостаточная профессиональная подготовленность некоторых охотпользователей привели к низкому уровню проведения учета. Для более точного определения численности таких ценных охотничьих животных, как лось и дикий северный олень, необходимо около 100 часов использования вертолета МИ-8, что требует больших финансовых вложений.

Охотдепартамент Минсельхозпрода согласовал квоту добычи охотничьих животных в сезон 1998/1999 г. в следующем количестве: лось — 500 гол., дикий северный олень — 30, кабан — 20, бурый медведь — 150, соболь — 50, бобр — 300, выдра — 150 голов.

Распоряжением Главы Республики Коми от 19 августа 1998 г. №874 утвер-

ждена согласованная квота на добычу охотничьих животных на территории Республики Коми в сезон охоты 1998/99 г.

Охота на лосей была разрешена с 1 окт. 1998 г. по 15 янв. 1999 г. и Распоряжением Главы РК №25-р от 15.01.99 г. продлена по 31 января 1999 г.; на диких северных оленей — с 1 окт. 1998 г. по 15 янв. 1999 г.; на кабанов и бурых медведей — с 1 авг. по 15 янв. 1999 г.

Отсутствие государственной поддержки в финансировании борьбы с волками не позволяет ни охотпользователям, ни органам государственного охотничьего надзора проводить эффективную борьбу с ними. Средства, которые выделяет бюджет на борьбу с волками, едва хватает на выплату вознаграждений охотникам. Размер вознаграждений с 1999 г. Указом Главы Республики Коми увеличен в два раза и составляет: за волчицу — 12 миним. оплат труда, волка — 10, волчонка — 4, что повысит заинтересованность охотников. В 1998 г. комитетом документально оформлены и выплачены вознаграждения за 117 уничтоженных волков.

Ресурсы буро медведя в республике не осваиваются и на 10 %. Причина в том, что стало невозможно осуществлять традиционную охоту на овсах, так как совхозы его перестали сеять, а охота на приваде стала экономически невыгодна для охотника. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о снижении стоимости разрешений на отстрел медведя либо об отмене лицензий на его отстрел.

В республике более 10 лет не проводился контрольный авиаучет копытных. К сожалению, отсутствие целевых средств из бюджетов РФ и Республики Коми не дает возможности организовать качественный наземный учет, который проводится, как правило, на энтузиазме.

Необходимо выделять средства для учетных работ, как минимум, 50 руб. за одну карточку зимнего маршрутного учета. Для проведения контрольного учета необходимо выделить средства из расчета, как минимум, 100 летных часов вертолета МИ-8.

Угодья республики позволяют прокормить в 3—4 раза больше охотничьих животных. Но для достижения их оптимальной численности необходимо осуществлять эффективную охрану. В 1998 г. мы уделяли большое внимание организации охраны. Во всех районах было налажено взаимодействие природоохранных организаций и органов МВД. Составлены и по возможности выполнялись графики совместных вы-

охота

и охотничье хозяйство 7 1998

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

ездов патрульных групп. Это позволило несколько улучшить охрану и увеличить число вскрытых нарушений. Всего в 1998 г. вскрыты 411 нарушений правил охоты. Из них: 180 — работниками служб охотничьего надзора, 19 — общественными инспекторами, 69 — работниками ООиР, 101 — работниками МВД, 40 — работниками Комитета лесов, 2 — инспекторами по охране природы. Сумма штрафов составила 38 тыс. руб., исков — 29 тыс. руб. Конфисковано 69 единиц оружия. Выявлено 13 случаев незаконной добычи копытных.

На результатах охраны крайне отрицательно сказывается отсутствие транспортных средств у районных служб охотничьего надзора. Из 18 районов автомашины имеются в 5, причем все автомашины преклонного возраста. Снегоходы имеются в 4 районах, лодки с моторами — в 5. Вездеходной техники нет вообще. Районные охотоведы находятся в положении вечных просителей, что, естественно, сказывается на результатах работы.

За 1998 г. комитет за счет собственных средств приобрел одну автомашину и один «Буран» для оперативной группы, а также еще два «Бурана» для районов. На большее нет возможностей.

Такими темпами техническое обеспечение будет длиться вечно. Необходимо финансовая помощь Департамента и Республики Коми. Можно еще долго перечислять нехватки и недостатки, они характерны для многих регионов России. Однако на этом печальном фоне есть и светлые пятна. В республике принята программа ведения кадастра и мониторинга охотничьих угодий и животного мира. Задача программы — определение численности всех животных, и в том числе охотничьих, проведение инвентаризации охотничьих угодий, их типологии на базе данных лесоустройства и в последующем ведение мониторинга. Работы по программе начались. Сдерживает финансирование.

Решено совместно с Комитетом лесов включить в лесоустроительные работы элементы охотустройства. Разработана и находится в стадии согласования республиканская программа «Охрана и рациональное использование животного мира», в которой значительное место занимают охотничьи животные. Осуществляется тесное взаимодействие всех природоохранных организаций.

В I квартале 1999 г. начнет работу межрайонная оперативная группа по

охране охотничьих животных. Налаживаются контакты с администрациями республики, районов, городов. На сегодняшний день достигнута договоренность и получено подтверждение из трех районов об оказании помощи в приобретении транспортных средств.

На 1999 г. по договоренности с учеными института биологии решено разработать систему возмещения ущерба животному миру и среде его обитания, нанесенного в результате техногенных аварий.

В 1997 г. проведено расселение бобров, результаты которого вполне удовлетворительны. Подготовлена заявка на получение гранта от института устойчивых сообществ США для продолжения работ по расселению бобров.

Будут продолжаться работы по закреплению охотничьих угодий за пользователями разных форм собственности. Одновременно будут повышаться требования к охотпользователям в части охраны и воспроизводства.

В сезон 1998/1999 г. госпромхозы лишены квот на отстрел копытных за не проведение учетных работ.

Будет продолжаться практика жесткого контроля за соблюдением охотпользователями своих обязанностей.

Под крылом самолета.

Фотоконкурс «Охота и природа, 1998». Фото В. Муканова

ПАТРОНЫ С АЛТАЯ НЕ ВЫДЕРЖИВАЮТ КОНКУРЕНЦИИ

А. БЛЮМ

В № 1 за 1998 год была напечатана статья «Охотничьи патроны с Алтая», автор А. Кузнецов. Любая информация о патронах, тем более нового производителя, вызывает интерес. Но после прочтения этой статьи осталось ощущение некоторой недоговоренности, публикация статьи породила много вопросов.

Что же предлагает охотникам станкостроительный завод в городе Барнауле? Во-первых, это патроны для гладкоствольного охотничьего оружия 12, 20 и 410 калибров со стальной гильзой и капсюлем «Центробой»; их снаряжают дробью от № 6 и крупнее, а также пулями. Автор сообщает скорости дроби у патронов 12 калибра — 315 м/с, 20 кал. — 300, 410 кал. — 270 м/с, но не указывает, какие это скорости: V_0 , V_5 , V_{10} или еще что-нибудь. Как правило, металлическими гильзами для снаряжения патронов пользуется определенный контингент охотников, чаще всего проживающий в сельской местности. Причина их пристрастия к таким гильзам — возможность их многократного использования. Цена этих патронов, вероятно, будет весьма высокой из-за большой металлоемкости, что для нынешнего малоимущего сельского населения вряд ли приемлемо. Общеизвестно, что капсюли «Центробой» являются слабыми воспламенителями бездымных порохов и, наверное, не выдержат конкуренции с мощными капсюлями-воспламенителями, которыми пользуются для снаряжения патронов современные фирмы-производители.

Большинство имеющихся в продаже образцов оружия 20 и 410 калибров являются или самозарядными, или магазинными, у которых во время экстракции гильзы отлетают далеко в сторону и потерять их не составляет никакого труда, а значит, в большой степени исчезает и возможность их повторного

применения. Не говоря уже о том, что использование стреляющих гильз в автоматическом (самозарядном) оружии чревато всякого рода сбоями в работе автоматики.

Особое внимание автор статьи уделил пулевым патронам для гладкоствольного оружия. Номенклатура их достаточно широка, но что их объединяет, так это кучность боя, она даже не посредственная, а стабильно плохая (по информации автора). У 410 калибра в зависимости от веса пули 20—30 см в поперечнике на дистанции всего 35 метров, у 20 калибра — 20 см на той же дистанции, а у «необычного» патрона 12 калибра с пулей весом 15 г неизвестной конструкции (впрочем, о конструкции пули не сообщается вообще ничего) тоже 30 см. Об этом патроне сказано, что он предназначается для стрельбы по волку и косуле, у которых вся убойная зона-то едва ли не меньше такого разброса пули. Уважаемые разработчики патронов с Барнаульского станкостроительного завода, косуля, а тем более волк, — трофей для охотника весьма ценный, и вряд ли он будет рисковать удачей, используя ваш «необычный» патрон, когда есть проверенные веками и абсолютно надежные для таких охот карточные патроны. На мой взгляд, с такой кучностью боя ни для тренировок, ни тем более для охоты все эти патроны не пригодны. В книге М. Блюма и И. Шишкина «Охотничье ружье» говорится, что, если, стреляя из ружья на 50 м (на 50, а не на 35!), пули ложатся в круг диаметром 10 см, бой отличный, 15 см — хороший, 20 см — удовлетворительный. Как же можно оценить патроны из Барнаула?

Во-вторых, о патронах для нарезного оружия. Я не буду касаться патронов калибра 5,6 мм (они-то на экспорт или аналоги чего-то), а вот о калибре 7,62 мм поговорить стоит. Принимая

указанные в статье скорости за начальные (конкретной информации автор не дает), видно, что все патроны явно ослаблены, если сравнивать скорости их пули со скоростями пули таких же типов патронов, приведенных в разных печатных изданиях, и в том числе в уже упоминавшейся книге М. Блюма и И. Шишкина. И если разница в скоростях у патронов 7,62x39 — 8,0 и 8,1 из Барнаула и других таких же производителей всего 25 м/с (710 и 735), то у 7,62x51 она составляет уже 90 м/с, а у 7,62x54 около 80 м/с не в пользу Барнаула. Такое снижение начальной скорости пули влечет за собой существенное уменьшение мощности патрона. Совершенно непонятно примечание, данное автором в таблице: «Патроны 7,62x51 предназначены для стрельбы из магазинного карабина «Лось». А что, из других образцов под этот патрон стрелять нельзя? Почему?

И последнее, о самом мощном в России патроне 9,3x64. Автор предлагает этот патрон со следующими характеристиками: вес пули 17,4 г, начальная скорость пули 710 м/с, среднее максимальное давление 3875 кгс/см². Скорость 710 м/с более чем скромная по сравнению с зарубежными аналогами, а вот давление в патроннике превышает таковое у них и даже у других патронов, более мощных. По каталогу фирмы «Франкония» давление в патроннике самых мощных современных охотничьих патронов 375 НН Магнум, 416 Ригби, 458 Винчестер магнум, не говоря уже о 9,3x64, не превышает 3800 кгс/см² при баллистических характеристиках, несравнимо лучших, чем предложены г. Барнаулом.

Возникает вопрос: стоит ли начинать производство патронов, по своим показателям заведомо худших, чем аналогичные типы, выпускаемые другими фирмами и предприятиями?

Новинки оружия

КАРАБИН «БЕРКУТ»

Охотничий самозарядный карабин «Беркут» представляет собой быстроразборную конструкцию, позволяющую при транспортировке и хранении уменьшить габариты оружия, а значит, создать больше удобства при перевозке его к месту охоты, а для его хранения иметь шкаф меньших размеров. В связи с тем что это разработка и изготовление ЦКИБа, карабин изготавливается только в штучном варианте по специальному заказу. Карабин «Беркут» богато украшен, а ложа и цевье изготавливаются только из ореховой древесины.

Карабин, обозначаемый «Беркут-2», применяется с патронами 7,62x51, а «Беркут-2М» изготавливается под патроны 7,62x54. У карабинов ствол имеет длину 620 мм, а их вес составляет 3,5 кг. Обе модификации имеют открытые и оптические прицелы. Спусковой механизм не имеет шнеллера, какой имеется в образцах МЦ19-07 и МЦ19-09. Обе модификации имеют отъемные коробчатые магазины, однако в карабине под патрон 7,62x51 магазин рассчитан на размещение 5 патронов. Карабин же «Беркут-2М» снабжается магазинами, рассчитанными

на размещение 5 и 10 патронов. Отъемные магазины имеют то преимущество, что позволяют быстро заменить расстрелянный магазин на полный, который должен всегда находиться с охотником. При некоторых охотах это очень важно.

Обе модификации имеют насадки на ствол, играющие роль дульного тормоза и пламегасителя, что дает возможность снизить отдачу и улучшить кучность боя оружия.

М. БЛЮМ

НА ОХОТЕ Я ОТДЫХАЮ

Идет операция

Беседа с кардиохирургом
Ренатом АКЧУРИНЫМ
журналистки Карины САВЕЛЬЕВОЙ

Эту встречу с доктором медицинских наук, профессором, членом-корреспондентом Российской Академии медицинских наук Ренатом Сулеймановичем Акчуриным организовал мне брат. Режиссер документального кино, Народный артист России, Заслуженный деятель искусства РФ, лауреат Государственной премии Владлен Павлович Трошкин недавно сделал фильм «Руки и сердце» — об известном всему миру кардиохирурге Р. С. Акчурине. В 1997 году он был назван «Человеком года» за успешно проведенную операцию на сердце Президенту страны Ельцину. Со своим героем автор фильма знаком давно.

«Судьба свела меня с Ренатом Акчуриным четверть века назад, — вспоминает брат. — В Перу произошло «землетрясение века»: в горных районах погибло 70 тысяч жителей. Советский Союз одним из первых откликнулся, послав на помощь пострадавшим военный госпиталь и молодежный медицинский отряд. Вместе с отрядом из ста человек вылетел и я в качестве кинооператора. Наш отряд развернул палаточный лагерь в эпицентре бедствия — высоко в горах в провинции Анкаш. То, что мы увидели там, с трудом укладывалось в сознании. Города и села в руинах, тысячи погибших, десятки больных и раненых. Стоны, кровь, неизвестные доселе болезни... Ренат Акчурин, студент 1-го Медицинского института, угорил взять его в отряд санитаром. К сожалению, в Перу я редко снимал Рената, чаще в объектив попадала кареглазая студентка, будущий врач-офтальмолог, красавица из Молдавии Наташа. И откуда было мне знать тогда, что уготовила им судьба... Наташа и сегодня прекрасна, а в то время на нее засматривались многие будущие медицинские светила. Она выбрала Рената. И вот уже более четверти века они муж и жена. У них два взрослых сына.

Как это часто бывает, тяжелый совместный труд сближает людей. С тех пор каждый год в первую неделю октября бывшие бойцы отряда собираются, чтобы вспомнить «перуанские подвиги», просто побить вместе. За прошедшие годы молодые врачи стали докторами наук, завкафедрями, профессорами, руководителями предприятий. Ну а Ренат Сулейманович с увлечением занимался микрохирургией: пришивал взрослым и детям кисти рук, пальцы. За развитие микрохирургии при ампутациях и травмах получил Государственную премию. От микрохирургии до операций на сердце не так уж далеко».

Когда я пришла в назначенное время, Ренат Сулейманович был весь в делах. Недавно закончил операцию (очень сложную, видно, — о ней говорил с кем-то по телефону). Входили сотрудники, звонили телефоны — напряженный беспокойный день заведующего отделением сердечно-сосудистой хирургии в Институте клинической кардиологии им. А. Л. Мясникова. А тут я со своей охотой.

Пока жду, рассматриваю дипломы и памятные фотографии на стенах, разглядываю сувениры. Наконец Акчурин закрыл дверь кабинета и сел в крес-

ло оперировать. Вдруг Борис Николаевич заявляет: «Я беру отпуск и буду готовиться к операции... на охоте». Я чуть дар речи не потерял. Как мы с семьей его ни уговаривали — ни в какую. В конце концов он достал Конституцию и сказал: «Я, гражданин Российской Федерации, имею право на отдых». Все развели руками. А когда он вернулся с охоты, я посмотрел его и отложил операцию на целый месяц.

— Как, Ренат Сулейманович, если сказать просто, выглядит аортокоронарное шунтирование, которое делали президенту?

Профессор Р. С. Акчурин, академик РАН и РАМН Е. И. Чазов, член-кор. РАМН, генерал-полковник, начальник Военной медицинской академии Ю. Л. Шевченко (слева направо)

ло. Улыбнулся. Я включила диктофон.

Чтобы дать собеседнику возможность постепенно перейти к «нерабочей» теме — охоте, начинаю с президента и его болезни.

— Врачи на консилиуме высказались однозначно: президенту операция противопоказана по различным показателям. Я тоже занял жесткую позицию, правда, противоположную: если подготовить больного, то за полтора-два месяца можно изменить его состояние. Не поверите, но только из теленовостей я узнал, что операция пройдет в России, у Акчурина.

Я как-то уже говорил, что Борис Николаевич трудный ребенок. Вспоминаю, как мы с коллегами приехали в резиденцию «Горки-9» на очередную консультацию. Порадовались: еще пару недель такой режим подержать и мож-

— Вскрывают грудную клетку, подключают насос искусственного кровообращения, отключают сердце, охлаждают его, берут из тела пациента здоровые сосуды, пришивают их к сердцу почти невидимой иглой в обход пораженных участков... Заново запускают сердце.

Вот так просто... Такие операции (две, а то и три) команда Акчурина делает почти каждый день. Каждый день по 6—7 часов у операционного стола. Какая нужна физическая выносливость, ведь бывает, что операция длится и 22 часа!

— Когда вы держали в руках остановленное сердце президента страны, потом прошивали его иглой и ждали: забьется ли вновь, что вы чувствовали в эти минуты?

— Время. У меня через пальцы утекали секунды, минуты. Всегда, когда такое напряжение, когда ты работаешь в операционной, ты всегда слышишь, как бежит время. Оно жужжит.

— Страшно спрашивать, но как вы переносите потерю больного?

— Это нерассказываемая вещь. Еще Пирогов говорил, что хирург, как и сапер, рискует жизнью, только одна большая разница: хирург рискует чужой жизнью. Остается на тебе камень твой, и ты его все время несешь. Всегда, когда ты теряешь больного, у тебя опускаются руки. Это всегда переживаешь каждый раз по-новому. Недаром говорят, что хирурги раньше всех умирают. Когда оперируешь по несколько часов, особенно когда возникают различные непредвиденные обстоятельства (это могут быть большие рубцы на сердце, какие-то изменения или свежий инфаркт), у всех все болит, и у хирурга прежде всего.

Расскажу случай, который произошел у меня на острове Маврикий. Я делал аортокоронарное шунтирование молодому парню. Когда вскрыли грудь и я увидел сердце, готов был снять пер-

позвонил его личный врач и попросил проконсультировать Виктора Степановича. Когда я посмотрел его, понял — необходимо немедленное хирургическое вмешательство. Только так мы смогли уберечь от инфаркта. Трудно сказать, маленький инфаркт был бы или большой, но мы сумели сыграть на опережение.

— Пора, по-моему, уже перейти лично к вам и нашей любимой охоте.

Вы спортивный, увлекающийся человеком?

— Всю жизнь до 5-го курса я занимался спортом. Сначала фехтованием (и стал кандидатом в мастера спорта), потом легкой атлетикой, потом метаниями... У меня была морская болезнь, и врачи посоветовали метание молота — стал перворазрядником и, представьте, излечился. Я 25 лет бегал еще.

Вообще у меня было много увлечений. В детстве я не просто читал, глотал книги, родители боялись, глаза испорчу. Музыкальную школу закончил, в медицинскую школу в джазбенде. Когда Рашидов нас на хлопок отправлял, так мы днем под палящим солнцем эту вату собирали, а потом

— С кем вы обычно ездите на охоту?

— Как правило, с близкими друзьями, потому что на охоту ездить просто так нельзя. Вопросы безопасности на охоте — прежде всего контроль, так сказать, всех и вся. Это не просто прогулка, а охота, и ты являешься средством повышенной опасности из-за того, что у тебя в руках оружие — ружье.

Первый раз, когда мы выехали на охоту, помню, мы там под влиянием, может быть, старших товарищей заметно перебрали. Я потом неделю мучился. Фильм «Особенности национальной охоты» мне сильно напомнил этот период, и я довольно резко поменял команду, с которой охотился.

Помню, почти курьезный случай был. У одного из поехавших с нами на зимнюю лосиную охоту охотника была фляжка с собой. И он к ней часто прикладывался. Он находился рядом со мной в засаде, и кто-то через меня его спросил: «Ты живой вообще-то?», потому что он подозрительно затих. Охотник очнулся, и у него начался период явного возбуждения. Мы находились в засаде, а он мешал, повторяя все время, как попка-дурак: «Ты живой, мужик? Ты живой?..» Лося он отпугнул, никакого выстрела не было, а он все повторял: «Мужик, ты живой?..» В следующий раз его уже с нами не было.

— Куда и на какую дичь ездите охотиться? Какая охота любимая?

— Я очень люблю охоту на птицу охотиться. Вот на фазана, например, я выезжал недавно в Киргизию. Ездил, правда, по медицинским вопросам, но коллеги предложили мне с директором Института клинической онкологии Михаилом Ивановичем Давыдовым параллельно поохотиться — на фазана и местную куропатку, кеклика. Это очень захватывающая, интригующая охота, потому что не так-то просто и поднять фазана и подстрелить его. На утку — очень интересная охота. Реже удается выехать на крупного зверя.

— А какую охоту вы запомнили?

— Есть такая страна Маврикий на острове в Индийском океане, около юго-восточной оконечности Африки. Я там несколько раз оперировал (я вам уже говорил). Последний раз это было в прошлом году летом. Меня пригласили на охоту на оленей. Там развели олений специально для охоты, дорогостоящая охота, для элитных людей, которые могут платить. Плюс 14—16 градусов. Тепло. Мы одеты нормально. Поднимаемся вверх. Остров вулканический и на нем несколько вулканов (они недействующие), а среди них лесочки, и в этих лесочках олени.

Охотников собралось, наверное, человек сто. Всех рассаживают по вышкам. И загон идет... Вдруг начался ветер и косой секущий дождь. Я чуть не окошел, настолько было холодно. У меня окоченели руки, окоченели ноги. Замерз как цуцик в горах этих южных. Я посмотрел на соседа своего, охотника из Франции, он тоже показывает «крест» — все. И мы пошли отогревать-

Смоленское охотхозяйство. 1998 г.

чатки, выматериться и идти пешком в Москву. Все сердце в рубцах, просто кошмар какой-то... Чем кончилось? Пациент мне до сих пор чай с острова Маврикий присылает.

— Вашими клиентами, насколько мне известно, были Председатель Верховного Совета СССР Громыко и премьер-министр Черномырдин и многие другие известные люди.

— У Громыко произошел разрыв аневризмы, хотя он сам посчитал, что это боли в животе, взял да и прилег в горячую ванну. Пока врач появился и определил, в чем проблема, времени осталось в обрез. Оперировал его академик Анатолий Владимирович Покровский, а я был первым ассистентом. Спасли.

А с Черномырдиным дело было так. Ему стало нехорошо в бассейне. Мне

прямо в степи на танцах до утра играли.

— Когда начали охотиться? Из какой вы семьи? Я пытаюсь нащупать охотничьи корни.

— Я из семьи учителей, совершенно мирных людей. Охотничьих корней никаких нет. А охотиться начал в школьном периоде, когда занимался фехтованием. Фехтование автоматически привело меня к пятиборью: скачка на конях, стрельба из пистолета, бег с препятствиями, там масса интересных видов спорта. И стрелять я тогда учился, был у нас, помню, еще такой спортивный пистолет «Марголина». Потом был обычный период становления в жизни, работа. Потом кто-то из друзей пригласил на охоту. И с этого началось. Было это, я думаю, лет пятнадцать назад.

После охоты с егерями. Казахстан

ся в охотничий домик, где был растоплен камин. Охота так и прекратилась. За полчаса мы замерзли буквально на смерть. Это при плюс 16 градусах Цельсия! У нас при минус 20 стоишь иногда час-полтора и ничего, а тут... Так ни разу и не выстрелил.

— Вы хорошо стреляете?

— Когда-то у меня был первый спортивный разряд.

— Какое у вас охотничье ружье?

— Во-первых, ТОЗ есть, во-вторых, браунинг. Начинать я с тульским ружьем, после него появился автомат МЦ-21. У меня он до сих пор есть, перешел к сыну.

Старший сын уже был со мной несколько раз на охоте, и младший тоже был, так что все постепенно становятся охотниками.

— А теперь традиционный вопрос: что вам дает охота?

— Я отдыхаю. Я напрягаю какие-то другие силы своего организма, может быть, другое внимание появляется, другой инстинкт возникает. Потом в разговоре с людьми на охоте я полностью отвлекаюсь, расслабляюсь. Мне даже, может быть, книгу не надо в субботу, воскресенье прочитать, а стоит пообщаться с интересным человеком — прочитать книгу человеческой души. Я не очень общительный, но в хорошей компании раскрываешься как-то. Вот недавно я был в компании сразу двух

С киргизскими охотниками-друзьями

академиков-охотников. Один кардиолог, другой хирург, академики Евгений Иванович Чазов и Виктор Сергеевич Савельев. Это прекрасные врачи, прекрасные люди, очень много знают, отличные стрелки и охотники, кроме того, у них богатый жизненный опыт и с ними просто приятно быть вместе.

Вы знаете, ведь не обязательно на охоте кого-то подстрелить, важно постоять, послушать в лесу деревья, послушать загон, увидеть диких зверей. Недавно на меня вышел заяц, здоровенный беляк: остановился, посмотрел, мимо прошмыгнул и дальше... Я ходил на кабана, поэтому не стрелял.

— Может быть, вспомните какой-нибудь яркий выстрел?

— Мы были с профессором Давыдовым вместе в Казахстане на охоте лет шесть назад, наверное. На гусей ходили. Гусей там ну просто тьма-тьмуша, тысячами летят на тебя. А получалось как-то все так, что они все время высоко шли. В один из моментов мне показалось, что цепочка гусей снизилась. Я выбрал вожак и выстрелил. Попал в него. После никто уже за весь день ни одного гуся не взял. Выстрел был довольно яркий.

— А какой-нибудь обидный промах?

Ренат Сулейманович смеется.

— Ну, промахов, их гораздо больше. Но оптимизм в том, чтобы не замечать эти промахи, которых, конечно, больше, чем удач.

Г. СОБАНСКИЙ,
кандидат биологических наук,
А. ЦАРЕВ,
биолог-охотовед,
директор МП «Кок-суу»

Территория Горного Алтая, отличающаяся богатством и разнообразием горных ландшафтов, исключительно благоприятна для существования многих видов копытных. Даже их современная, обедненная фауна насчитывает 8 видов (Собанский, 1992). Еще не так давно, в исторические времена голоцена, здесь обитали три-четыре их вида — антилопы сайга и оронго, як байкальский. Дзэрэн исчез всего 20—30 лет назад.

В Горном Алтае, впервые в России, началось разведение в неволе пантовых оленей — маралов. Позже, в 30-е гг. текущего века, были завезены с Дальнего Востока пятнистые олени. Их панты заметно меньше пантов марала, но ценятся выше. Опыт содержания их в местных хозяйствах в течение нескольких десятилетий показал, что и этот новый для региона вид не только вполне удовлетворительно чувствует себя на Алтае, но весом и размерами ныне превзошел сородичей, обитающих в Приморье (Смирнов, 1976).

За годы содержания пятнистых оленей на Алтае были отмечены десятки случаев выходов-побегов их из огороженных парков в уголья. У нас даже появилась надежда, что когда-нибудь они таким вот естественным путем освоюются в регионе и пополнят число обитающих здесь видов копытных (Собанский, 1986). Однако этого пока не произошло — местные охотники быстро «прибирают» таких беглецов.

Тем не менее при наличии в здешних хозяйствах нескольких тысяч (в конце 80-х гг. — около 9 тыс., Собанский, 1992) пятнистых оленей, фактически уже успешно акклиматизировавшихся в Горном Алтае, соблазнительной оставалась идея выпуска их в уголья с целью обогащения фауны копытных. Сомнений в успехе выпуска почти не было.

Реальная возможность осуществить такое мероприятие возникла в 1995 г. Руководство одного из оленеводческих хозяйств Усть-Коксинского района Республики Алтай (юго-запад региона) решило отказаться от разведения и содержания пятнистых оленей с тем, чтобы полностью переключиться на маралов. Несколько сот оленей подлежали забое. Одному из авторов настоящей статьи — А. Г. Цареву, возглавляющему небольшую охотничью фирму, удалось, в порядке широкого распрощанных тепер «взаимозачетов», приобрести в этом хозяйстве 50 голов пятнистых оленей, самок и самцов 3—4-летнего возраста. Предполагалось, что этого количества будет достаточно, чтобы звери «зацепились» в угольях, освоились и стали успешно размножаться.

Для выпуска было выбрано достаточно подходящее место в среднем тече-

УДАСТСЯ ЛИ ВЫПУСК ПЯТНИСТЫХ ОЛЕНЕЙ?

нии р. Коксы (левый приток р. Катунь), на ее левобережье. Эти урочища отличаются от окрестностей малоснежностью — высота снегового покрова не превышает обычно 30—40 см, изредка до 50. Ландшафты представлены горами (это северо-восточные отроги Коргонского хребта) высотой 1200—1500 м над уровнем моря. Крутизна склонов от 10 до 30°. Южные, более крутые склоны с выходами небольших скал почти безлесны. Склоны северных экспозиций покрыты разновозрастными лесами из лиственницы, ели, березы с незначительной примесью кедра и осины, с подростом тех же пород и хорошо развитым подлеском из акаций (желтой и кустарниковой), жимолости алтайской, спиреи и других кустарников. На выровненных участках в верхних частях рельефа и по склонам, ориентированным на восток или запад, преобладают чистые, так называемые «парковые» лиственничники. Долины заняты по большей части высокополотными молодыми ельниками. Травостой почти повсеместно, в том числе в лиственничниках, в хорошем состоянии, так как скота в тех местах выпасается немного.

Вместе с тем эти угодья, охватывающие в основном бассейны трех небольших речек, левых притоков Коксы — Таловки, Бурунды и Булухты, являются едва ли не основным зимним стойбищем косули, мигрирующей сюда на зиму из окрестных высокогорий, рано покрывающихся глубоким снегом, а также из верховий рек Бухтармы и Алея (Собанский, 1987). В связи с тем что остальные, еще 10—15 лет назад обильные косулей, зимние стойбища на западе региона (в среднем течении р. Катунь, в основном по ее правобережью) ныне практически прекратили свое существование из-за того, что пути миграций косули на этих направлениях теперь полностью перекрыты изгородями парков оленеводческих хозяйств и потоки мигрантов из южных районов Алтайского края «иссякли», интересы охотников переключились на Коксу. Многие из них, как местные, так и приезжие из Горно-Алтайска (это более 300 км) и других мест, стремятся поохотиться на косулю именно на коксинском зимнем пастбище. Это обстоятельство негативно отразилось на результатах выпуска на волю пятнистых оленей.

Сам же выпуск состоялся 6 декабря 1995 г.: 50 оленей, среди которых самки и самцы составляли соответственно 35 и 15 голов, были доставлены на грузовиках из с. Кайтанак до Карагайского моста через р. Коксу и выпущены на левом ее берегу у подножия упомянутого горного массива. Немного выше места выпуска на склонах было заготовлено несколько десятков цент-

неров хорошего сена (из отавы) для подкормки в первое время. Олени съели наибольшую его часть, а в основном сразу перешли на подножный корм.

В первые недели после выпуска был отмечен только один случай падежа — в речке (глубина около 0,5 м) обнаружили уже расклеванную птицами тушу самца. Причина гибели не установлена.

Территория в районе выпуска, общей площадью около 30 тыс. га, закрепленная к тому времени решением усть-коксинской районной администрации за фирмой «Кок-суу», была объявлена зоной покоя с полным запретом всякой охоты сроком на три года.

Охрана зоны покоя осуществлялась, к сожалению, недостаточно. Охранял ее один егерь, который жил на кордоне близ Карагайского моста. Южные склоны горного массива, против которого располагается кордон, он мог еще худо-бедно контролировать, но отдаленную, труднодоступную с этой стороны северную часть охранять было гораздо труднее. Охотники, несмотря на запрет охоты, постоянно наведывались в эти места, и практически сразу после выпуска олени стали попадать под пули.

Сейчас еще не поздно принять решительные меры по охране пятнистых оленей на левобережье Коксы, при этом также резко усилить борьбу с хищниками. Тогда оставшиеся живот-

ные, а их по разным оценкам сохраняется еще не менее 30 голов, могли бы не только уцелеть, но и успешно размножиться.

В небольшой Республике Алтай охраной животного мира занимаются три достаточно сильных по нынешним временам ведомства: Департамент по делам охоты и два Комитета (фактически на правах министерств республики) — лесного хозяйства и экологии. У всех имеется достаточно штатных кадров, транспортных и денежных средств. Кроме зарплаты хватает на командировки не только по России, но и в дальнее зарубежье. Для этих организаций не составило бы труда помочь в охране местообитаний пятнистого оленя на Коксе. Надо-то ведь добавить всего одного (а в период разрешенной охоты на косулю, только в начале зимы, — двух) егеря и одну единицу транспорта — тоже на несколько месяцев, в пору наплыва охотников. Польза от успешной акклиматизации такого ценного животного (одна из разновидностей занесена в Красную книгу России), самцы которых носят еще и дорогие панты, несомненна.

Думаем также, что описанный опыт выпуска пятнистых оленей, даже если не удастся довести его до благополучного завершения, окажется полезным для тех, кто в будущем займется осуществлением подобных мероприятий.

Пятнистых оленей выпускают на левом берегу р. Коксы

Фото А. Царева

В большинстве из выводков было по 6—8 поросят, что в итоге содействовало успешному расширению ареала кабана

Фото В. Пескова

С 60-х гг. XX века стали появляться научные публикации о необычном по своим масштабам распространении кабана на сотни километров от бывшего ареала. Необычность состояла в том, что распространение кабана оказалось являю не только в регионах, где, по историческим данным, кабан обитал лишь в среднем голоцене (1—3 тысячелетия до н. э.), но и в суровых северо-восточных регионах европейской части России, где он никогда не водился.

Феноменальным явилось и то, что этот столь, казалось бы, изученный зверь самим таким явлением перечеркнул, образно говоря, имевшиеся познания, которыми определялись возможности его жизни в пределах России. Естественно, что, обозначая это удивительное для охотоведения событие уходящего века, неизбежен вопрос: а что же подвигло представителей этих копытных мощно устремиться на освоение новых мест обитания? И устремиться, как ныне установлено, только из западных стран бывшего СССР. Вместе с тем не менее важен и другого рода вопрос: а что же способствовало мигрантам из этих стран появиться, жить и размножаться там, где, казалось бы, возможности для этого полностью исключены? Да еще не просто тут жить, но и за сравнительно короткое время войти в состав зверей, относимых к категории охотничьих животных. Примеча-

тельны на этот счет официальные сведения Облхотуправления об использовании ресурсов кабана, прижившегося в Кировской области, преднамеренно проиллюстрированные мною на фоне данных об отстреле волков, издавна представляющих негативное порождение вятских лесов.

И это в области, где более полугода обычен снежный покров и такой, когда в феврале по специальным замерам высота его в глубине пойменных лесов удерживается в пределах 90—110 см, а в понижениях по болотам и на опушках лесополос — 150 см. К сему следует присовокупить и нередкие на вятской земле зимние понижения температуры воздуха до -40°C , которые обрушиваются на кабана при том обстоятельстве, что он, в отличие, скажем, от лося и зайца, не может (вследствие пропотевания) устраиваться на лежку, погружаясь в снег. Свидетельствуя о сем, нельзя вне внимания оставить и то, что с началом нашествия первых кабанов в обширные леса Кировской области (1967 г.) численность их год от года росла. К 1980 г. поголовье исчислялось уже в 1600 особей, а к 1991 г. оно увеличилось до 4,5 тыс. особей. С 80-х гг. кабан стал обитателем всех районов Кировской области, ставшей трамплином экспансии вида в пределы земель Предуралья. Что же позволило этим мигрантам прижиться не только в вятских, но и в других лесах на северо-во-

КАБАН: ПОЧЕМУ ОН ПРИЖИЛСЯ В ВЯТСКОЙ ТАЙГЕ ?

М. ПАВЛОВ, старший научный сотрудник
по охотоведению

стоке европейской части России? Правда, многое из того, что недавно составляло содержание этого вопроса, ныне уже не является природной загадкой: глубокий снежный покров, как выяснилось, совсем не помеха для жизни кабана в зимний период. И не помеха потому, что при перемещении по рыхлому снегу он словно плывет в нем, как по воде, оставляя за собой широкую (в свой корпус) траншею. В последующие дни снег в траншее смерзается и на участке обитания этого зверя появляется зимняя кабанья тропа.

Не стал бедой для этих копытных и сплошной снежный покров. Кабаны устраивают настилы на снегу из веток хвой либо используют для лежки муравейник, где-то — остожья или кучи соломы. При таком поведении упрочивалась своеобразная пластичность кабана: будучи самым плодовитым представителем копытных в фауне мира, этот зверь и в лесах северо-востока Европы оказался таким же. По исследованиям О. С. Русакова (1980), в регионах, где кабан появился впервые, при обнаружении в разные годы 275 его выводков в большинстве из них находилось по 6—8 поросят, что в итоге содействовало и успешному расширению ареала кабана, и сравнительно быстрому нарастанию его численности в новых местах обитания.

Естественно, свою роль сыграло и искусственное расселение представителей этого вида по уголкам ряда областей Европейской России. Согласно статистическим данным, в 16 из них за период до 1970 г. было расселено свыше 3300 кабанов, а в последующие 20 лет (при подключении к этому делу соответствующих структур 20 других областей) — еще более 4200 особей.

В хорошо обустроенных охотхозяйствах выпусками и подпусками кабанов удавалось создавать разные по численности очаговые их поселения с постоянным местообитанием, но только при обеспечении поселенцев регулярной и добротной подкормкой, так как только подкормка способна обеспечить существование кабана в морозные многоснежные зимы, содействуя, по мнению опытных специалистов охотни-

чьего хозяйства, и подпитке его очагов мигрирующими сородичами.

Ныне есть немало свидетельств тому, что кабаны весьма активно реагируют на подкормку, смело приваживаются к ней. Известны случаи, когда в холодные зимы только подкормка была спасительным средством для кабанов, и не только для их подрастающего потомства. Н. К. Верещагин и О. С. Русаков (1979), изучая причины гибели кабанов в северо-западных областях, установили, что истощение, наступающее при многоснежье или при сильном промерзании почвы, — один из основных факторов смертности этих зверей: «Из 385 случаев гибели кабанов, зарегистрированных здесь в разные годы, 231 (60 %) пришлось именно на эту причину. При этом в ряде районов регистрировалась гибель не только одиночных животных, но и групп по 8—10—25 особей, павших в одном месте».

Однако озадачивает другой уже факт: а как же кабан живет на просторах еще более сурового северо-востока России, там, где для него никогда не выкладывалась подкормка? В охотгодьях Кировской области лишь в 1976 г. в одно пригородное хозяйство непрофессионально был осуществлен подвыпуск 28 кабанов-сеголетков, и только в немногих охотхозяйствах и заказниках, расположенных в 12 районах (из 24), время от времени для кабанов выкладывали подкормку. Тем не менее этот зверь повсеместно в области стал объектом охоты. Причем довольно удивительным в то время было и то, что гибель зверей от бескормичи не считалась уж слишком обычным явлением: в данных о регистрации мест встреч кабанов в начальный период освоения ими местных лесов (1971—1976 гг.) значилось всего 8 найденных останков этих мигрантов.

Располагая подобными сведениями, можно было не без основания полагать, что это либо результат трудности обнаружения останков кабанов в чащах вятских лесов, либо показатель достатка нужных кормов прижившимся в них поселенцам. И вот тогда, заинтересовавшись этим вопросом, я, занимаясь охотой на кабанов, решил проследить, как же они переносят зиму в угодьях, находящихся столь долгий период под снежным покровом. В результате было замечено, что популяцию вятских кабанов представляют две их группы с разным образом жизни в зимнее время. Одну из них составляли звери, ведущие зимой, если не семьей или стадом, то и в одиночку, довольно активный образ жизни, приваживаясь к животноводческим фермам, силосным ямам, к остаткам зерновых культур на полях, не чураясь и трупов животных или других каких-либо кормов, обнаруживаемых возле населенных пунктов. Другую группу представляли кабаны, ведущие скрытный образ жизни, проводящие зимой большую часть времени на лежках.

В середине 80-х гг., убедившись в существовании таких групп зверей в угодьях опытного охотхозяйства ВНИ-

ОИЗ, расположенных в довольно обжитых районах Кировской области, мне удалось провести многодневные наблюдения за поведением каждой из групп в зимний период. В те годы та группа, что зимой вела активный образ жизни, находилась в южных угодьях хозяйства, представляющих мозаику облесенных логов с куртинами елово-пихтовых крепей, многокилометровой лентой простирающихся среди возделываемых обширных полей. Это позволяло считать, что такое расположение логов и полей, на которых к тому же постоянно находились большие пожнивные остатки, а в сырое лето — и недосборы урожая сельхозкультур, обеспечивало в южной части хозяйства активную зимнюю жизнь кабанов. Содействовал этому и стационарный подкормочный пункт, сооруженный в лесу. С наступлением глубокого снега семья и табуны этих зверей, так же как и те, что жили среди них в одиночку, становились завсегдатями этого пункта, если даже не всегда там находились корма. В то же время в том же хозяйстве иным было поведение кабанов, отличавшихся скрытным образом жизни, но живших в северных угодьях хозяйства, где находились большие массивы лесов. Здесь они, как правило, обживали те угодья, в которые вклинивались полосы полей с посевами овса или гороха. По перевозимку кабаны каждую ночь жировали на этих посевах, но как только снежный покров становился выше 20—30 см и к тому же начинались морозы, все они переставали выходить на поля и укрывались в лесу. Столь своеобразное поведение этих копытных в такого рода угодьях было однажды подтверждено следующим весьма примечательным наблюдением, результаты которого заслуживают подробного описания.

Сотрудникам лаборатории ветеринарии ВНИИОЗ потребовалось привадить к подкормке какую-либо семью кабанов в удобном для слежения месте. Нужно было определить наиболее привлекательный для кабанов корм с тем, чтобы использовать его для опытов по проведению пероральной вакцинации

зверей против повсюду губительной для них чумы и пероральной иммунизации против болезней Ауески.

В первой декаде ноября семья кабанов в составе самки и семи подсосунков была выслежена на кормежке в поле с посевом овса. Одновременно было установлено, что эти звери кормились там постоянно, уходя на дневку в смежный массив леса, обособленно произрастающий в прибрежной полосе небольшой речки. Особенность этого массива заключалась в том, что хвойный его древостой с очень густыми куртинами молодого ельника произрастал по довольно крутым склонам, начинавшимся от края поля и окаймлявшим нижней своей частью приречную заболоченную полосу поймы, заросшую ольшаниками, березняками и другими лиственными деревьями. После обследования всей этой территории было решено устроить подкормочную площадку на противоположной стороне поля в мыске леса, что вклинивался в то же поле неподалеку от места, где находились основные жировки этих зверей. В начале второй декады ноября для их подкормки на эту площадку были завезены различные корма, включавшие зерновые смеси, концентраты, жмых, а также тушки пушных зверей и птиц. Чтобы обеспечить достаток кормов на весь зимний период, зерновую часть поместили в нужном количестве в контейнеры, установленные поблизости. Для надежного проведения запланированных опытов аналогичное подкормочное устройство было создано и на другой стороне этой же припойменной полосы леса, где находилась облесенная со всех сторон поляна, когда-то используемая под пашню.

По завершении всей этой подготовительной работы дальнейшие наблюдения позволили установить следующее. После выкладки кормов в мыске леса их на второй день обнаружили врановые птицы и начали шумно расклевывать и растаскивать тушки зверьков. Кабаны на такое поведение птиц не среагировали. Все семейство по малоснежью продолжало жировать на полях убранных овсах, не занимаясь бро-

Кабаны весьма активно выходят на подкормку

ПОКАЗАТЕЛИ ОТСТРЕЛА КАБАНОВ И ВОЛКОВ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ГОЛОВ)

Годы	1967*	1968-1976	1977**	1978-1979	1980	1981-1982	1983-1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995-1997
Кабан	0	0	18	30	284	555	н/д	1751	1801	1800	1104	688	942
Волк	130	1950	452	1479	605	403	3104	208	201	252	116	330	839

* — Год появления в области первых кабанов.
 ** — Год начала отстрела.

дьяжничеством даже по полю, где в избытке лежал нужный им корм. Так вели себя «подопытные» кабаны до конца второй недели ноября, завершившейся обильными снегопадами, совпавшими с ощутимыми похолоданиями в утреннее и вечернее время.

С углублением снега следы выходов кабанов на облюбованное ими кормовое поле перестали встречаться. Нигде и никем в округе они не обнаруживались и на протяжении всех последующих зимних месяцев, хотя этот припойменный лес служил местом активной охоты на зайцев и изредка на лосей и кабанов. Естественно, что при таких обстоятельствах организаторы опыта признали правильным довод о том, что вся семья кабанов во время снегопадов ушла незамеченной в какие-либо дальние глухие массивы леса.

Начавшиеся наблюдения завершились в последующем не чем иным, как своего рода научным открытием. В третьей декаде марта чисто случайно семья этих зверей была мною лично обнаружена в той же припойменной полосе леса, причем неподалеку от зарайка поля, которое по осени служило им местом жировки. Весь их семейный состав обосновался, как оказалось, под пологом высокоствольных елей, где имелись плотные куртины полуметра-двухметрового елового подростка, в котором была проложена лишь одна тропа, местами раздваивающаяся на коротких участках. По этой тропе звери перемещались от одного обустроенного ими елового настила до другого. Всего таких настилов для лежек имелось на тропе четыре, притом один находился под выворотом высокоствольной ели, как бы под навесом. Протяженность всей тропы с обустроенными на ней хвойными настилами для лежки

не превышала двухсот метров и то, очевидно, потому, что она была проложена от одной густой куртины ельника до другой. При последующем обследовании всего места зимовки семья кабанов удивление вызвало также и то, что, кроме как на тропе, каких-либо других следов ее жизнедеятельности обнаружено не было.

Напрасны оказались и поиски каких-либо поедей этих зверей на древесной растительности, так же как и поедания лишайников на старых деревьях. Вообще озадачило и обнаруженное нетронутым содержимое желудка лося, вытаявшее не далее чем в 20 м от тропы. Другая диковинная необычность поведения тех же зверей проявилась и в том, что непривлекательным для них оказалось и сухое ячменное зерно, несколько ведер которого спустя два дня после обнаружения кабанов разово было высыпано на настил, находящийся у начала тропы. Необычность же этого, как мне представлялось, заключалась в том, что звери всем составом подходили к настилу с зерном, даже пошевелили его, но поедать так и не стали. Возможно, что на месте зимовки они в нем и не нуждались, ни один зверь не проявил каких-либо признаков слабости. При приближении человека (только заслышав подход к ель-

нику) вся их семья сразу покидала места лежек и незримо укрывалась в чащобе.

В последний день марта следы выхода с зимовальной тропы одного кабана были замечены на краю поля. Но этот зверь, видно, лишь постоял на краю поля, покрытом корочкой наста, и своим же следом вернулся в обжитый ельник. И только в ночь на 5 апреля, когда началось резкое потепление и пошел дождь, вся семья кабанов по раскисшему рыхлому снегу пересекла поле, где жировала в осеннее время, и вышла на лесовозную дорогу. По этой дороге, минуя подкормочное устройство, звери отправились в основной массив леса. К сожалению, из-за наступившей тогда же весенней распутицы наблюдения за столь привлекательной семьей кабанов были прекращены.

Известные российские териологи В. Е. Соколов и Л. М. Баскин (1984) сообщают о том, «что кабаны способны оставаться на лежке до месяца и дольше, пережидая таким путем сильные морозы, периоды настов».

В свою очередь, достоверность наблюдений Ю. Г. Пузаченко объясняет появление свежих следов кабанов там, где в течение всей зимы признаки их обитания не обнаруживались.

Завершая на этом освещение сведений, предпринявших возможность многолетнего существования кабана на северо-востоке Европы, подчеркну, что для представителей этого вида копытных характерна наибольшая среди них способность как к размножению, так и к адаптации к самым разным условиям жизни. Это не значит, конечно, что кабан в России способен появиться везде. Известно, что в отдельных регионах возможность его существования определяется даже одним решающим фактором. Так, к примеру, если бы вятский лес составлял только лиственный древостой, пусть даже с участками сосновых боров, этот зверь никогда бы здесь не прижился. Возникает и другого рода вопрос: а что же таким переселенцам из западных, более теплых, стран позволяет по несколько месяцев лежать зимой на еловых настилах, не проявляя даже попыток к поиску пищи? Полагаю, и неспециалисты тотчас ответят на этот вопрос — жир! Верно. В этой связи уместно будет сослаться на публикацию А. П. Варнакова и Н. Ф. Млодикова (1988), посвященную рекомендациям по разумной подкормке кабанов в охотхозяйствах центра России. Тогда оба они обратили внимание и на то, что кабан относится

В последний день марта следы выхода одного кабана были замечены на краю поля

к животным, переживающим зиму благодаря накопленным жировым отложениям... А поэтому человек-де «должен лишь подкармливать кабана, но не кормить его; основной корм животные должны добывать сами». Осмысливая сказанное, правомерно тогда предположить, что и кабан как вид природой наделен потенциальной возможностью в зимний период жить на воле, как медведь, барсук, енотовидная собака, другие зимоспящие животные.

К сожалению, каков этот жир по своему биохимическому составу, до сих пор не известно, хотя издавна признано, что у зимоспящих зверей он целенбен. Также без ответа остается пока вопрос и о том, какие же корма потребны зимоспящим животным во время нагула в осеннее время нужного запаса жира надлежащей питательной ценности. Собственные наблюдения позволяют считать, что для кабана в составе такого корма, обеспечивающего нагул жира, важнейшее значение имеют черви. Ведь не только охотникам, но и посетителям лесов и полей известны так называемые пороки кабанов там, где в почве они обнаруживают скопления дождевых червей и крупных личинок некоторых видов насекомых.

К аналогичной оценке значимости беспозвоночных представителей фауны для популяции кабанов, населяющих леса Московской, Ярославской и даже Волгоградской областей, пришла и Г. И. Иванова (1978), отметив, что «в качестве наживочных кормов большое значение имеет животная пища, особенно дождевые черви».

Обозначая признанную теперь в охотоведении значимость беспозвоночных животных для жизни кабана в экстре-

мальных условиях, я считаю, что для специалистов охотничьего хозяйства будет полезным осветить, почему разными учеными дождевые черви возведены в ранг мощного источника полноценного белка для балансирования кормовых рационов продуктивных животных. Так, в частности, в публикации А. М. Игонина (1986) обоснованно утверждается, что дождевые черви могут и должны стать новым мощным источником животного белка для нужд животноводства; что «дождевые черви — это естественная белковая пища для многих животных». Одновременно А. М. Игонин обращает внимание и на то, что у свиней растительный белок в общем балансе кормового белка составляет 90 % и только 10 % приходится на долю источников полноценного животного белка. Но именно эти 10 % животного белка и определяют эффективность использования остальных 90 % белка.

Вот почему дождевого червя, как известно, жадно пожирают многие представители животного мира. Однако не следует думать, что без червей кабаны не проживут. Во время нагула жира они падки на желуди, орехи, а там, где этих кормов нет, привлекательным для кабана (как и для медведя) становится овес, кормовая ценность которого хорошо известна каждому крестьянину, работавшему на лошадях, ну а его привлекательность ведомо и охотникам, из века в век сооружающим подле овсяного поля лабаз. Это и должен разуметь каждый работник охотничьего хозяйства, чтобы не расценивать на успех разведения кабанов лишь использованием отходов каких-либо сельхозкультур.

Фото А. Севастьянова

Пороки кабанов часто встречаются там, где обнаруживаются скопления дождевых червей

НЕУСЛЫШАННАЯ ПРАВДА

Николай Николаевич
ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ
(1883—1934)

Пионер охраны природы, организатор Астраханского заповедника (по этому вопросу встречался с Лениным) и Всероссийского общества охраны природы. Огромное внимание уделял вопросам просвещения и пропаганды охраны природы.

«Только пропаганда может обеспечить конкретное проведение идеи охраны природы в жизнь, только вовлечение широких народных масс в дело охраны природы может поставить его на... заслуженную высоту. Заборы, стража и карательные меры к нарушителям законов охраны природы, уже изданные Советской властью, при наличии широкой пропаганды, будут нужны только для тех, кто не способен или не желает воспринимать эту пропаганду. Эти рогадки — явление времени. Интерес к охране природы пробуждается, когда природа в том или другом отношении грозит истощением. Это, с одной стороны, вызывает мероприятия по охране природы, с другой — необходимость пропагандировать идеи охраны природы (...). Методика пропаганды охраны природы должна изменяться в зависимости от того, какая задача охраны пропагандируется, а именно: сохранение природных богатств, имеющих хозяйственное значение, научных ценностей природы, ее санитарных возможностей и художественных ценностей. Форма пропаганды должна быть максимально популярна, пропагандируемый материал должен быть наглядным и дешевым».

(Из докладной записки
Н. Подьяпольского в президиум ВООП)
ГАРФ, ф. 2307, оп. 10, д. 370, л. 16.

Материал подготовлен В. БОРЕЙКО

РАДОСТНЫЕ МИНУТЫ НАШИХ ОХОТ

Е. БЕРЕСТОВСКИЙ

Берегите родственные души

Меж скалистых сопок раскинулась широкая песчаная долина, и полноводный ручей Хохряк змеей прорезает ее по середине, впадая затем в реку Воронья всего в нескольких шагах от Баренцева моря. Обширные пространства песка покрыты плотным темно-зеленым ковром вороничника, а пустынные участки окружены дюнами, местами заросшими волосенцом, можжевельником, ивняком и корявым березовым мелколесьем. Посреди долины двумя изрезанными буграми красочно возвышаются каменисто-песчаные сопочки — Песочная и Заячья. Тут, на площади около десятка квадратных километров, какой-то особенный, живительный для растительности микроклимат, поэтому грибов и ягод бывает обычно видимо-невидимо. Зверя и птицы в этом оазисе на песках жирует, разумеется, тоже немало, а посему мы на пару с ягдтерьером Ежка тихим осенним утром переправились на «резинке» через губу Ярнышную и, совершив трехчасовой марш-бросок, оказались здесь, чтобы устроить себе традиционный праздник открытия охотничьего сезона. Приходим сюда за этим уже не первый год, поскольку охота на интересующую нас дичь требует хорошего взаимопонимания и партнерства, ну а что может быть приятнее, чем разделить с другом радость совместного успеха.

Вокруг — простор бескрайний и красотища. Прибрежная тундра в это время превращается в сплошную красно-желто-вишневую мозаику на темно-зеленом фоне. Конечно, это не далекий жаркий юг, где краски ярче и сочнее, но в здешнем скромном цветном разнообразии тоже есть своя притягательная прелесть. Грибов сей год немерено, однако я их отсюда ни за что не потащу — этого добра сейчас и около дома хватает. Бруснички же надо обязательно подсобрать, поскольку она местами джоже обильная и такая крупная, что каждую упавшую ягодину подбираешь. Но это все потом, а пока мы с собакой рыщем в мелколесье и по кустам с одной целью — найти тех птиц, чей скрипучий смех так будоражит

наши охотничьи души. Иногда для этого приходится прочесывать долину не один час. Вот и сейчас Ежка, задумчиво копаясь в черничнике под низкорослыми березами, в очередной раз вяло повливает хвостом и смущенно поглядывает в мою сторону, показывая, что они здесь в предыдущие дни, конечно, были, но не сегодня. Что ж, дружище, пойдем сходим к нашему первому заветному распадку на Песочной сопочке и там попытаем удачи. Посажу-ка я тебя на поводок, что пристегнут к рюкзаку, а то за годы наших совместных скитаний ты прекрасно изучил тут все значные места и можешь от избытка охотничьей страсти втихаря сорваться и улизнуть на разведку боем.

Распадок на склоне солки невелик — всего-то сорок на сорок — и густо зарос березняком с черникой. Захожу в гору с противоположной стороны и занимаю, как обычно, выгодную позицию сбоку у его вершины. Открываю свой любимый тульский бокфлинт со стволами цилиндрической сверловки — прекрасное ружье для охоты накоротке. На сей раз патроны с семеркой на месте. Это я к тому, что был у меня однажды такой несчастный случай, когда впопыхах забыл вложить их в стволы и жутко потом опозорился перед прекрасной сработавшей собакой. Теперь вот дуо на воду, коль обжегся на молоке. На сей раз все в порядке. Удачи нам! И наш выход, маэстро!

Скатившись по склону на полянку в верховьях распадка, терьер сразу же ткнулся носом в чернику и хвост его долгожданно закрутился пропеллером — значит, нам тут есть чем поживиться. Умудренная шестилетним опытом собака быстро нашла дичь, и вот он, такой долгожданный, но всегда неожиданный живой взрыв — полновесный выводок белых куропаток кучно взметнулся вверх пестро-белым фейерверком под хохот петуха-куропача. Быстрый прицельный дуплет на взлете, тем более накоротке, это у нас на пару с ружьем почти всегда верное попадание, которое на сей раз влечет за собой падение аж трех птиц, включая самого насмешника. Тут же перезаряжаюсь в ожидании, не зазевался ли там в чаще еще кто-нибудь. Ага, есть такой нерасторопный, и Ежка в азарте пару раз прищелкивает упавшую после выстрела куропатку, роняя при этом во-

рох перьев. Да, линияют уже птички вонсю, меняя свое пестро-коричневое летнее оперение на зимнее белоснежное, ну а крылья у них весь год белые. Все, дружище, убери перья с морды и быстро на поводок.

Походил, пособирал наши трофеи и уложил их в рюкзак. Тут надо заметить, что Ежка всегда исправно подает дичь с воды, но на берегу этим принципиально не занимается. Хотя может, если очень захочет, и у меня был случай в этом убедиться. Однажды, когда я пережидал снежный заряд за большим камнем у Поповской горы, что недалеко от поселка, он неожиданно приволок откуда-то еще теплую белую куропатку, подранком потерянную другим охотником, и бережно положил ее к моим ногам. Очумев от радости, я рассыпался перед ним в благодарностях и комплиментах с тайной надеждой, что вот онс наконец-то свершилось. Но, увы, это был первый и последний раз. Думаю, что врожденное качество ягдтерьера рвать и метать с нанесением тяжелых телесных повреждений неизбежно входит в противоречие с требованием деликатного обращения к нежной пернатой дичи, по поводу чего у нас не раз возникали ссоры. И Ежка мудро решил лишний раз себя не искушать, ограничившись на суше лишь ловлей подранков, которым за попытку побега и врезать не грех, нахально пользуясь щекотливой ситуацией, когда хозяин вынужден быть снисходительным к превышению служебных полномочий. А в тот памятный день собака снизошла до апортирования только из тех сообщений, что принести дичь было значительно проще, чем объяснить, где она лежит, — не бросать же такую роскошную добычу на растерзание мрачному воронью.

Что-то я в эйфории удачной стрельбы толком не уследил за направлением полета уцелевших птиц. Помню, что часть куропаток махнула куда-то вверх на сопочку, а там они всегда из года в год приземляются в одно и то же место, причем я так до сих пор и не пойму почему. Ну что такого притягательного может быть для белой куропатки в той груде каменных зубцов, торчащих посреди песочной поляны на плоской макушке сопки? Это же не более мелкая тундряная куропатка, с ее вечной тягой к камням, — разные у них в наших

Фото Н. Пантелеевой

краях биотопы и охота тоже другая. За тундранкой, когда она побелеет хотя бы немного, носишься как савраска по горам и логам, высматриваешь в бинокль птиц заодно с длинноухими на скалах, в каменистых россыпях или в кочках с черникой-вороникой. Увидел, подкрался, прицелился и... А поскольку у куропаток ярко выраженное стремление кучковаться, бывало, с одного ствола пяток выбьешь, да с другого — еще парочку. Разве этот промысел может эмоционально сравниться с ожиданием выстрела из-под вдохновенно работающей собаки? Да ни за что! Поэтому мы здесь, а не там.

Хоть и не понимаю, а они все равно сидят где-то среди тех зубцов, но вижу пока только одну. Обхожу сопку в полгоры, поднимаюсь под прикрытием давно знакомого, уже родного мне крупного валуна и, аккуратненько прицелившись, бью восьмеркой по торчащей из-за камня птичьей головке. Еще пара куропаток шумно срывается за зубцами и сразу уходит вниз вне видимости. Ну не очень-то и хотелось. Нам пока и этих впечатлений вполне достаточно для затравки. Правда, собака? Разумеется, у нас демократия, партнер, но ты бы мог, между прочим, согласиться с хозяином из солидарности. И нечего так страстно поглядывать на те заросли. Нам ведь еще завтра почти целый день по кустам лазить, а сейчас — у меня совсем другие планы.

Время обеденное, пора перекусить, передохнуть и заняться ягодой. Мы уже пришли туда, где вдоль одного из протекающих по равнине мелких ручьев, порой уходящих в песок, тянется песчаная грядка, покрытая густым одеялом из вороничника с обильной примесью крупноплодной брусники. Не удержался, проскочил по ней чуток и с радостью отметил, что ягода уродилась на славу. Сходил к ручью за водой, там же

набрал сухого ивняка — лучшего вида древесного топлива в этих местах. Ментально запалил костерок и поставил на огонь воду в невесомой литровой банке из-под пива. Достал кусок сырой оленины, припасенный для собаки. Быстро проглотив мясо и сходяв попить водички. Ежка свернулся калачиком у рюкзака и сладко задремал. Конечно, подустал, ведь еще до песков, пока шли сюда от переправы, успел обежать ближайшие уголья и проверить все «горячие» точки. И зайца своего, еще с прошлого года «привязанного», нашел и крутанул с ним пару кругов для разминки, и лису знакомую напугал чуть ли не до смерти, когда столкнулся с ней нос к носу на норе возле гусиной засидки на Пролетном озере. Ну и озарился же ты на нее — ведь битый час потом с остервенением и скандальными воплями гонял беднягу по окрестным скалам. Помнишь небось, как щенка ее на гусиной охоте задавил по глупости, а я устроил тебе за это такой разнос на всю окрестную тундру, что густики еще долго с опаской облетали нашу засидку стороной. Ну да ладно, дело прошлое. Я же все понимаю, сам иногда в охотничьем азарте перегибаю палку. Ты у меня парень что надо — верный, в меру послушный, самостоятельный, работающий и непритворливый. В чем-то на хозяина похож, что сплошь и рядом в жизни случается. Ведь и предшественник твой, уважительно прозванный в народе Тихоном, точно такой же по характеру был. Когда-то давно пытался я держать лайку, а после гибели Тишки вельтерьершу. Но ничего хорошего из этого не получилось, не сошлись характерами и все тут. Пришлось расстаться. А с вами, черти, у меня всегда лады — как тут не задуматься о родственности душ. Если подойти к этому философски, наверное, именно стремление к оцеловечи-

ванию собаки и есть то реальное проявление веры людей в возможность переселения души. Интересно, а кем я, в таком случае, был в прошлой жизни. Как хочется верить в то, что чего-нибудь да и будет после. Я что, я и собакой бы не прочь, тем более охотничьей. Ты отдыхай, отдыхай, псина. Это я так, о своем, об абстрактном. Природой, наверное, навеяло. А у тебя еще завтра объективно насыщенный рабочий день.

Закипела вода. Заливаю ею вьетнамский, очень острый — как раз по мне — крабовый супчик быстрого, трехминутного, приготовления и завариваю свой любимый чай, настоящий английский «Earl Grey». Сюда, в поле, нужно брать только самое лучшее и любимое, потому как, если уж удастся так порадоваться жизни, надо не мелочиться и делать это в полную меру. Пообедав и немного полежав на вороничном ковре в обнимку с собакой, приступаю к сбору ягод. Достая из рюкзака короб и грабилку. Этот короб сделан мною из 25-литровой пластиковой канистры, найденной на морском отливе. Срезал верх, отрихтовал в кипятке вмятины и пробил под мощную пластиковую ручку от ведра, которую тоже подарил мне морской берег, — искренняя благодарность за все щедрым викингам соседней Норвегии. Со временем у меня таких коробов набралось аж целых четыре, причем есть особо ценная пара, которая впригирку вставляется одна в другую. Это же незаменимая переносная тара под грибы, ягоды, рыбу и дичь, которая прекрасно ставится в рюкзак, в ней ничего не мнется и не протекает, при случае там удобно и рыбку посолить в далеком походе. А пока я тут, на грядке, как на садовой грядке, собираю и ссыпаю в короб богатый урожай брусники. Из всех ягод больше всего люблю собирать именно ее и еще моршучку — азарт нападает какой-то веселый, и усталости совсем не чувствуешь. Вот и сейчас остановился, лишь когда темнеть стало. Пора отправляться на ночевку. Обычно мы уходим в домик на Подпахтинском озере — час отсюда до него добираться, но в этот раз я решил побывать на расположенной рядом пограничной заставе, где у меня и Ежки хорошие знакомые, да и идти до нее всего полчаса. Собранные ягоды и куропаток оставляю в коробе на грядке в кусту можжевельника и сначала по пескам, а потом по хлипкой тропе через болото выхожу к морю.

На подходе к заставе встречают строго по Уставу и сопровождают к дежурному офицеру. Нам здесь рады. Меня — о блаженство! — тут же снабдив чистым бельем и полотенцем, отправляют в еще жаркую парилку. А Ежку, к его явному удовольствию, пограничники предлагают публично продемонстрировать фирменный терьерский аттракцион, и пес с готовностью намертво вцепляется в предложенную палку. Ее поднимают вверх, где пес с рычанием болтается неопределенно долгое время, потому что первыми, как

обычно, тяжести не выдерживают руки. Победитель состязания получает призовой мосел и гордый уходит грызть его в сторонку. После банкши мы, разумеется, тяпнули с офицерами по рюмашке за встречу и поговорили об их непростой жизни вдали от остального человечества. А собаке достались традиционные макароны по-флотски и сладкий сон в командирском кресле.

С утра пораньше, попрощавшись с гостеприимными пограничниками, возвращаемся на пески. Сначала у нас опять по расписанию охота, которую мы начинаем с посещения второго заветного распадка. Но в распадке, что раскинулся на пологом склоне по обе стороны небольшого ручья в отроге долины, у нас случился неожиданный конфуз: к нашему обоюдному удивлению, вождельной дичи там не оказалось, а только одни трескучие дрозды. Так что пришлось уйти не солоно хлебавши и продолжать шерстить кусты по овражкам и ложбинкам на равнине — ну должны, должны здесь быть еще по крайней мере два выводка. Долго искали и тщательно: сначала я издал в бинокль заросли осматриваю, особенно внимательно прикорневые участки деревцев, где, вытянув шею, чаще всего и затаиваются куропатки, а потом уж пускаю собаку на прочесывание. И нашли-таки еще один выводок в кустах на самом краю равнины, там, где из Песчаного озера вытекает ручей Хохряк.

Ежка — умница! — сработал как надо. Сразу же обошел побежавших было птиц, что, прямо скажем, не всегда гладко получается, и выставил их под красивый выстрел. Первым опять упал петух-хотун, а вот вторая куропатка утянула подранком — далекоавто стрелял — и тяжело плюхнулась в кусты метров за двести. Остальные птицы, кто в одиночку, кто парами, разлетелись на бредущем в разные стороны и, совершив ряд обманных вира-

жей, попрыгали в укромных местах. Ничего, теперь-то кого-нибудь точно отыщем. Ведь в бесснежный период лесные куропатки редко садятся на чистине, где хорошо видны их белые крылья и побелевшие животы, а стараются найти куртины с древесной растительностью, кочками и густым черничником. Потому как в этих краях запросто, между прочим, и на кречета нарваться можно, шансов смириться от которого в полете очень и очень мало. Когда же эти воздушные асы работают в семейной паре, то уж совсем без осечки — сам тому не раз свидетель. Так что пространство поиска дичи можно смело ограничить зарослями, но и их здесь тоже немало.

Ага, вот и кусты, где скрылся подранок. Я — на «товсь», а Ежка — в чашу. Собака быстро нашла птицу, и та упала после выстрела. Давай-ка, шестилапый (сие прозвище пристало к моим коренастым ягдам из-за громкого топота, издаваемого ими при беге, и навеяно воспоминаниями об одноименных подземных зверюгах из сказок А. Волкова про Элли и ее друзей), постарайся выцарапать еще хотя бы пару-тройку куропаток, а там и пообедаем. Затем доберу пяток литров брусники и будем трогать до дому.

Возвращаемся на грядку к оставленным вещам. Бросаю рюкзак и налегке, только перекинув через плечо капроновую сумку с парой газет для завертывания добычи, ухожу, свистнув собаку, ко второму заветному распадку — есть уверенность, что хотя бы пара из поднятых ранее куропаток соблазнилась именно этим укромным местечком.

Угадать-то угадал, да не так все просто. Второй распадок — он ведь вообще первого будет и все пространство выстрелом уже не перекроешь. Тут надо позицию правильно занять, а это сложно, поскольку ветер слаб, и — лети, куропатка, куда хочешь. Короче

говоря, нашел там Ежка трех ранее сбежавших от нас птиц, но место встречи с ними я, увы, не угадал. Взлетев вне зоны обстрела, они не дали мне никаких шансов, избрав противоположное направление полета, и утянули куда-то в сопки. Дальнейшие упорные поиски по долине, как ни странно, опять ни к чему не привели, и, что особенно огорчительно, мы ни разу не подняли там матерых куропачей-одиночек. Это ж особый шик, можно сказать, изысканный десерт, в такой охоте — сбить крупного петуха, с шумом и гамом неожиданно взметнувшегося ввысь из каких-нибудь невзрачных кустиков. А ведь иногда таких подарков по паре-тройке попадало к нам в мешок. Зато, на радость Ежке, всех зайцев распугали — вон, куда ни глянь, песок испещрен гонными зайчиками и собачьими следами. Да, посмотрели, невольно оглядываясь по сторонам, на свежие косолапые следы и кучи — отличный мишка тут лазил по черничникам. Я по этому поводу так, на всякий случай, переложил в карман поближе пару неотразимых аргументов от мастера Полева. Ну и, конечно, нарушил данное себе слово — не брать грибы. Ведь знал же, что все равно, как ни крути, а ноги все равно принесут меня на знакомую полянку, где с давних пор обосновалась боровичная грибница. К тому, чтобы, не моргнув глазом, проходить мимо россыпей молоденьких подосиновиков-выковырышей, здесь привыкаешь быстро, особенно припомнив, как чуть не надорвался от жадности в прошлый раз, пропавши они тут все пропадом. Но так запросто мимо белых — это уже выше моих сил. Обреченно вздохнув, бережно укладываю десяток солидных боровичков в сумку. Обидно, но возвращаемся к вещам без дичи. Перекусили. Шустро дособирав обещанный себе пяток литров брусники и, тяжело грузенный, двинулся в обрат-

ный путь. Ежку посадил на поводок, чтобы он по пути не убежал гонять зайцев и лис — жди его потом у переправы до ночи, а я страсть как не хочу плыть через губу в крошечной темноте.

Мы были уже на краю песков и устало брели по последнему бархану, густо утыканному колоссящимся волосенцом, когда Еж внезапно востепенулся, резко подался в сторону, натянул поводок и напряженно замер, уставившись в заросли густого ивняка в ложбинке между сопок. О как хорошо нам это знакомо и желанно! Откуда только силы сразу взялись. Рюкзак — долой, ружье — в левую руку, правой скидываю ошейник. А потом — шум и мелькание белых крыльев, скрипучий хохот, дуплет, падение пары птиц, попытка подранка ударить пешком и бандитская ухмылка на собачьей морде, густо облепленной перьями беглеца.

Вот засветился и еще один выводок, который мы так упорно искали на песках. А он вон где оказался. Слушай-ка, Еж! Тебе случайно не показалось, что первым выстрелом я зацепил еще одну куропатку — ведь перо с нее точно полетело. Вероятно, это именно она в паре с другой утянула вверх по склону, где обе птицы резко нырнули вниз, вполне возможно залетев при этом в хорошо известный нам ложок с крохотным озерцом. И примечательно то место большой куртины низенького корявого березняка у самой воды — частым прибежищем пострадавших от меня куропаток. Думаю, что надо собраться с силами и обязательно подняться туда, чтобы проверить нашу версию. Да и повод серьезный: подранка следует непременно добирать.

Оставив вещи и взяв собаку на поводок, медленно, снимая на ходу усталость в плечах, ползу в гору, затем сворачиваю в ложок и в полной боевой готовности вываливаюсь из-за угла прямо к зарослям.

Ежка закрутил свой хвостовой пропеллер еще на поводке у края куртины, чем сразу снял все вопросы. Поднятый собакой здоровенный куропач с хохотом задал лихую кривую свечу, но его удалось эффектно поймать выстрелом в критический момент сваливания в пике. Раздался два последовательных всплеска, и собака быстро выволокла нашу добычу из воды. Ох и знатный же попался петух! А как красиво мы его сделали! Да-а, просто потрясный подарок к нашему охотничьему празднику! Погоди-погоди! Но это ж явно не подранок. Эй! Хорошо елозить брюхом по ягелю и трясти мокрой шкурой у меня перед носом — обсохнуть всегда успеешь! Лучше проверь-ка все вокруг повнимательней.

...Ну, так я ж тебе говорил! Конечно, ты у меня тоже молодец! Вижу, что она уже готова. Брось сейчас же! Тоже мне умник нашелся. Я и без тебя знаю, что куропатку легче всего ощипывать сразу, еще теплой, однако предпочитаю сделать это уже дома, причём сам — так, чтобы можно было есть чистое

мясо, а не рубленый бифштекс с перьями... Ну не надо на меня так обижаться. И вовсе я не злопамятный, однако согласись, что иногда приходится напоминать тебе о том стародавнем случае жуткого мародерства, когда от подстреленной куропатки, пока я лез за ней по крутому снежику, остались, после твоей «профессиональной» щипки в кровожадном состоянии, только ножки с крыльшками. Меня тогда чуть кондратий не хватил от возмущения. Ладно, все, проехали.

На сегодня закончили, хотя в другое время можно было бы вернуться и пошукать в районе первого распадка, куда утянула часть птиц. Но завтра надо на работу, а время поджимает, потому как еще ползти и ползти с тяжелой поклажей по горам, по долам и болотам.

Уже в сумерках переправляемся через губу в сопровождении парочки любопытных морских зайцев, на которых Ежка страшно рычит и демонстративно грозит сигануть в воду для расправы. Взгромоздив на голову лодку и подключив второе дыхание, с трудом поднимаюсь в полной выкладке по скользкой моренной гряде. Перевалив ее, мы оказываемся на краю поселка и подходим к нашему маленькому домику, где нас уже давно никто не ждет.

Выпив за один присест почти всю трехлитровую банку круто настоявшегося чайного гриба, переодевшись и раскидав на просушку мокрую от пота одежду, чищу ружье — для меня это давно уже непреложное правило номер «раз». Затем иду на кухню, стелю на пол газеты, сажусь и начинаю ощипывать птиц. Сразу же приходит Ежка и, спросив глазами разрешения, ложится у входа — он всегда охраняет нашу добычу и бдительно следит за ее разделкой. Ему тут, как обычно, перепачкают куропачьи, а в более поздний период и заячьи головы. Убираю кучу перьев и занимаюсь мясом. Потрошенные тушки делю на три части. Выдержанная пару-тройку суток в холодной воде и вызревшая мясистая грудка, тушенная с картошкой под майонезом, — это жутко потрясный деликатес, достойный любого роскошного стола. Окорочка с крестцом и ребра с шейкой идут на диетический бульон, туда же бросаю вычищенный желудок, сердце и печеньку. Из специй кладу только соль, иначе напрочь убивается тонкий аромат бульона с легким запахом вороники и черничного листа — основной пищи куропаток в это время. Так, вроде всю неотложную работу закончил, а бульон будет готов через час. Можно передохнуть, попить чайку и поразмышлять о превратностях судьбы.

С нежностью смотрю на собаку, дремлющую рядом на диване. И такая щемящая тоска подкатывает — хоть плачь. Тяжелую думу приходится думать, скоро мне опять предстоит идти в море, а Ежа оставить уже некому, потому как наш институт из поселка перевели в город, большинство сотрудников отсюда уехали, а кто остался, те

сейчас в экспедициях и отпусках. Единственная надежда на пограничников с заставы, где ночевали, — и Ежку там любят, и свобода для него полная, и с питанием без вопросов, и собак других нет — тоже вечная проблема с мордобоем. А то в прошлом году просидела собака почти полгода дома в одиночестве, пока хозяин по морю болтался. Только и радости было, что пару раз в день прогуляться на поводке, но и на том большое спасибо доброму человеку, сейчас уж и на это надежды никакой. Нет-нет, медлить нельзя. Надо срочно с пограничниками договариваться, а то положение совсем безвыходное. Завтра же пойду к нашим поселковым заставским, и пусть с ближайшей оказией отправят Ежку пожить туда, куда мы в этот раз заходили, — там ему вольготнее будет. Ничего другого я, к сожалению, пока предложить своей собаке не могу, так уж в моей жизни все нескладно последнее время получается.

Эх, кабы знать, что все так погано сложится, что вижу я своего Ежку в последний раз, что, к великому огорчению пограничников и мне на горе, сгинет он с заставы неизвестно куда и как, незадолго до моего возвращения, что буду так мучиться с этим до сих пор, то, может, как-то по-другому направил бы жизнь свою. Да-а, кабы знать. Но ничего уже не изменишь, былого не вернешь и надо бы, наверное, успокоиться. Однако смирения как не было, так и нет. И потому, наверное, который год приходит ко мне преданная собачья душа во снах, дабы снова и снова воскрешать в памяти радостные минуты наших охот.

Рисунки В. Симонова

В куласике

Фото автора

ЛОДКИ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ

Р. ДОРМИДОНТОВ

Редкий охотник или рыбак не мечтает о путешествии в край, изобилующий рыбой и дичью. Но во всех местах таких передвигаться приходится по воде: по озерам, рекам или даже по морю вблизи берегов. И только неискушенным простакам может показаться, что занятие это плевое — погрузился в лодку и плыви, грести, мол, всякий дурак умеет.

На поверку все оказывается гораздо сложнее, хотя каждый знает, что реки бывают бурные горные, равнинные, но порожистые, просто равнинные, но с быстрым течением, мелководные и мелководные, бывают узкие протоки — ерики или заливаемые только весной и в первой половине лета озера, называемые сорами. У каждого водоема свой характер. На порогах над придонными валунами бушуют так называемые стоячие волны, а это значит, что плавсредство по длине должно укладываться на гребни хотя бы двух соседних волн. На бурной горной реке плавсредство должно отличаться максимальной остойчивостью и прочностью. На равнинных реках с течением средней скорости ветер, дующий против течения, поднимает и гонит крутые волны. Например, Обь течет на север и встречный северный ветер поднимает на ней такие волны, что даже катер носом зарывается в них. На обширных, а тем более мелководных озерах бегущие волны более хаотичны, чем на реке. Морские волны при ветре умеренной силы более пологи, а ветер, падающий на воду из-за хребта, например Баргузин на Байкале, поднимает очень крутые, особенно опасные волны.

Аборигены, живущие у разных водоемов, давным-давно свыклись с их характером и с незапамятных времен стали мастерить лодки для максимального удобного и безопасного плавания. Конечно, современная техническая цивилизация может удовлетворить любой вкус: катера и моторные лодки, яхты и водные мотоциклы, катамараны и разные надувные лодки без моторов и с моторами — все к услугам путешественника. Но не потащишь с собой из Москвы на Енисей моторную лодку, и даже солидная резиновая лодка основательно утяжелит и загромоздит дорожную поклажу. Наиболее простой выход заключается в том, чтобы плавсредство купить или взять в аренду на месте. В этом случае необходимо лишь заранее поинтересоваться, чем и как вы будете пользоваться на Абакане или Оби, на Байкале или в дельте Волги. Ученье нужно и то, что аборигены виртуозно владеют своими суденышками, а вы, оказавшись впервые в долбленом челноке или берестинке, мгновенно перевернетесь и окажетесь в воде. «На все нужна сноровка, закалка, тренировка».

По мелководным протокам — ерикам дельты Волги плавают стоя в плоскодонном, похожем на утюг, куласике, отталкиваясь от дна длинным шестом. Без нескольких практических занятий с куласиком не справиться.

По спокойным Валдайским озерам плавают в деревянных лодках-кутьках, похожих на корыто для стирки, с пристроенными по оба борта горизонтальными досками, или даже в так называемых дубках — двух выдолбленных

древесных стволах, соединенных сиденьем наподобие катамарана.

На равнинных реках Западной Сибири наряду с дощатыми высоконосными лодками издревле пользуются челноками. Челнок может быть выдолблен из древесного ствола, может быть сшит всего из трех кедровых досок или только из бересты (берестинка). Научиться плавать в таком челноке так же трудно, как научиться ездить на велосипеде. Челнок из трех досок на Оби называют колданкой. Доски соединяют швами из бересты и смолят. Чтобы тонкие борта не ходили ходуном, между ними у верхних краев устанавливаются деревянные распорки. Садятся на сено или солому прямо на дно челнока. Ханты и манси плавают в таких челноках даже во время больших волн. Но есть в плавании на сибирских лодках одна гениальная техническая находка — использование необычного по форме и назначению весла. Весло имеет листовидную форму лопасти, изогнутой так, что отдаленно напоминает ложку (см. рисунок). Гребут им, отталкиваясь от воды, не вогнутой, а выгнутой поверхностью и в конце каждого гребка поворачивают его параллельно движению челнока. В результате отпадает необходимость грести то с одной, то с другой стороны, а челнок плывет так прямо, словно между ним и избранной целью маршрута натянута стальная струна. Таким же веслом пользуется кормчий на обской лодке любого типа. Весло это настолько совершенно, что приходится только удивляться тому, что оно не используется по всей России. Что же относится к другим удоб-

ствам колданки, то они заключаются в том, что лодочка эта имеет очень маленькую осадку, а значит, плавать в ней можно по мелководьям, к тому же два человека могут перенести ее с реки на озеро. С нее легко устанавливать и проверять рыболовные сети, удобно пользоваться и другими рыболовными снастями. Охотнику в колданке легко спрятаться в высокой водной растительности в ожидании перелетов гусей или уток.

Вспомнив о колданке, не могу удержаться от замечаний по поводу прямолинейного плавания. В далекой юности я получал от старшего брата подзатыльники, если лодка, которую я вел, начинала вилять. А большинство неопытных гребцов не понимают, как много они расходуют сил на выправление курса лодки. Выход же чрезвычайно прост. Гребцу, пользующемуся двумя веслами, нужно вести лодку на выбранный на берегу ориентир, прикладывая по необходимости разное усилие то к правому, то к левому веслу. Обычно гребец сидит спиной к носу лодки. Поэтому ориентир ему следует совмещать с кормой или с сидящим в ней.

На быстрых порожистых реках Восточной Сибири строят деревянные лодки длиной до 11—12 метров и шириной всего в метр с небольшим. К транцевой (кормовой) доске на шарнирах прикрепляют еще одну доску, на которую вешают мотор. По мере необходи-

мости, во время преодоления мелководного переката или над большим камнем, мотор с помощью специального рычага на мгновение поднимают над водой. Такая лодка, особенно по течению, летит как стрела. Многие самодельные путешественники на быстрых горных реках предпочитают пользоваться катамаранами собственного изготовления. Для этого платформой соединяют два вытянутых надувных баллона.

Некоторые путешественники пользуются надувными армейскими спасательными лодками или плотами и считают, что это лучшее плавсредство. Есть целая армия путешественников-байдарочников. Но пусть они простят меня, — я не поклонник плавательного средства, пользуясь которым руки с веслом во время гребли нужно все время держать на весу. К тому же байдарки не рассчитаны на значительное количество груза и недостаточно остойчивы на волнах.

Любое плавсредство, которым вы будете пользоваться, должно быть обязательно непотопляемым: деревянная лодка не может тонуть, даже будучи до краев заполненной водой, металлическая лодка или катер должны иметь воздухопроницаемые полости (отсеки), резиновые лодки предпочтительнее те, которые состоят из нескольких камер. Даже в обычных, спокойных условиях путешественникам желательно

иметь спасательные пояса или жилеты. Легкомыслие в использовании лодок или плотов часто приводит к трагедиям. Ведь даже над самым спокойным водоемом возможны внезапные смерчи или ураганные ветры.

Для большей убедительности коротко расскажу о таком случае. В тихий и солнечный полдень мы, группа в семь человек, плыли на большой деревянной лодке (неводнике), с четырьмя гребцами, по одному из приютов Оби. Я сидел в корме с рулевым веслом. Неожиданно со стороны того берега, у которого мы плыли, послышался нарастающий шум и вслед за этим на реку обрушился такой ветер, что над нею поднялась водяная пыль. Я хотел повернуть лодку к ближайшему берегу, налег на рулевое весло, но оно сломалось, как спичка. Лодку накренило и в считанные мгновения перенесло к другому берегу и бросило на торчащий из воды густой молодой тальник, как на пружины. Почти в то же время небо закрыла туча и началась жуткая гроза. Нас окатывали волны с реки, на нас низвергались потоки воды с неба, но вся эта какофония продолжалась не более 15 минут. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. По реке несло ветви и целые стволы деревьев.

Возьмите этот пример на заметку. Счастливого вам плавания!

Микроэнциклопедия

Голубой гасконский бассет — французская гончая. Охота с гончими во Франции достигла расцвета с начала XVII века. В это время и позднее французские охотники создали ряд новых пород гончих собак. Одной из таких пород стал голубой гасконский бассет, который происходит от большой гасконской голубой гончей. Эта собака пользуется большой популярностью у французских охотников, но в России неизвестна.

Голубой гасконский бассет — невысокая собака (высота в холке 30—36 см), довольно массивная (вес 16—18 кг), спокойная, добрая к людям. Это компактно сложенная коротконогая гончая, с сухой, удлинённой головой, с низко посаженными длинными нежными ушами. Черепная часть слегка вы-

пуклая, морда с небольшой горбинкой, губы несколько свисающие. Шерсть короткая, жестковатая и густая. Характерный окрас этой собаки: на белом фоне с черными пятнами густой черный крап, придающий шерсти голубой оттенок, а на голове и ногах — рыжий подпал.

Спина у собаки длинная, мускулистая, грудь глубокая, широкая. Передние конечности крепкие, прямые, иногда встречается небольшая кривизна, бедра мускулистые. Гон (хвост) довольно длинный, на его нижней стороне шерсть может быть чуть удлинённой.

Голубой гасконский бассет предназначен для охоты на зайца и другую некрупную дичь. Он очень азартен и вынослив. Короткие ноги позволяют ему пробираться через самые густые заросли. Этот бассет обладает красивым мелодичным голосом. Природная доброта и интеллигентность собаки делают ее всеобщей любимицей.

Гончая Стефена — одна из пяти признанных в США горных гончеобразных собак. Созданная Хью Стефеном, эта гончая более ста лет разводится в чистоте в основном в южных штатах, а в самостоятельную породу оформилась только в 1970 г. В России да и в Европе она неизвестна.

Гончая Стефена — небольшая компактная собака (высота в холке 40—59

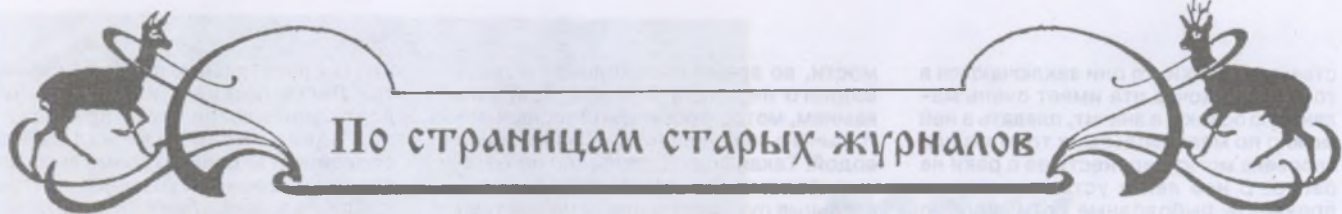

см, вес 16—25 кг), уравновешенного поведения, покладистая, легко поддающаяся обучению. Шерсть короткая, гладкая; окрас только черный, допускаются лишь небольшие белые отметины. Голова небольшая с широковатой черепной частью и узкой мордой. Уши небольшие, высокопосаженные, висячие. Корпус мускулистый, ноги сильные, гон тонкий («крысиный»), саблеобразный, посажен достаточно высоко.

Эта гончая — страстная охотница по разным видам дичи, однако на пуму или медведя в одиночку с ней не идут. Она отличается музыкальным, чрезвычайно широкого диапазона голосом, очень отзывчива, при правильном воспитании ласковая собака.

Л. ГИБЕТ

По страницам старых журналов

Единственная в Союзе лосеводческая ферма находится в Высокининском районе Московской области, на территории Серпуховского научно-опытного хозяйства НКЗ СССР. Между реками Протва и Нара тянутся смешанные леса; в этих лесах много верховых болот — приволье для лосей.

Новые добротные постройки фермы раскинулись у истоков реки Ложи, впадающей в Протву. Лосиные вольеры расположены в защищенном месте. Они просторны и используются как для группового, так и для одиночного содержания животных. В каждом вольере находится легкий сарай-навес, кормушки. Вольеры обнесены высокой, до трех метров, изгородью. Отдельный вольер, с несколько большими удобствами, предназначен для молодняка.

Речка протекает в черте загородок, для того чтобы лоси могли постоянно пользоваться проточной питьевой водой и купаться. Жаркие летние дни лоси проводят, стоя по брюхо или лежа в воде. Вода защищает их от комаров.

Вдоль вольеров идет широкий, усыпанный песком и обсаженный елками коридор. Из коридора один выход ведет на выгон — огороженная площадь в долине той же Ложи в несколько гектаров. На пастбище лоси обычно разбредаются в разные стороны. Так как лоси, кроме того, держатся очень тихо и незаметно и отыскивать их каждый раз было бы лишним трудом — они привычны собираться с выпаса на зов охотничьего рога.

Жилые и хозяйственные постройки расположены в непосредственной близости от вольеров. Приручаемым лосям необходима близость человека.

Вблизи фермы, на поляне, находится небольшая площадка для объездки лосей.

Первые два лося поступили в январе 1938 года. Сейчас на ферме 18 лосей, из них 13 взрослых и 5 молодняка, рождения 1939 года. Часть молодняка — приплод фермы, остальные отловлены на территории охотхозяйства.

Все 18 лосей — ручные; все взрослые — объезжены. По плану на 1940 год намечено приручить 35 лосей. Отхода лосей на ферме не было.

Ферма является экспонатом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Все лоси знают свои клички, идут на зов, спокойно дают надеть на себя узду, упряжь и хорошо слушаются вожжей или поводьев. Лось идет очень

Доение лосихи

Одомашнивание лосей велось под руководством П. А. Мантейфеля в Серпуховском хозяйстве в начале 50-х годов

НЕКОТОРЫЕ ОПЫТЫ ОДОМАШНИВАНИЯ ЛОСЕЙ

красиво; по виду — как бы нехотя и медленно, на самом деле — вдвое быстрее лошади. Ход его напоминает иноходь.

Лошадь, пущенная за лосем, который идет рысью, сначала начинает скакать галопом, потом отстает совсем.

Когда на телегу или сани накладывают дрова или другой груз, лось стоит без привязи смирно и ждет. Выездка лося подчиняется в общем тем же правилам, что и выездка лошади.

К людям лоси привыкают быстро, особенно к ухаживающим за ними. Секрет воспитания лосей — равное с ними обращение. В обращении с лосем необходима уверенность. Тот, кто раз испугается его, не будет пользоваться у лося уважением.

Во всем сказанном, впрочем, нет ничего такого, что отличалось бы от требований, которые предъявляются при уходе за другими домашними животными.

По уходу за лосями установлено круглосуточное дежурство. Дежурный отвечает за правильную дачу корма каждому лосю, за своевременный выпуск на пастбище, за взвешивание.

Лоси взвешиваются регулярно. Результаты взвешивания записываются тут же на стенной таблице. Движение ртутя, упитанности лосей — все время перед глазами.

За время работ по одомашниванию лосей установлено, что животные растут с поразительной быстротой. Например, лосята, весившие при рождении только 10 кг, за три летних месяца увеличивают свой вес в 7—8 раз.

При стойловом содержании лоси получают, кроме зеленого корма, немного концентратов (хлеб, жмыхи, овес). Вообще же лоси из всех жвачных наиболее приспособлены к грубым кормам, включая древесную кору и ветки. Тем не менее проблема рационального кормления — одна из важнейших при одомашнивании лосей. Изучение ее — изучение причин кочевок лосей, его желудочно-кишечного тракта, паразитов, гнездящихся в нем, способов «самолечения» дикого лося и т. д.

Одна из замечательных специальностей по выращиванию звериного молодняка, работница Московского зоопарка тов. Арбузова, спасла в этом году трех лосят, поступивших в Зоопарк и заболевших губительным белым поносом: она мелко толкла дубовую кору и сыпала ее в молоко. Дубовой корой лоси и сами «лечатся» в лесу. По-видимому, им также хорошо известны средства и от глистных заболеваний.

Лось, как крупное животное, отличается своей плодовитостью и скороспелостью. Самка часто приносит в год двух детенышей.

По вечерам на ферме, у выгона, часто слышен рев диких лосей: они подходят к своим прирученным собратьям.

Работа с дикими лосями — одна из задач фермы. До сих пор поголовье пополнилось преимущественно привозными лосями — из Сибири, Карелии, с Урала. Теперь благодаря тща-

тельной охране и прикормке развелось достаточно своих лосей. Полным успехом увенчался отлов молодых лосят. Отлов одного лосенка занимал в среднем не более трех часов. На очереди — отлов большого, старого «дикаря».

Таким образом, учитывая значительный собственный приплод на будущую весну, ферма вполне обеспечена материалом как для дальнейшего роста стада домашних лосей, так и для опытной работы с «дикарями».

Директором Серпуховского охотхозяйства работает опытный охотник и зверовод А. П. Ловачев, заведующим фермой — молодой зоотехник, ученик академика Кулагина, С. И. Подчуфаров. Работникам фермы даны богатые возможности приложению теории к практике в увлекательной области — получении нового домашнего животного.

Все полученные данные говорят о том, что человек должен воспользоваться необычно сильной жизнеспособностью лосей. В самом деле, одомашненные лоси могут быть широко использованы в сельском и лесном хозяйствах. Подобно тому как олень служит для тундры и верблюд для пустыни, лось должен служить транспортным животным для леса, особенно для тайги.

На лосях фермы, иногда целыми обозами, совершались поездки на десятки километров (в Серпухов и Высокиничи). На лосях возят дрова, лось легко ходит под выюком, тянет воз с бревнами. Проверена выносливость лосей. Прошлым летом на лосях нередко совершались ночные поездки по лесным дорогам за 30 км и более.

Выносливость лосей, их способность проходить по непроходимым для людей и лошадей болотам говорят о необходимости расширения опыта по приручению этого сильнейшего животного и полного использования его в ряде отраслей народного хозяйства.

Исторические данные о приручении лосей исчерпывающе приведены в капитальном труде Н. М. Кулагина «Лоси СССР». Книга, однако, издана в 1932 году, и за семь лет, прошедших с тех пор, получен ряд новых данных. Как раз к этому периоду относится начало работы по приручению лосей.

Интересные опыты сделаны в Якутии, в госзаповеднике «Бузулукский бор», а также в Завидовском охотхозяйстве ВВОО. Все эти опыты дали положительные результаты.

Чистопородная английская лошадь, как известно, получена в результате почти двухсотлетней заводской работы, не свободной от однобокости и многих ошибок. Работа по отбору и подбору лосей еще не начата. Но современное состояние науки селекции нельзя сравнивать с тем, что было двести лет назад. Предстоящая селекционная работа с лосями представляет большой интерес.

Опыты Серпуховского охотхозяйства наиболее широкие и планомерные. Тринадцать ездовых и рабочих лосей, полученных там за два года, отсутствие

отхода, собственный приплод — значительные факты.

Наступающая зима, в которую ферма вступает обогащенной большим опытом, должна показать дальнейшие успехи в езде и работе на лосях.

Делу одомашнивания лосей должно быть оказано большее внимание и поддержка, чем это было до сих пор. Сотни и тысячи лосей, разведенных и взятых на учет в наших охотхозяйствах, представляют солидную базу для организации ферм, подобных Серпуховской.

В дореволюционное время, как известно, лоси находились под непосредственной угрозой полного истребления. На двадцать третьем году советской власти положение в корне изменилось. Лосей развелось много. Перевод лосей из дикого состояния в одомашненное по существу своему становится практической задачей, которая вполне разрешима в условиях социалистического хозяйства нашей страны. Наши стахановцы-животноводы добились блестящих, перекрывающих мировые рекорды, успехов. В области звероводства у нас впервые разрешены такие задачи, как введение в неволю соболей, серебристо-черных лисиц, одомашнивание пантовых оленей. Чем задача одомашнивания лосей сложнее этих задач? Она не сложнее, а легче. У нас 956 миллионов гектаров лесов. Лосеводческие фермы могли бы быть организованы в первую очередь в охотхозяйствах и затем — во всех лесхозах Союза.

В заключение нужно сказать, что выводы, изложенные здесь, не мои. Я только передаю их, услышав рассуждения работников земли и леса, стоя часа три у вольера с одомашненными лосями на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Экскурсии проходили мимо одна за другой — 10 тысяч человек ежедневно. И почти в каждой находились колхозники, сообщавшие нечто о лосях и внюсившие предложения, изложенные мною выше. Я уверен, что этих предложений было бы еще больше, если бы на выставке была площадка для выезда лосей, если бы лоси были показаны в работе. Это необходимо предусмотреть на будущий год.

С. ЮРИН

Журнал «Псовая и ружейная охота», книга III, 1904.
Статья печатается с сокращениями.

ПЕРЕПЕЛ И ОХОТА НА НЕГО

М. ХАЛЕЕВ

Перепел, или, как еще во многих местностях называют эту самую маленькую птицу из многочисленного отряда куриных, перепелка, для нашей страны является птицей перелетной, и поэтому видеть, наслаждаться их голосами и охотиться на них мы можем только с весны до осени.

Эта птица действительно маленькая: весом чуть более 200 граммов. По форме общей сложки и поведению перепел очень похож на маленькую курочку серо-бурого цвета с несколько более светлым оперением на брюшке и у самцов темноватым пятнышком под клювом, которое к старости становится

большим и очень темным. Ведет исключительно наземный образ жизни, никогда не садится на деревья и даже на низенькие кусты. В нашу страну, в ее южную часть, прилетает в последних числах марта, а в течение апреля и до середины мая, как указывают некоторые источники, распространяется далее на север вплоть до южных окраин Финляндии и Архангельской области. В прошлом в центральной части и на юге России эта птица была весьма многочисленной и довольно редкой в ее западных и северо-западных районах.

В настоящее время на северо-западе она, можно сказать, не встречается. Так, за многие десятилетия охоты с легавой в Ленинградской области ав-

тору один-единственный раз привелось услышать бой перепела в районе деревни Новая Буря Ломоносовского района, и, будучи до крайности удивленным, я даже не попытался его добыть. Опрос друзей-легашатников показал, что в этих краях никто из них встреч с перепелом не имел.

Посетив в семидесятые годы тамбовские луга в районе села Донское, мне не привелось услышать такого характерного и громкого голоса этого «певуна». А во времена моего детства и охотничьего становления бой перепелов здесь был слышен повсеместно в лугах и сухих лугах.

В последние десятилетия наблюдается повсеместное уменьшение коли-

чества перепела в нашей стране, что, конечно, является главным образом следствием изменения формы сельскохозяйственной деятельности человека. Безвозвратно в прошлое ушли времена, когда во время сенокоса косяк, обнаруживший гнездо вылетевшей из-под ног перепелки, связывал над ним пучок травы, а рядом все окашивал. Этот шалашик все обходили и старались не мешать насиживанию кладки. Применение большого количества техники, ядохимикатов и минеральных удобрений во многих местах исключило условия для обитания перепела. Кстати, замечено, что там, где на полях для выращивания так называемой «зеленки» применяются ядохимикаты и минеральные удобрения, совершенно не держится и не останавливается на пролете никакая болотная и степная дичь.

С мест зимовки на свою родину перепела довольно быстро летят только ночью. Прилетев, останавливаются на живах, зеленях, в мелком кустарнике и несколько дней совершенно не подают голоса, поэтому точное время их появления узнать можно только случайно. Однако, как только травка чуть подрастет и даст возможность скрыться в ней, перепела переходят в свои излюбленные места и по зорям начинают подавать голос, который через короткий промежуток времени уже слышен и днем. Перепел начинает «бить». «Бой» перепелов есть не что иное, как токовая песня самцов, извещающих и призывающих самок. Самки же издают тихие, трудно передаваемые звуки, а «бой» самцов точно укладывается в ритм слов «спать-пора» или «подь-полоть». Но перед тем, как ударить громким, чистым и звонким это «спать-пора», самец издает три-четыре раза хрипло и не очень громко «ва-вава». Среди самцов попадаются такие, которые кроме «ва-вава»-чивания со-

вершенно не «бьют», а есть такие, которые после двух-трех «ва-вава» «спать-пора» повторяют до десяти раз, причем таким чистым и звонким голосом, что его слышно далее чем за километр. Поведение птицы при этом совершенно своеобразно. При ва-вава-канье птица приседает, надувает зоб, набирает воздух, при первом ударе поднимается, при втором стоит, вертикально поднимая голову, при третьем и последующих отклоняется назад и даже падает на спину. В средней и южной частях России «бой» перепелов слышен в течение всего лета, что с несомненностью указывает на длительный период гнездования, это дает возможность птицам вывести не один, а два выводка.

Гнездо у перепелки, относительно величины самой птицы, довольно вместительное, что обусловлено значительным количеством яиц, которых в кладке бывает до 20. Яйца грушевидной формы, длиной около 28, а диаметром 23 мм, оливкового цвета, по которому разбросаны бурые и черно-бурые точки, пятнышки. Насиживание продолжается около трех недель. В насиживании и выращивании перепелят самцы никакого участия не принимают. На юге чуть раньше, а в средней полосе России первые перепелята появляются в мае, и если принимать во внимание, что они довольно быстро растут, то оказываются к августу месяцу, когда повсеместно открывается охота по перу, уже выросшими до величины родителей.

Вырастив потомство и нагуляв значительную жирность, из средней полосы России перепела начинают улетать на зимовку на юг с середины августа и к концу его скапливаются в значительном количестве на всем северном побережье Черного моря и далее на восток вдоль нашей границы. В особенности в это время их много скапливается

в степной части и в предгорьях Крыма.

Выждав благоприятную погоду для перелета, перепела в конце сентября поднимаются и большим количеством летят поперек Черного моря в Турцию и далее на юг в Африку¹. Между прочим, расстояние между южным берегом Крыма и побережьем Турции около трехсот километров, и надо полагать, что при внезапном ухудшении условий перелета они в значительных количествах гибнут, не долетев до заветного берега. Так, автору во время службы на Черноморском флоте привелось однажды быть свидетелем случая, когда на корабль, находившийся приблизительно на середине между Крымом и Турцией, при резко посвежевшей погоде села огромная стая перепелов. При этом птицы не садились, а буквально падали на все надстройки. Накрыть фуражкой птицу, сидевшую, вернее, лежавшую на грудке, не представляло никакого труда. Настолько они были обессилены.

Однако вернемся к охоте на перепелов. Если в средней полосе России по перепелам охотились, да, собственно, охотятся и в настоящее время, можно сказать, единицы охотников, добывая их попутно с охотой на куропаток, то в южных районах охота на перепелов всегда была массовой.

Исстари в России было много видов охот на перепелов. Охотились на них с легавой наволочной сетью (тирасом), сетью-путанкой с подсадной самкой, добывали только самцов как певчих птиц, на юге и, в особенности, в Крыму ловили как съедобную птицу особой сетью с лошади, но и, конечно, добывали ружьем из-под стойки собаки. Вот об этих охотах мы вкратце и расскажем

¹ Так, Василий Михайлович Песков в феврале месяце 1997 года наблюдал перепелов вблизи мыса Игольный, а это южная оконечность Африки.

в нашем повествовании об этой замечательной птице, некогда довольно широко распространенной в нашей стране.

Охота с тирасом (наволочной сетью). Это очень древний вид охоты на пернатых, ведущих наземный образ жизни, в котором кроме двух охотников обязательно должна участвовать хорошо дрессированная собака.

Выработанный еще до изобретения дробы и, следовательно, до возможности стрельбы по птице влет, этот способ применялся в недалеком прошлом и при охоте на перепелов. Применим он, как и все другие, и в настоящее время. Дело в том, что перепела к концу лета, то есть ко времени начала охоты, так отъедаются и становятся такими жирными, что взлетают очень неохотно и подпускают к себе собаку на очень короткое расстояние, почти в упор. Два охотника шли за работающей собакой и, как только она, причуяв птицу, делала по ней стойку, ее вместе с птицей накрывали сетью. Очень удобно было, если легавая по причуянной ей птице ложилась, как, например, это делают английские сеттеры.

Так как эта охота проводилась в конце лета, когда на лугах была скошена трава, а хлеба убраны, то очень часто охотникам удавалось высмотреть и саму птицу, притаившуюся и прижавшуюся к земле в низкой травке. Напуганный перепел, накрытый сетью, взлетев, запутывался в ней и становился добычей ловцов. Если же птица оказывалась не накрытой, то она, недалеко отлетев, вновь садилась и, как правило, давала возможность собаке сработать по ней еще раз.

Охота на самцов с сетью-путанкой. Издавна на Руси было много любителей перепелиного «боя», которых называли «перепелятниками». Вся эта многочисленная группа рассматривала перепелов как птицу певчую и наслаждалась их «боем», как пеньем соловь-

ев. До тонкостей изучив все оттенки голоса всех колен «боя», они были весьма привередливы к этому качеству птицы и не представляли себе, что его можно добывать ради вкусного и нежного мяса, а людей, занимавшихся этим, пренебрежительно называли «горшечниками», то есть такими, которые добывают птиц ради приготовления в пищу в горшках. Для ловли применяли мелкочейные сети, растянутые над травой, иногда значительной величины со стороны до 9 метров, а в середину под сеть помещали клетку с самкой. Конечно, сеть ставилась в заранее определенном месте, где был слышен всегда азартный «бой» перепелов. Ловец располагался тут же, рядом с сетью. Заслышав приятный голос самки, самцы, находящиеся поодаль, летом, а близкие по земле, устремлялись к ней и, случалось, столкнувшись, вступали ненадолго в драку, однако быстро переставали биться и, стремясь к самке, забегали под сеть. Ловец вставал, а перепуганные птицы, взлетев и запутавшись в сети, оказывались его добычей. Перепела во время «боя» всегда очень азартны, и те, что на голос самки подлетали, иногда набрасывались на клетку поверх сети. Чтобы этого не происходило, ловцы клетку накрывали куском зеленого полотна.

Профессионалы, несмотря на сложность процесса и большую замысловатость, ухитрялись для имитации голоса самки изготавливать специальные дудочки, вдувая в которые воздух подражали ее крику. В некоторых источниках указывается, что бывали случаи, когда в сеть попадало сразу по две-три птицы, лучшие из которых при продаже на птичьих базарах ценились в десятки и даже сотню рублей, что по тем временам было очень большими деньгами. Ну что поделаешь, как говорили еще древние: «Страсть — враг рассудка».

Крестный отец автора был большим любителем певчих птиц. В его домике,

а жили мы на окраине Тамбова, перепела окрестностей которого всегда славились своей голосистостью, среди прочих всегда содержался хорошо бьющий перепел. И неоднократно приходилось наблюдать идилическую сцену. Клетку с перепелом ставили на пол, накрывали голубой тканью, все выходило из дома в беседку и садились за большой самовар. Через некоторое время перепел начинал «бить», а гости-поклонники и вся семья тихо сидели и млели от удовольствия. Между прочим, при клеточном содержании перепелов за него необходим специальный уход. Как все куриные, в поисках корма они неперестанно ножками разгребают землю и, естественно, снашивают коготки. В клетках они лишены такой возможности. Коготки у них сравнительно быстро отрастают до такой степени, что становится трудно ходить, и их им периодически подстригают. Да и клетку им устраивают с полотноным потолком, но и при этом, очень часто подпрыгивая, они, ударяясь головкой о полотно, довольно быстро оказываются лысыми.

Жаль, конечно, что вся эта красота теперь оказалась в далеком прошлом. Однако человек без окружающей его живности живет с трудом. И эту живность в настоящее время ему заменили кошки и, главным образом, собаки.

Охота на перепелов с лошади. Отьевшийся и заживший перепел в конце лета становится очень ленивым на подъем и взлетает только в случае крайней опасности. Он совершенно не боится животных и взлетает из-под ноги, например, лошади только в тот момент, когда ее копыто готово на него наступить. Зная такой характер поведения птиц, жители степной части Крыма добывали их с лошади из-под стойки легавой собаки специальной сетью, представлявшей собой длинный сачок без рукоятки. В нижний конец этой сети вязывался металлический обруч из толстой проволоки, а в средней части обруч деревянный. Увидев собаку, ставшую по перепелу, верховой подъезжал к ней и, высмотрев притаившуюся птицу, накрывал ее. Перепуганная птица, взлетев вверх в полости сачка, очень часто оказывалась в руках ловца, которому даже не требовалось слезть с лошади. В некоторых источниках указывается, что во время пролета на юг иногда такие ловцы за день добывали до сотни птиц. В наше время все эти и некоторые другие способы охоты на перепела, можно сказать, канули в Лету и основным видом осталась охота с ружьем из-под стойки легавой.

Ружейная охота с легавой собакой. Перед Великой Отечественной войной автору привелось успешно охотиться на перепелов в Крыму. Весь Крым, кроме его южной части с горным хребтом Яйла, представляет собой сплошные угодья, очень удобные для охоты с легавой собакой, а так как собаки были не у каждого охотника, то последние, как правило, группировались по два-три человека на одну со-

ВОЛЧОК

баку. Летом и в начале осени не очень сильный ветерок, как правило, ежедневно здесь дует в двух направлениях: до обеда с береговой части на море, а после обеда, наоборот, с моря на берег, что способствует условиям охоты. К началу этой охоты особым условием ее успешности во всех южных районах нашей страны является то обстоятельство, что у собак должны быть хорошо набитые лапы. Трава, жнива, да и вообще вся наземная растительность ко времени охоты на перепела выгорает, становится очень сухой и колкой. И если собака к этим условиям не подготовлена, то она очень быстро, как говорят собаководы, обезножит и надолго выйдет из строя.

Весь процесс охоты очень прост. За работающей против ветра собакой по пятам идут два-три охотника, тот, к которому она ближе станет, подходит к ней при взлете птицы, стреляет и, подобрав убитую, продолжает движение вперед. При групповой охоте вся добыча идет в общий «котел», а в конце дня делится на равные части. Стрельба по взлетевшему перепелу очень проста. Охота проводится на открытых местах, где нет никаких помех в виде кустов и деревьев. Птица все время на виду у охотника. Перепел очень ленив на подъем и иногда взлетает из-под самой морды собаки, то есть накоротке от стрелка. По этой причине очень часто его приходится отпускать, чтобы не разбить тушку снарядом. Улетает он хотя и быстро, но всегда по прямой, а выстрел, как говорят охотники, в угон самый результативный. Да и на рану он очень квелый (слабый). Достаточно двух-трех дробинок самых мелких номеров дроби, чтобы он упал.

Кстати, на базарах Крыма в сезон охоты перепелов продавалось много, и ценились они по три рубля за пару, так же как ценились виноград и картошка за килограмм. Вполне возможно, что по этой причине охотники, встретившись после охоты, на вопрос: «Ну, какой была охота?» — всегда отвечали: «Взял столько-то пар и две куропатки».

Повсеместно на нашем юге охота на перепела всегда была очень добычливой. Били его когда-то, да бьют и в настоящее время без какой-либо нормы, кто сколько сможет, лишь бы побольше. Так, например, в Армении в районе Кумайри (бывший Лениканан), где конец августа и весь сентябрь он является основным охотничьим видом, некоторые удальцы берут с половинным зарядом до двухсот патронов. Добыть, при норме пятнадцать птиц, из-под легавой, а без нее делать нечего, с утра до полудневной жары (с одиннадцати до семнадцати часов) полсотни птиц не составляет никакого труда. В узеньких полосках убираемого кукурузы и на полях собака его поднимет очень часто, так часто, что стрелять приходится буквально каждую минуту.

Фото А. Дигилевича

С волчком мне довелось встретиться в плавнях реки Мжа Харьковской области во время наблюдений за птицами. Волчок, или малая выпь, — птица из семейства цаплев. Это самая маленькая цапля на территории Украины. Осушают болота, высыхают тростниковые плавни — уходит и эта птица. Волчок — птица редкая.

Весной, с мая по июнь, во время брачных токовок целый день раздаётся в тростниковых крепях его «врру-врру-врру...». Особенно активно — рано утром и вечером. Это напоминает рычание волка. А так как птица небольшая, когда сидит, втянув шею в плечи, всего 30—35 см в длину, то ее назвали не волком, а волчком.

Далеко слышно «рычание» волчка. В тростниковых зарослях — до 300 м, а на более открытых местах и в тихую погоду — до 500—600 м. При этом волчок постоянно перемещается в заламах тростника пешком. «Порычит» в одном месте — переходит в другое место «рычать» и дальше. На его зов иногда прилетает другой самец, и тогда между ними бывают и драки.

Кормится он рыбой, лягушками, водными насекомыми, иногда разоряет птичьи гнезда. Приходилось мне видеть в тростниках идущего волчка, а над ним неотступно его сопровождающую дроздовидную камышевку со своим ворчливым и далеко слышимым «ра-ра-ра-ра!!!». Это — сигнал опасности у дроздовидки. А уж дроздовидка зря не будет беспокоиться. Встречался мне в тростниках и волчок, весь клюв у которого был в птичьем пуху.

Есть что-то древнеев его облике. Когда волчок медленно шагает в заламах тростника, то напоминает птеродактиля, а кроме того, он сказочно красив.

Наблюдая за птицами из своей засидки, я вдруг увидел приближающегося волчка. В этот момент у меня, как назло, закончилась пленка в фотоаппарате. Соблюдая тишину, я как можно быстрее вставил новую пленку. И началась настоящая охота: волчок охотился за рыбами, я — за волчком. Одну

за другой он выслеживал рыб и бил их своим клювом, выхватывая из воды то серебристого карася, то вьюна.

«Бил» и я, успевая наводить на резкость и переводить рычаг затвора. Увлеченный охотой, волчок уже не обращал внимания на громкие щелчки затвора. Как в завороженом сне, я снова и снова нажимал на свой курок, едва успевая переводить пленку, снимая кадры один другого лучше. Я потерял счет времени... Но вот охота закончилась — волчок улетел. Придя в себя от немислимого напряжения, я стал подсчитывать, хоть приблизительно, отснятое количество кадров. Что же здесь такое? И тогда я перевел снова пленку, однако показатель шкалы остался покоиться на месте. Неужели отснятая пленка сама выскочила из кассеты?.. Но, придя домой и раскрыв фотоаппарат в темноте, я понял — о, ужас! — пленка в самом начале съемки выскочила из катушки, и я все время снимал впустую. Проклиная себя и свою торопливость, я несколько дней ходил как в воду опущенный. Но... Горе горюю, а дело делай! И уже не надеясь на встречу с волчком, я опять ходил с обычным постоянством в свою засидку.

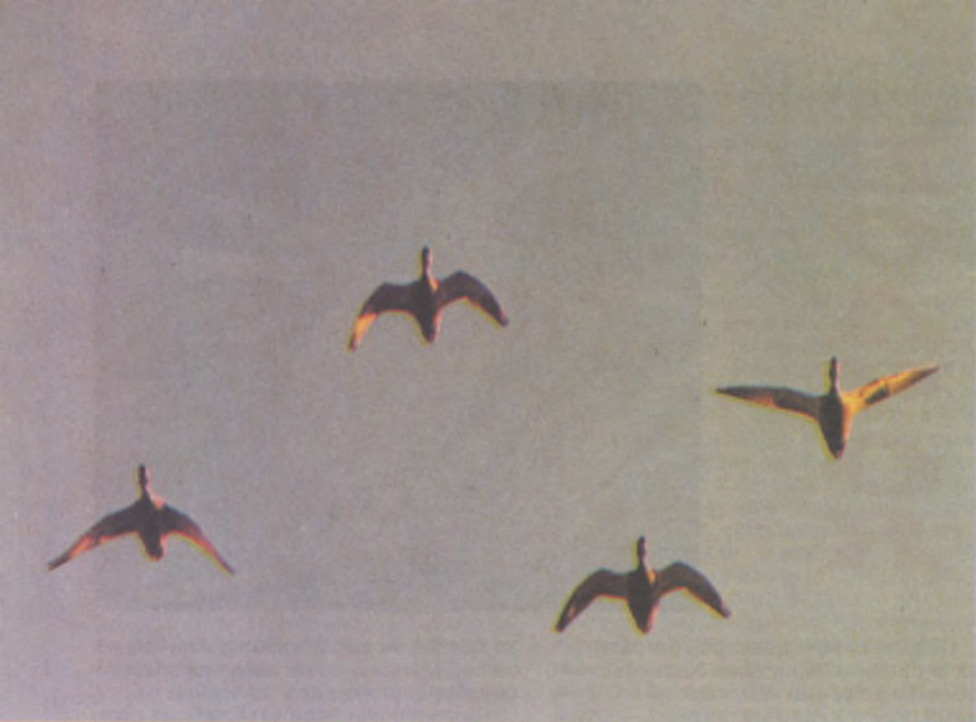
Но, видимо, сюда вмешались добрые духи тростниковых плавней. Ион прилетел. Летал, как всегда, быстро, с постоянным «кик-кик-кик-кик!». Он сел на свой излюбленный наблюдательный пункт — вершину стебля тростника. Посидев немного так, он спустился на заломы тростника и направился в мою сторону.

И снова началась охота: волчок охотился за рыбами — я охотился за волчком. Снова и снова я «бил» из своего фоторужья, нажимая на затвор, не жалея пленки. Вот они, драгоценные кадры, — результат покровительства Добрых Духов Тростниковых плавней!

Спасибо тебе за удачу, Добрый Дух тростников реки Мжи!

Н. РУЧКИН, музей природы
Харьковского ГУ

Фото автора
«Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»
См. 4-ю стр. обложки

Тропинка в лес проходит рядом с заросшими торфяными карьерами. Каждый раз, когда идешь по этой коричневой от торфа тропке, перевитой корнями березок, встречаешь кого-нибудь из обитателей старых карьеров.

Птенец болотной курочки бросился из-под ног в воду. Пуская пузыри, пронырнул немного и всплыл, как пробка. Испуганно завозирался и неуклюже поплыл к травяным зарослям. А птенец чайки плывет так шустро, что волны расходятся по сторонам. Крикливые родители будут метаться над головой, пока не уйдешь подальше от гнезда.

Уток видишь не часто, хотя места для них самые подходящие. Изредка взлетят, помелькают за тростниками и опять пропадут в зарослях.

Махая широкими крыльями, поднялась цапля. Болотный лунь неторопливо облетает свою территорию. Поверхность воды заиграла мелкими волнами, заблестела на солнце — плывет гадюка. Не уж, а именно гадюка. Эти змеи вплавь перебираются на островки и длинные бровки, которые отделяют один карьер от другого.

СТАРЫЕ КАРЬЕРЫ

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Ящерица, как по мостику, перебежала с островка по упавшей березке.

В жаркие летние дни появляются тысячи кувшинок. Цветы как будто светятся изнутри, заставляя остановиться перед этой не очень долгой красотой.

В осоке водяные тропинки, проделанные бобрами. На берегу погрызенные деревья. Заметил, как осторожный бобр следил за мной, прячась в воде и болотной траве. Всплыл, не потревожив воды, внимательно посмотрел и так же тихо исчез.

Когда непогода прогнала с карьеров всех любителей половить карасиков, увидел на широком плесе выдру. Она играла в воде, переворачивалась, ныряла, как будто радовалась, что может, никого не опасаясь, и среди дня порезвиться на открытой воде. Нырнула круто вниз, вынырнула, потрясла головой, стряхивая воду. Даже спиной потрясла, как собака, когда выбирается на берег. Только выдра проделала это в воде, и от спины не брызги полетели, а побегали мелкие частые волны.

Вдруг замерла — заметила меня. Нырнула и через несколько секунд высунулась из воды совсем неподалеку. Смотрит с удивлением: откуда, мол, человек появился в такую непогоду.

В разгаре лета на карьерах непривычная тишина. Кончилось время выведения птенцов. Осока, телорез, другие болотные травы почти закрыли воду. Казалось, это зеленое буйство вытеснило с карьеров всякую живность и одинокий лунь, летающий над осокой, вряд ли найдет себе добычу. Вдруг он нырнул вниз, и словно взорвалась трава! Больше сотни уток и других болотных птиц с шумом и гамом поднялись все разом с потаенного плеса. Полетали над болотом стайками и опять попадали в траву.

Скоро начнется охота...

МОЙ ОПЫТ ОХОТЫ НА НОРАХ

Е. АНДРЕЕВ

Я давно активно занимаюсь охотой. Будучи военнослужащим, я часто менял места службы, бывал в Костромской, Горьковской, Тамбовской и многих других областях. Охотился на медведя, кабана, лося и на глухариных токах. В общем, есть о чем вспомнить. Более 20 лет я занимаюсь норными собаками и охотой с ними.

Поэтому именно об охоте с норными мне хочется рассказать читателям нашего журнала. Один мой друг имеет 12 норных рабочих собак и 3 гончих и добывает по 10 лисиц за сезон, беря специально для этого отпуск. От него я и заразился охотой с норными. У меня всего 2 рабочие собаки (сука шести лет и кобель 6 лет), добываю я по 8—10 лисиц за сезон, охотясь в удовольствие по выходным. Иметь большее количество собак не могу из-за отсутствия условий содержания, да и не хочу, — мне вполне хватает двух.

Охота с норными собаками — это целый комплекс мероприятий, основанных на знании и опыте, впрочем, как и всякая другая охота, она требует терпения в обращении с собаками, ухода за ними, лечения, тренировок, хорошего кормления... Условий этой охоты несколько, но главные три.

Лучше иметь не менее двух рабочих собак, так как норные всегда рискуют жизнью.

Желательно иметь вездеходный транспорт либо лошадей, иногда лошадь предпочтительнее — все зависит от местности, расстояний, погодных условий.

Нужно знать как можно больше нор, подъезды и подходы к ним в зимних условиях.

Собак следует воспитывать самому, а не покупать уже взрослых.

Настоящий охотник рабочих собак не продает. А если и продает — для собаки это трагедия. С чужой собакой установить контакт трудно.

Каждая охота дает определенный опыт и собакам и охотнику. Если вы лет 5—10 со своими собаками посещаете одни и те же норы, собаки уже знают их, это лишает лису преимуществ хо-

зайки норы. Собаки применяют тактику обходов и маневров, ускоряющих охоту. Главное — быстрота преследования лисицы. Со временем собаки приобретают и совершенствуют тактические приемы, которые помогают одолеть врага, и в последующем пользуются ими в схватках с другим зверем. Иначе и быть не может. Если у вас соблюдены вышеуказанные условия, можно начинать охоту. К каждой охоте нужно готовиться весной и летом до открытия охоты. Необходимо привить собак — обезопасить их от заразных болезней, свозить на выставки; если есть желание и возможность — на испытания. В любом случае испытания полезны, особенно для молодых собак. Да и для охотника выставки и испытания — праздник. Там вы встретите единомышленников, найдете друзей, отдохнете душой.

В то же время необходимо осторожно разведать выводковые норы. Там по первому снегу вас будет ждать успех. В конце августа норы надо очистить от мешающих кустов, но не оголять их полностью, это отпугнет зверя. Нужно лишь незначительно подрубить ветки, мешающие предполагаемой стрельбе.

Решите проблему транспорта, ибо норные собаки устают при ходьбе по глубокому снегу, и лучше их возить, чтобы в бой они вступали не утомленными, да и самому охотнику будет легче.

В сентябре барсук начинает чистить свои норы, это видно по кучам земли и песка. Определите эти норы и до сильных морозов не пускайте в них собак. В противном случае вы рискуете потерять рабочих собак в начале сезона. Ни один зверь не стоит вашей собаки. Совершенно согласен со многими норниками, что без вскрытия норы барсука взять невозможно. Есть целые барсучьи поселения, многоярусные вековые катакомбы: лучше туда собак не пускать. А самое идеальное для охоты — это иметь собаку, не работающую по барсучьей. Моя сука Дези вообще на него не реагирует. Это ей и позволило прожить 6 лет. Зато кобель к барсучьим равнодушен, и, если вдруг он попада-

ет в нору с барсуком, охотничий день пропадает, собака получает травмы. Впрочем, у каждого охотника свои требования к собакам. Многим приятно, что на испытаниях их питомец хватается мертвой хваткой барсука, удерживает его, получает диплом за это. Это хорошо, но что же произойдет в естественной норе, где нет крышки, которую можно открыть, чтобы извлечь собаку. Произойти может самое плохое, и если вы пустили собак в барсучью нору, — пошли на сознательный риск.

Но вот наконец открыта охота. Путевка в кармане, все готово, собаки чувят приближение работы... Норника не пугает непогода, чем она хуже, тем для него лучше, но мне и в ясную солнечную погоду при —20° доводилось добывать лисиц из норы.

Куда же идти, с какой норы начинать? Решение принимает каждый самостоятельно. Опытный охотник заранее строит план охоты. Он уже много лет посещает одни и те же норы и знает статистику удач и неудач, интуитивно чувствует, где его ждет успех, и редко ошибается. Да и не нужно расстраиваться, если вдруг нора окажется пустой. Важно ведь не только добыть зверя, важен сам процесс, да и сезон весь впереди, нор ведь много. По чернотропу посещать норы нужно чаще, по белой тропе — желательно в снегопад или метель, чтобы после того, как вы ушли от норы, ваши следы занесло снегом. Это очень важно. У нор не оставляйте следов своей деятельности, это отпугивает зверя. Добытого зверька ошкуривайте подальше от норы.

Самое плохое, что можно придумать и чем можно навредить себе и другим охотникам, — это раскопка нор. Оправданием раскопки норы может служить только спасение собаки. Что нужно делать, если собака не может выгнать зверя, а вы точно знаете, что зверь в норе? Нужно при себе носить парочку хороших капканов. После того как собака вышла из норы, привяжите ее. Затем в один из отнорков поставьте капкан, остальные забейте подручным материалом. Тот отнорок, в котором

капкан, тоже закройте, но не тщательно, а кое-как, чтобы лиса поняла, что здесь она выйдет из норы без усилий. Успех будет обеспечен — не сомневайтесь! При этом вы затратите меньше сил, чем при раскопке, и сохраните нору. Мне и многим моим друзьям неоднократно приходилось делать это на практике. В норе лиса в капкане сидит смирно. Утром вы ее добудете обязательно. Затем нору приведите в порядок.

Сама охота на норе описана много раз и многими авторами; есть хорошие, правдивые статьи и в нашем журнале за разные годы. Что можно добавить? Опытные взрослые собаки мгновенно чуют лисицу, если она в норе. В пустую нору собаки могут вообще не пойти, и не нужно их туда загонять силой. Собак невозможно обмануть, они не умеют врать. Если лисица в норе — собака влетает туда пулей, с голосом, слышен лай, стук, беготня...

В этом случае надо быть предельно бдительным, готовым к выстрелу в любую секунду. Лисицы по-разному покидают нору. Одни прыжком, другие медленно, оглядывая окрестности норы, как бы выясняя, где же притаилась опасность. Это зависит и от норы, и от возраста и опыта лисицы, от вязкости и быстроты работы собаки в норе.

Если после входа в нору собаки ли-

сица через 2—5 минут выходит под выстрел, не спешите покидать свое место, в норе наверняка есть еще один зверь. Вышла, скорее всего, шумовая. Собака вам покажет сама план дальнейших действий. Доверяйте ей. Если собака ведет бой в норе, она не бросит живую лисицу, если даже и услышит выстрел по шумовой. Так работают хорошие собаки. Конечно, на все случаи нет возможности дать совет, да это и не нужно. Всякая охота неповторима, тем она и хороша. Очень важно правильно выбрать сектор обстрела. Это поможет не спешить с выстрелом, не допустить промаха, видеть все отнорки.

Даже опытные охотники по разным причинам упускают лисиц: мерзнут руки в сильный мороз, затекают ноги; случаются промахи из-за неправильной одежды либо спешки с выстрелом; зверь вылетел пулей из норы; не все отнорки оказались под наблюдением, особенно во время снегопада, когда они завалены снегом.

Все это нужно учитывать. Поэтому и важно правильно встать у норы, чтобы в случае чего компенсировать какую-либо из этих промашек тем, что лисица не сразу скроется от вас за кустом или углом оврага. В нору пускать надо только одну собаку, этому учит практика.

Если вы приходите к норе повторно, через неделю, и не замечаете следов своей деятельности, то, значит, вы на правильном пути и вам обязательно повезет. Что касается выбора погоды для охоты, совет дать трудно. Замечено только, что молодые лисицы боятся первого снега и обычно норятся, но голод затем берет свое и они выходят. Чуют лисицы и приближение сильных снегопадов и бурь, обязательно норятся. Не любят они и дождь зимой, а он теперь не редкость. Влияния же сильных морозов не ощутил. Может, в других климатических условиях все иначе.

Опытные охотники знают, что шкуру с убитой лисицы нельзя класть в целлофановый мешок, — сгорит. Надо дать ей остыть, а если вы на транспорте, положите ее, не сворачивая, в багажник.

Патроны для этой охоты я заряжаю сам, дробь № 1 или «ОО». В ствол МЦ-21 1-й патрон с № 1, уменьшенный дробовой заряд, остальные — обычные с нулями. Здесь каждый волен выбирать сам. Собаки у меня разные, сейчас ягдтерьеры. Они меня устраивают. Но с уважением отношусь и к таксам, и к фоксам.

Ягдтерьер — главный участник охот автора

Фото Р. Дормидонтова

Автор со своим ягдтерьером и трофеями

ФОТО НА КОНКУРС

Идти или не идти?
Фото В. Водовозова

Вологодская областная универсальная библиотека

www.booksite.ru Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»

Подробную информацию о конкурсе см. в №1

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КИНОЛОГИ: XX ВЕК

*Без поэзии природы нет ни охоты,
ни охотника.
И. С. Тургенев*

«Любите природу — любите Родину» — так завещал наш советский писатель М. М. Пришвин. Истинный охотник — это человек, горячо любящий свою Родину, ее природу, все живое на земле. С юных лет очарован он и пленен живописными картинами охоты с гончими, борзыми, необыкновенными костюмами, медными изогнутыми полумесяцем рогами и лихой удачью самих охотников, безгранично отдающих себя любимому делу. Это театральное представление происходит на фоне раннего утра в притихшем осеннем лесу. Великий певец родной природы И. С. Тургенев мечтал о том, чтобы подольше процветала на земле русская наша охота, дарящая человеку радость, счастье и здоровье.

Я много знал истинных любителей охоты и живой природы. Судьба подарила мне счастье общения с ними. Все они беззаветно любили наших русских собак-гончих. Стоит только прочесть не меркнущие в своей простоте строки Л. Н. Толстого из «Войны и мира», посвященные охоте; «Записки охотника» И. С. Тургенева; книги С. Т. Аксакова; наконец, недавно переизданную повесть Е. С. Дриянского «Записки мелкотравчатого»; незаслуженно забытые рассказы Ф. А. Свечина, — как станет понятным все богатство и своеобразие охотничьего языка, впитавшего в себя точность, меткость выражения, замечательную красочность.

Богатство этого языка пленило многих выдающихся поэтов и прозаиков разных времен. Н. А. Некрасов посвятил охоте с гончими и борзыми замечательную поэму «Псовая охота», в которой писал: «Кто же охоты собачьей не любит, тот в себе душу заспит и погубит». А самое замечательное — это музыка гона в опавшем лесу.

Одному только гончатнику приятен «...этот наводящий тоску день, одному ему слышится аромат в затхлом запахе преющей коры, гниющего листа, мокрой соломы... Один он глядит светлым и приветливым оком на тусклые колера, мертвенность и сон окружающей природы» — читаем мы у Е. Э. Дриянского волнующие душу строки. Самая пора набрасывать гончих. Снова перелистаем Е. Э. Дриянского: «... в острове взревела стая, но что это были за звуки! Это был не взрех, не лай, это прорывалась пучина, полилась одна плачущая нота, слитая из двадцати голосов. Она выражала мольбу о пощаде, в ней слышался предсмертный крик... нужно представить, как кричит собака, когда с нее снимают кожу. Я взглянул на Бацова, он утирал платком глаза».

Именно таким страстным, одержимым гончатником был большой знаток

М. А. Сергеев со своими гончими
Фото из собр. автора

НАВСЕГДА С ПРИРОДОЙ И ОХОТОЙ

**Б. МАРКОВ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории**

и любитель гончих, эксперт Всесоюзной категории Михаил Александрович Сергеев. Он никогда не изменял страсти к охоте, к гончим, которых любил больше жизни. Кто из гончатников не слышал этого имени, какие из настоящих гончих не несут хотя бы отдаленно в своих родословных крови Заливайки I, Будишки, Говорушки, Бандурки, Бренчалки с сергеевской особой приставкой — охотничья!

Впервые я познакомился с Михаилом Александровичем на полевых испытаниях в 1962 г. Он судил мою первую русскую пегую гончую Скрипку в Раменском районе близ деревни Поповка, вторым судьей был его друг, эксперт Всероссийской категории Александр Гермогенович Рыбин. Было тихое, прохладное весеннее утро. Михаил Александрович один неподвижно стоял на

широкой просеке, взгляд его был устремлен далеко, где был яркий гон. Я смотрел на него и думал: «Что же заставило его так окаменеть?» Михаил Александрович понимал каждую ноту, потому эти волшебные звуки так глубоко волновали его. Уничтожь эту гармонию звуков, и вся жизнь М. А. Сергеева поблекла бы, стала тусклой, бесцельной. Вот почему он всю жизнь боролся за сохранение в породе гончих музыкальных сильных голосов.

В то памятное утро на полевых испытаниях он много раз заглянул, и я понял, что только смерть могла вырвать его неистовую любовь к гончим. Я смотрел на него и вспомнил строки Н. А. Некрасова: «... и до седин молодые порывы в нем сохраняются прекрасны и милы».

Двенадцатилетним мальчиком впервые взял дядюшкину двустволку, Миша не выпускал ее из рук до седин. Первые двадцать пять рублей, заработанные пятнадцатилетним Сергеевым, были израсходованы на покупку пойнттера. Окончив в 1924 г. Петровскую, ныне Тимирязевскую академию, Сергеев мог «уйти в науку», стать крупным ученым, но его с юных лет «точила», как червь, наша общая болезнь — охота. В 1922 г. на Московских курсах охотоведения он был заместителем профессора Б. М. Житкова. В журнале «Охотник» появились его первые статьи. Больше года он редактировал «Охотничью газету». М. А. Сергеев любил прекрасный, живой, понятный нам великолепный охотничий язык. Он знал и любил охотничью литературу. Он мог перенести любые лишения, мог 20 лет проработать на Крайнем Севере, занимаясь оленеводством, прошагать тяжелыми дорогами Великой Отечественной войны, но не мог не думать об охоте — это было у него в крови на всю жизнь.

В 1925 г. Михаил Александрович был участником Первого Всесоюзного съезда кинологов. На выставках в качестве ассистента он судил с А. А. Ширинским-Шихматовым, М. И. Алексеевым, Н. П. Пахомовым. В 1928 г. получил звание эксперта-кинолога.

За жизнь свою он опубликовал в различных изданиях 67 очень нужных статей по вопросам охотничьего дела. Мы помним его содержательные статьи в журнале «Охота и охотничье хозяйство».

Мне довелось встречаться с ним в МООиР. Помню, я попросил его проверить родословную одной русской гончей. Какое же было мое удивление, когда М. А. Сергеев по памяти исправил и другие дипломы, и фамилии владельцев гончих в четырехколенной родословной.

Родоначальницей собак М. А. Сергеева была русская гончая выловка Заливка I, происшедшая от собак стаи Мусина-Пушкина. Семь ее потомков получили дипломы I степени. Охотни-

чи гончие М. Сергеева выделялись вязкостью и прекрасным голосом. Я хорошо помню, как ему, участнику Московских областных состязаний гончих, был вручен специальный приз за лучшие голоса. Как правило, его гончие имели по несколько дипломов, в том числе и высоких степеней, например Говорушка IV — диплом I степени; ч. Будишка 1631 имела отличный голос (8—3); голос Бренчалки II 3278 оценивали 8—4. Главным было то, что гончие М. А. Сергеева и его лучшего друга заводчика Э. В. Шмита стойко передавали своему потомству вязкость и сильные музыкальные голоса. Так, Брызгалов IV, принадлежавший П. И. Леонову, имел за голос одинаковую оценку трех судей: Н. М. Назарова, К. А. Маркова и Э. С. Щибаева — при баллах 9—3—4. Если сейчас на полевых испытаниях мы слышим прекрасные голоса вязких гончих, то этим мы обязаны нашим старейшим заводчикам, в их числе и М. А. Сергееву.

Михаил Александрович был скромным, отзывчивым человеком. Вся жизнь он познавал тайны охоты с гончими. Первым его главным учителем был стрелянный В. С. Мамонтова — Максим Фомич Милованов, небольшого роста, сухой, ладный и всегда опрятный.

В «Охотничьих просторах», № 36, М. А. Сергеев писал о нем: «... все в нем обличало ловкость и аккуратность. Замечательными были его глаза, излучавшие доброжелательность. Фомич был тонким знатоком охоты с гончими...» Эти слова можно отнести и к самому М. Сергееву.

Знаток русских гончих Николай Павлович Пахомов, давая М. А. Сергееву рекомендацию для присвоения ему звания эксперта Всесоюзной категории, писал о нем: «... он свыше 50 лет имеет гончих, участник многих выставок охотничьих собак, он вдумчивый исследователь истории гончих, при нем сложилась и окрепла порода русских гончих».

М. А. Сергеев унес с собой аромат прошлого, теплую память правдивого человека высокой охотничьей культуры. Пусть это воспоминание о нем будет доброй данью за его любовь к охоте, к гончим — за любовь настоящего охотника.

Рисунок В. Горбатова

ФОТОАРХИВ

ВСТРЕЧА С ВИКТОРОМ АСТАФЬЕВЫМ

Первое знакомство с Виктором Петровичем Астафьевым произошло заочно в 1977 году. Во время моей поездки на родину в село Шумаково я навестил в Курске своего знаменитого земляка Евгения Ивановича Носова. Визит был долгим — с 12 часов дня до 10 часов вечера. Мы о

многом переговорили, вместе переживая судьбу многострадальной Курщины и земляков наших, вечных тружеников-крестьян. Но самое главное — Евгений Иванович прочитал мне длинное сокровенное письмо своего старшего друга Виктора Петровича Астафьева, жившего в то время в Вологде. Оно меня потрясло своей мудростью, огромным состраданием к родному народу. Оно было написано кровью сердца... С того момента я стал его постоянным читателем.

Потом случилась беда. В моем родном селе произошел пожар на колхозной ферме. В газете «Комсомольская правда» была напечатана большая статья Инны Руденко. В ней она приводила мои слова о том, что в случившемся виноват и я, и мои друзья-земляки по школе, потому что мы покинули родную землю, отдав ее на поругание «варягам-чужакам», которые менялись как перчатки, делая свою карьеру. Это были хапуги-председатели колхозов, при которых царила полная бесхозяйственность...

Через некоторое время я получил большую бандероль. В ней были книга Виктора Астафьева «Посох памяти» с дарственной надписью и короткое письмо, в котором он выражал мне свое сожаление по поводу несчастья. Были и такие слова: «Твои земляки — молодцы. Они принимали участие в тушении пожара. А вот от меня в восемнадцати километрах сгорела вся деревня со скотом и ее жителями. Тушить пожар было некому. Все были пьяными. Вот какой бардак!»

В 1986 году во время съезда писателей России мы с ним встретились у него в номере гостиницы «Россия». Проговорили полночи... Так ко мне попала эта фотография (он уже вернулся на родину в Сибирь и жил в деревне Овсянка), запечатлевшая писателя-классика во время отдыха на охоте.

Николай ШУМАКОВ

ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ГРАФА П. К. ФЕРЗЕНА

Павел Карлович Ферзен управлял царской охотой 18 лет до 1870 года. За это время великокняжеские охоты достигли небывалых размахов, особенно знаменитая Гатчинская охота со сворами борзых и стайей гончих.

29 декабря 1870 года на высочайшей охоте в окрестностях Малой Вишеры нечаянным выстрелом граф П. К. Ферзен убил егермейстера, большого знатока русской охоты Владимира Яковлевича Скарятину. На этой охоте были император Александр II и великий князь Владимир Александрович. По поднятому кричанами медведю были сделаны три выстрела. Услышав эти выстрелы, В. Я. Скарятин решил, что медведь убит, и сошел с номера, в это же время граф Ферзен ударил по раненому зверю, но пуля попала в пояс В. Я. Скарятину и поразила его насмерть. Случайная смерть вызвала много толков в петербургском обществе. После этого случая граф П. К. Фер-

зен был отстранен от должности управляющего.

Б. МАРКОВ

В настоящее время довольно большое распространение получили дробовые патроны увеличенной мощности под названием «магнум», и, естественно, некоторые охотники захотели бы сами снарядить такие патроны. Но можно ли их снарядить в домашних условиях?

Эксперименты со снаряжением патронов магнум с порохом «Сокол» в 2,7—3,0 г проводить ни в коем случае нельзя, ведь в патронах магнум применяется медленно горящий порох. А увеличенный вес «Сокола» даст большой скачок давления в патроннике, что может привести к разрушению ствола. В увеличении деформации дроби при этом можно не сомневаться. Эффективность боя на дальней дистанции не будет достигнута. Ухудшается качество боя и при использовании металлических гильз. Происходит это в основном по причинам несоответствия внутреннего диаметра латунной гильзы и диаметра канала ствола, из-за плохого воспламенения бездымного пороха капсюлем «центробой», отсутствия давления форсирования при выстреле. Чтобы этого избежать, я применяю доработанную металлическую гильзу. Убрав на токарном станке днище гильзы 12-го калибра, я вставляю в нее металлическую гильзу 16-го калибра. После нескольких выстрелов дымным порохом она сидит там плотно. Несоответствие диаметров устранено. Сверлом диаметром 1 мм рассверливаются имеющиеся отверстия в капсюльном гнезде (или просверливаются два новых). После подсыпки нескольких зерен дымного пороха увеличиваем факел пламени для воспламенения пороха. Дробь закрываем дробовым пластмассовым пыжом конструкции С. М. Шейнина-И. П. Корнейчева. Войлочные пыжи досылаются с натягом. Берется 1,9 г пороха «Сокол» и 31 г дроби. Дробь пересыпается крахмалом и размещается в контейнере из молочного пакета. При встряхивании дробь не должна прослушиваться. В данном патроне пластмассовый дробовой пыж не дает войлочным пыжам преждевременно отойти (создается необходимое давление форсирования), улучшается утилизация пороха, стабилизируется внутрибаллистический процесс. В полете пыж захватывается воздухом и, переворачиваясь, отходит в сторону от снаряда. Качество боя такими патронами приближается к бою патронами с бумажными или пластмассовыми гильзами. Сам же выстрел получается дешевле. Ресурс гильз практически не ограничен. У меня смонтированы 24 гильзы для стрельбы по пернатым.

О самой дроби. Охотничья дробь бывает твердой и мягкой. Бой с твердой дробью качественнее, у нее меньше деформация. За рубежом часто используют плакированную дробь — покрытую томпаком или никелем. Несколько снижается требование к твердости крупной дроби и картечи. Более тяжелая и летящая с большей скорос-

тью крупная дробь дает удовлетворительный эффект, даже будучи деформированной. Большое значение имеет и одинаковый диаметр дробинки в снаряде, так как резкость разных по диаметру дробинки будет разной. В полете крупные дробинки будут обгонять мелкие, расталкивать их. Различия в диаметре в 0,5 мм дает разницу в скорости 3 м/с. Цилиндрик для дроби увеличивает скорость на 7—8%. Пересыпка крахмалом увеличивает скорость на 3%. Чрезмерное увеличение веса снаряда снижает скорость полета (разница в 1,0 г дроби дает разницу в скорости 6 м/с). Не все так просто и с использованием стальной дроби. Стальная дробь одного и того же диаметра (по сравнению со свинцовой) легче последней. Она твердая. Надо позаботиться о сохранности ствола. Обычный контейнер применять нельзя. У стаканчика контейнера не должно быть разрезов для исключения контактов дроби с каналом ствола. Сами стенки контейнера утолщены. На самом дульце контейнера предусмотрены косые разрезы, которые в снаряженном положении перекрываются плоскостями безазорно. На корпусе контейнера имеются крылышки-съемники. Их количество четное. Срезав, например, два крылышка, увеличиваем дальность отделения дроби от контейнера. Для компенсации недостаточной эффективности стрельбы стальной дробью (в сравнении со свинцовой) надо брать дробь на два номера больше. Но ее в гильзе окажется меньше. Значит, придется увеличивать вес снаряда. Начальная скорость стальной дроби должна быть больше 396 м/с. Дробовой снап из стальной дроби будет короче. Попадание в движущуюся цель таким укороченным снапом потребует более точного прицеливания (взятия упреждения и определения расстояния). Длинный свинцовый снап компенсировал эти погрешности стрелка. Занимаясь домашним снаряжением патронов, иногда затрудняешься определить диаметры пыжей и прокладок (на упаковках они не указываются). Придется самому замерять. Диаметры стволов тоже различны: у ижевок — 18,2—18,4, а у тулок — 18,5 мм. Стенки-трубки гильз тоже разные: у пластмассовых гильз толстостенных — 0,8 мм. Длина их была, как правило, 70 мм. Это позволяло вмещать пыжи необходимой высоты для перекрытия снарядного входа. Прокат металлического поддона гильзы был жестче. Разъединения металлического поддона с трубкой не происходило (у самозарядок). Дульце гильзы легче заделывалось способом завальцовки.

Пластмассовые гильзы второго поколения тонкостенные (0,6 мм). Они чаще бывают длиной 65 мм, а это значит, что они предназначены для снаряжения с пыжом-контейнером и для заделки способом «звездочки» (у них мягче металл поддона). Войлочные пыжи к ним должны быть увеличенного диаметра. Иногда в самозарядных ружьях

выбрасыватель разрывает (отгибает) закраину гильзы. Это задержка. Еще хуже, если поддон выбросит в гильзо-выбрасывающее окно, трубка вылетит из ствола, а донный пыж самой гильзы застрянет в стволе. При очередном выстреле возможен разрыв ствола. У импортных гильз высота поддона больше, скрепление его с трубкой надежнее. Отказы в самозарядных ружьях исключаются. Улучшены и условия сгорания пороха — камера сгорания сферическая, так как донный пыж не плоский, а вогнутый. К тому же газы стараются прижать его стенки к трубке гильзы, а не проникают в пространство между ними и не отгибают поддон.

Реставрация пластмассовых гильз сводится к следующему. Выпрессовывается капсуль. Но при этом раздается капсульное гнездо в диаметре. Это нежелательно. Дело в том, что при выстреле дульце капсуля развальцовывается (от давления). Когда мы его выпрессовываем, он своей развальцованной частью (дульцем) раздает капсульное гнездо. Лучше перед выпрессовкой капсуля сверлом диаметром 6 мм с воротком (вручную) высверлить развальцованную часть капсуля. Такое устройство можно заказать в Туле. И все же после выпрессовывания надо опрессовать капсульное гнездо. Для этого гильзу надевают на оправку (внутри вводится стержень диаметром 14 мм) и двумя ударами молотка осаживают капсульное гнездо. Затем обжимкой с зубчиком делаем три вмятины (через 120°) на цилиндрической поверхности металлического поддона. Этим мы упрочняем соединение пластмассовой трубки с поддоном. Такая операция необходима в случае приме-

нения их повторно в самозарядных ружьях. Расправку дулец пластмассовых гильз под закрутку лучше производить в подогретом состоянии (на лампочке в 100 ватт), надев на стержень с коническим заходом и используя две текстолитовые доски. Если патронники ружья разные в диаметре или имеется несколько ружей, желательно опрессовать саму цилиндрическую часть поддона пластмассовой гильзы с применением кольца, имеющего внутренний диаметр 20 мм. Работу лучше проводить с помощью рикапера. Важную роль играет плотность завальцовки патрона, которая в первую очередь не должна дать пыжам преждевременно отойти в первоначальный момент выстрела и, конечно, предохранит дробь от высыпания. Для этого я проклеиваю стыки дульца и картонки клеем БФ. При заделке способом «звездочка» центр закрутки завариваю паяльником. При сжатии пыжей с усилием 8—10 кг и плотной завальцовке создается необходимое давление форсирования, порох при этом сгорит быстрее и более полно. Дульное давление будет достаточно низким и меньше разбрасывает дробь. Кучность и резкость будут хорошими.

Очень важно иметь под рукой соответствующие приспособления для снаряжения патронов: навойники, воронки, дозаторы, весы, закрутки, обжимки, прибор «Звездочка», опрессовыватели, высечки. С фабричной «Звездочкой» хорошей заделки дульца не сделать. Нужна своя, самодельная. Удобна и горячая заделка дульца пластмассовой гильзы. Для 12-го калибра используется дробовой пластмассовый пыж 16-го калибра. Из Тулы могут при-

слать устройство для горячей сварки обреза дульца гильзы с кромкой этого пыжа. Загибка дульца гильзы при этом не нужна. Многократность ее переснаряжения возрастает.

Пересыпку дроби крахмалом надо делать послыно, после утрясения и утрамбовывания навойником. Вес дроби надо уменьшить на вес крахмала (1,5 г) и на вес стаканчика (0,7 г). После снаряжения патронов их надо обжать обжимающим кольцом. Войлочный пыж (дополнительный) можно разрезать на четыре части, чтобы он при вылете из канала ствола не расталкивал дробь. Торец навойника желательно выполнить выпуклым, чтобы досланные к пороху картонные прокладки были выпуклостью к пороху. Выпрямляясь, они увеличивают давление форсирования. Капсюль «жвелело» сажать глубже 0,15 мм не следует, — возможны осечки. Осечки возможны и в том случае, если сильно расширено капсульное гнездо. Боек при этом сначала досылает капсуль глубже, и оставшейся энергии может не хватить на воспламенение капсуля. Если диаметр войлочных пыжей маловат для данной гильзы, пыж можно «раздать» ударами молотка на подставке. После запрессовывания капсуля в гильзу, бывшую в употреблении, можно проверить, герметично ли он сидит в гнезде. Для этого надо с силой подуть в гильзу. Выхода воздуха не должно быть. Бедой бумажных гильз является прогар трубок на стыке с поддоном. Происходит это вследствие прорыва газов между донным пыжом и трубкой. Можно проклеить эти стыки (изнутри) клеем БФ. Дульца гильз можно упрочнить, окунув их в расплавленный парафин.

Новинки оружия

ПОМПОВОЕ РУЖЬЕ

М. БЛЮМ

Помповое ружье ТОЗ-94 12-го калибра, по сути дела, представляет собой модификацию известного охотникам тульского самозарядного ружья ТОЗ-87. Тульский оружейный завод, создав помповое ружье на основе уже стоявшего на производстве образца, значительно сократил технологические затраты за счет использования почти 80 % деталей от ружья ТОЗ-87, что позволило ускорить производство нового образца.

Внешне новый образец не напоминает помпового ружья, так как подствольный магазин полностью закрыт деревянным цевьем. Такая конструкция не только улучшает внешний вид ружья, но и способствует более удобному и быстрому захвату ружья левой рукой и, как следствие, более быстрому приведению ружья в боевое состояние, если патрона не было в патроннике и его необходимо было дослать из магазина.

Крышка ствольной коробки сделана из стали, внутри которой по направляющим пазам перемещается затворная рама с затвором, боевой упор которо-

«ТОЗ-94»

го входит в окно хвостовика ствола и таким образом патронник ствола с патроном запирается перед выстрелом. При сборке ствол соединяется с трубчатым магазином с помощью кольцевой подствольной муфты, а в передней части крышки ствольной коробки размещается хвостовик ствола.

Ударно-спусковой механизм имеет курок, взводящийся при перемещении затвора назад, который наносит удар по ударнику, располагающемуся в центральном канале затвора, при нажатии на спусковой крючок. Смонтирован этот механизм на отдельном основании, которое при разборке отделяется от ствольной коробки, что облегчает доступ к его деталям для чистки без разборки всего механизма.

На трубчатом подствольном магази-

не находится подвижное цевье, которое с помощью тяги соединяется с затворной рамой, а значит, и затвором, который перемещается при движении цевья. При разборке цевье снимается с трубчатого магазина при отвернутом колпачке, на котором размещается передняя антабка.

Предохранитель ружья запирает только спусковой крючок при перемещении кнопки в соответствующее положение, которая располагается в передней части предохранительной скобы.

Боек имеет блокировку от инерционного накола капсуля патрона при перемещении затвора в переднее положение.

Деревянные цевье и приклад имеют насечку, а форма приклада — пистолетная. Затильник имеет резиновый амортизатор для смягчения отдачи в плечо.

Борис ПЕТРОВ

Всегда, пока добираться до плеса, кажется, что твое варварское вторжение — треск сухого тростника, бултыхание сапог по болотной жиже — до того переполошит всех озерных обитателей, что мирная жизнь в этом укромном уголке не восстановится за целый вечер. Однако стоило мне притаяться в своей ухоронке, обычный для камышовой заводи звуковой фон стал потихоньку возвращаться: рядом в зарослях плескалась водицей лысуха, постанывая от удовольствия, невидимый грызун быстро жустрил сочную травинку, совсем рядом на уровне уха надоедливо шуршала запутавшаяся в стеблях черная осенняя стрелкоза — отдохнет минутку и снова принимается настойчиво шебаршить. Звуки все — какие-то интимные, словно воркотня влюбленных за тонкой переборкой, а то вдруг негромкий смешок... И я — невольный свидетель.

В неподвижном воздухе проплыл долгоногий узкокрылый наездник, це-

лая городьба, напоминающая этажерку; кажется, что вот-вот упадет. Вокруг желтый соломенный мир сентябрьского озера, пахнет сладковатой болотной гнилью и этой похухлой тростниковой соломой... Будет сегодня перелет? Должен бы, вечер такой тихий и мягкий. И место, кажется, нашел, вселяющее надежду.

Это главное условие успеха на утиной вечерке — определить верное место, где стать. Передо мной ржаное море осенних камышей, тупик большого хакасского озера, расположенного в степных предгорьях Саяна; до противоположного берега километра три, посередине, если глянуть сверху, самый материк водной глади, а по зарослям вокруг — многочисленные укромные заводи, зеркальца, проточки. Утка в озере, несомненно, есть — должен быть перелет! Лишь бы не ошибиться с выбором места. Через узкий проход в стене тростника, но по колена в воде я выбрал на это плеско, осмотрелся, углубился в кромку зарослей, вытоптал вокруг себя пяточок пространства, заломал мешающие початки рогоза. Теперь только жди терпеливо.

Должны летать! Но как-то я сегодня не уверен. А чему удивляться: лет пятнадцать не был на утиных вечерках — так сложилось, совсем перестал ездить на болота. Держал легавую — разумеется, охотился по боровой, вот и отвык. Неужто впрямь пятнадцать лет? Э, как бы не побольше. Мчится время, мельтешат годы. Интересно звенки говорят: «Дольше годы — короче дни». Очень верно. В юности пять лет в институте

казались вечностью! А теперь... пять лет назад? Да вот же оно — рядом было, неужели в самом деле пять лет?..

Однажды, вспомнилось, выпало стоять в озере на высокой кочке — взгромоздился на нее (словно журавель) и весь вечер балансировал. Забрел в незнакомые камыши, а в них ни единого просвета! Я вскарабкался на кочку и увидел поверхность камышей на уровне глаз. Вдруг, смотришь, прямо впереди над метелками возникают три черные точки и стремительно идут на тебя в брющем полете, увеличиваясь в размерах. А ты исхитрись принять их выстрелом и притом на кочке удержаться! Сейчас бы не смог, ловкости

ТИХАЯ ВЕЧЕРА

той нету. Озеро называлось Камелик, и сколько в нем плодилось утвы! В Заволжье — кругом степи, бескрайние хлеба, просо, подсолнечник. И тихая, извилистая, вся в заросших бочагах речка — Иргиз... Господи, сколько же у меня было разных вечеров за многие годы!

На Вятке — заливные луга моей юности... По ним — старицы, озерки, затоны, и мы бродили по берегам, стреляли молодых крякашей с подъема. А утром и вечером стояли на перелетах. Я только постигал эту науку, учился различать водные угодья по характеру: на травянистых кормовых бывали хорошие вечерки, а для утрянок выбираешь — на которых птица отдыхает днем на чистых зеркалах или в кустарниковых крепях. По всем этим лугам в августе простирались пожни; утром, еще затемно, выбираешься из стога, вытряхиваешь сухую труху из-за ворота. А по лугам уже разлегся белый душистый пар, и вода, когда заходишь в болотину, теплая, журчит пузырями на каждом шагу...

Было, было... Мало ли чего бывало. А вот сегодня пока стоять скучновато. То ли будут, то ли нет... Сколько лет сюда не ездил, за это время лучше не стало, конечно, теперь все перемены — только в одну сторону. Хотя какая-то жизнь на моем плесе течет своим чередом. Пожуртил, пожустрил рядом стебелек невидимый грызун и умолк. Вдруг смотрю — плывет. Но не утка. Волночки усами расходятся на чистоводе... Кто бы это мог быть? Ага, ондатра. Волочит зеленую травинку, пере-

кинув через плечо, глаза-бусинки по-сверкивают. И ведь надо ж было плавать за ней куда-то, когда вокруг тысячи таких же...

А это что такое? Летит... Высоко, одиноко в пустынном небе и как-то суматошно. А все же утка! Мчится боком, словно летающий диск, который несет ветром, — вираж закладывает, разведочный обзор. Далеко прошла, но хоть видел. Ничего, еще подождем...

А на Волге досталось мне когда-то настоящее утиное царство. Первый год работал в деревне и — «через день на ремень» — запрягал велосипед и катил на вечерку. Зорю отстреляешь — под звездами домой, километров семь, кажется, было до озера Маяшина степным проселком. Крутишь полегонку педали, седло поскрипывает, узкие шины мягко шуршат по пыльной колее, которая коротко белеется впереди от звездного света. По сторонам смутно темнеют кулиги сухого куровника, в теплом воздухе плывет горьковатый щемящий настой полынка и волнами накатывается дневной дух свежей соломы. Хорошо было... Вручаешь молодой жене пару кряковых, она ставит на стол кружку густого молока, отрезает горбушку от пшеничной ковриги...

Утка на те степные озера начинала валить в сумерках: набьют на просах полные зобы, и надо им срочно пощелочить водицы. У меня была довольно тяжелая «комлистая» ижевская бескурковка, и до того лихо я насобачился из нее палить... Однажды, помню, из девяти выстрелов взял семь штук подряд, даже как-то страшновато стало эдак молотить. Ага, и после каждого удачного выстрела целовал свою подругу-ижевку в прохладную металлическую «щечку»...

Между прочим, вспоминаются вовсе не обязательно охоты с обильной добычей. Иногда вдруг всплывет эпизод или картинка — просто так, запечатлелось чем-то необычным. Чаще всего каким-нибудь особенным переживанием (память на чувства — самая живая). Довольно часто является, например, мне случай совершенно... то есть, ну, абсолютно нечем похвастать. На озере Подстепном я обнаружил готовый скрадок на краю камышей (по-тамашнему — чакана), стоять в нем было удобно, утки тебя совершенно не видели и плюхались на мелкое открытое плесо. Только плесо-то было уже почти высохшее, осталось от него лишь «мокрое место», небольшая бакулина на грязи с белесым налетом в изрядном отдалении от сидки. Я уже прекрасно знал неистребимое пристрастие чирков к таким грязям: в сумерках они летят на них, как ночные бабочки на огонек, и поодиночке, и стайками.

Главное, все совершенно одинаково появлялись справа из-за спины на высоте чуть выше человеческого роста, огибали меня полукругом и удалялись за левое плечо. Тихий румяный вечер, летят все одинаково... Я опустошил два подсумка патронташа и ни одного чир-

ка не сбил! Зациклился на какой-то ошибке и не мог ее исправить. А после третьего или пятого промаха, естественно, и руки уже затряслись, и вера в себя стала пропадать, и вообще. Пятнадцать раз кряду! Господи, как же я разнервничался, как себя остерлил! А сегодня вспомнил — с улыбочкой. Почему? Да так, молодой был, когда про молодость, — все расчудесно видится.

М-да, а закат из розового становится все малиновее, краски его начинают меркнуть. Неужели совсем не будут летать?... Кто ее знает, нынче все возможно. Но чтобы в таком водоеме не стало дичи? Что-то не верится. Однако ведь не видно. А пора бы появиться нетерпеливым-ранним. Когда-то старший товарищ Глеб Таран меня учил: «Ты самых-то первых не стреляй: они голодные — шибко худые». Да, не видеть... Можно продолжить «вечер воспоминаний», коли такой стих нашел. Даже вот сделал открытие, что молодым быть хорошо... Но ведь и умудренному — тоже! Есть свои немалые прелющества. Стою в озере, утки не летают, а я с ржавым скрипом растворил тяжкую дверь в кладовые памяти и... О сколько в них накопилось драгоценных картин и случаев! Вся обстановка осеннего озера с его подзабытыми звуками, пряными грустными запахами, мелкими заботами — так и всколыхнула в душе образы давних лет, невидимо сохранившиеся под слоем пепла.

Однажды мы на парохде плавали по Волге до небольшой пристани — на целую неделю. В такие попали красивые и богатые места! Бескрайнее волжское займище с ериками, затонами, системой узких протоков. И петляла там речка с песенным названием Княгинька — в кудрявых лозняках, в оторочке зеленых трав и белых лилий-кувшинок, вела хороводы во зеленых лузях со своими подружками-озерами. Наверное, ничего более красивого я до того не видел... и больше никогда не увижу: нет теперь на земле той речки — весь район затопили воды волжского каскада, на дне морском успокоилась красавица Княгинька.

Места нам взялся показывать тамошний деревенский охотник Леха. Интерес у него был практический — попользоваться нашими порохом и дробью. Леха имел разбитую одностволку 20-го калибра (у нас-то у всех не меньше 16-го) и к ней три латунные гильзы. Выпавив свой боекомплект, Леха тут же на берегу набивал патроны заново. Естественно, влет не стрелял, тряся над каждым зарядом и в результате постоянно терпел неудачи. Однажды к его засидке упала артелька лутков; огляделись, успокоились, принались кормиться. А Леха ждет — чтобы не меньше двух сплылось под выстрел. Я и то, стоя в кусту поодаль, весь извелся. Наконец вырвался синий клуб — ббуух! — из Лехино засидки. Утки испуганно всплеснули крыльями и взмыли вверх. Но не все — пара осталась трепыхаться на глади. Увидя такую удачу, Леха отшвыривает свою

двадцатку и бросается прямо во всей одежде в озеро. Да не тут-то было: оба подранка суматошно забили крыльями и потянулись прочь в разные стороны — одна на чистоводье и нырнула с глаз долой, другая под противоположный берег, в заросли. Обе пропали! Леха в прилипшей одежде выбрался на берег и взвыл от досады. За двумя утками погнался...

Ах, какие перелеты мы застали на Княгиньке! Теперь вспомнить — сказка... Поселились в пышном шалаше, который оставили на берегу покосчики, внутри было мягко, как на перинах, так и дышали все время буйным ароматом сена... («Уже подопревшего...» — будто шепнул мне кто-то исподтишка.) Подопревшего? — удивился я неожиданному уточнению. Почему подопревшего?.. А верно — дожди нас тогда залили, угодило как раз на неделю слезливого первоосеннего ненастья. Ворох рыхлого сена на крыше в нескольких местах протек, на перины капал коричневый настой. Точно, было... Мы еще ругались из-за этой непогоды — все время мокрые. Надо же, насколько выветрилось. Остались только сказочные перелеты да Иван, веселый неудачник. Память, она ведь у нас хитрая — все раздражающее и сылякотное стирает с листа, все приятное сохраняет...

В этот момент поодаль в озере раздалось тук, тук. Ага, стреляют. Начинается помаленьку, должна все-таки мотаться утлонка на заре, не может такого быть, чтобы совершенно... Так что зря ты, моя дорогуша, злорадствуешь: мы сегодня, если повезет, еще и стрельнем!

И в самом деле, вдруг из-за кромки камышей низом вырвался удалой чиргуляка и, вихляясь в полете, просвистел над моим плесом как раз в секторе для выстрела. Но я не успел... Вот, черт, раскиселился тут с этими сантиметрами, а перелет-то начинается. Битый ведь чир улетел. Э-эх, стрелок... Я переступил в илу поудобнее, ружье взял наперевес, заломил еще одну мешавшую глазам тростину. Можете лететь, больше не прозеваю... А почему я на нее вдруг так набросился — «злорадствуешь»? Погорячился, конечно. Хотя отношения у меня с собственной памятью довольно сложные. Богатства-то накопились несомненные, однако от них порой случаются и досады, да-да! Она меня иногда как бы ревнует к живой жизни и начинает вмешиваться, даже вредничает потихоньку, чего уж тут. Очень даже просто: все больше набирается счастливых картин и переживаний позади — все реже в текущей жизни. Таков, увы, факт. И вот прошлое начинает явно перетягивать чашу весов...

Не только вот на вечерке и на лесной охоте порой мещает. Идешь по заброшенной дорожке — подсказывает: «Здесь однажды сидел выводок, во-он за тем кустом, помнишь?» Инстинктивно весь подбираешься, крепче сжимаешь ружье... Нет ничего за памятным

кустом! Вместо вывода — одно разочарование. А ведь не было б того случая, который она услужливо подсунула, и повода для расстройств не было б — шел бы да шел себе... Очень грустно порой бродить по тропам старых удач: все — только было, было, а сегодня опять пусто. Так она мне подчас и мстит — постоянно сравнивая сегодняшнее с прежним, напелтывает, скептически поджав губы: «Опять... Я ведь предупреждала. Раньше-то разве так бывало...» О, она такая, может под конец жизни утешить и озлобить, примирить и поссорить. Но хуже нет, когда человек, подводя итоги, горько сетует: «Промелькнула жисть — и вспомнить нечего...»

Бывает, соберутся охотнички и давай друг перед другом травить байки. О чем? Как правило, об удачных случаях, красивых выстрелах, невероятной добыче. На самом деле таких эпизодов у каждого за многие годы — наперечет. Но память именно их сберегла, расцветила яркими красками да подробностями и в соответствующий момент выпихнула на сцену. Каждый по истории — эх, братцы, и охота у нас прекрасная! Чего мы все жалуемся да унываем?... Вот какие штучки устраивает наша коварная спутница жисть.

Зато иные воспоминания с годами тускнеют и блекнут, даже образы родных, но ушедших лиц, как ни напрягайся, как ни кори себя, выцветают в воображении, теряют полнокровие и четкость. Наверное, она таким образом охраняет наше душевное здоровье: представьте, кабы время не подливало воду в горькое вино утрат, разве жизнь досталась бы оставшимся? Сплошное горе да страдания... Однако что-то я расфилософствовался — совсем не туда заехал. Начал-то об охоте, перебирал от нечего делать разные утинные вечерки. О чем я хотел?... А, о годах, когда жил в Тюменской области.

Там, по Туре да по Тоболу, тянулись бесконечные вдоль и километра на три в размахе зеленые травянистые поймы и по ним были разбросаны бесчисленные озерины (чаще всего с татарскими названиями — Дулепино, Матмасы, Усалка, Каишкуль), а еще больше мелких ляг, лыв, грязей, проточек. Много я там отстоял зорь и не было случая, чтобы возвратился пустым. А вспоминается... как-то буднично, деловито, без ощущения праздника. Почему?

Давно заметил: когда много ездешь в одно и то же место, все события потом сливаются в единую картину, словно бывал там раз, ну пару. Уток на этих Матмасах за несколько сезонов добыл множество. А в «архиве» одна поездка. Не принимает в свои хранилища госпожа Память повторяющиеся эпизоды, они ей, видите ли, неинтересны. А о том, как себя вести: бить больше дичи или «работать на историю», я еще не задумывался. Потому что молодость прошлым не дорожит. Хранилища пусты, и беды в том не ощущаешь, ибо все у тебя — впереди. Только с годами приходит иное понимание.

С какого-то времени я даже стал ей подсознательно прислуживать, например, не люблю ездить в одни и те же места. Знаю — верные, в деловом смысле надежные, а мотану куда-нито в края неведомые, которые манят новизной. Частенько фантазии кончались крахом, не без того. Зато теперь помню все свои осени, не сливаются в единый мутный поток. Не будет сегодня утки летать, а я, гляди-ка, и в Заволжье побывал, и на Вятке посидел, и тобольскими лугами побродил — это все тоже дорогого стоит. Не так горько будет возвращаться пустому.

Теперь понимаю, почему многие старые охотники не выезжают с ружьем: им достаточно тихо поворошить палую листву воспоминаний. (Как Скупой рыцарь спускался в свои подвалы и перебирал драгоценности в раскрытых сундуках — то были моменты его блаженства!) Наверное, это как и с любовью в семьдесят лет: раскладывать пасьянс переживаний молодости сладко, а пытаться «любить» практически — противоестественно. Да, я их понимаю... Уже начал понимать.

Но мне-то не семьдесят! И хочется сегодня вот здесь на вечерке все испытать, очень хочется! Да что-то веры мало... Ага, вон, наконец, идут — высоко стороной, красивой линией, приятно хоть глазами проводить... И вдруг одна комком отвесно падает, выпадает из строя, а вслед за тем доносится: «кыхх, кахх». Какой-то стрелок не сплеховал. Странно, что остальные — как летели, так и продолжали ровно удаляться, даже не вздрогнули. Я проследил, пока мог, куда они направляются. Может, на грязь в тупике? Если так, то я стою «не туда!» Но переключить уже поздно, жар заката начал подергивать пеплом, скоро осмеркается...

Откуда-то из чистого неба возникла тройка кургузых чернетей — они, вальясь с крыла на крыло, как заправские слаомисты, явно шли на присад. От неожиданности я засуетился, неловко вскинулся, но не успел ударить встречным, пришлось оборачиваться через плечо, в дальний угол. И все равно на мушку не поймал. Но выстрелил — для куража, для разгона, надо же как-то начинать! Они даже внимания на мой дуллет не обратили, так и ушли стройным звеном. Ага, все-таки летают, ожила вечерка!

За чернетями в короткое время утки несколько раз появлялись у меня на виду, но все далеко за выстрелом. И неплохо летают. Только все не под руку. Неожиданно — откуда взялись?! — раздался мягкий плеск, и несколько чирков с лету въехали в тихую воду моей заводи, замерли на мгновение. Выстрел грохнул тут же, пересекши шипящей дорожкой угасающее зеркало воды. Утки сорвались и взмыли на подъем. ... Но не все! Парочка осталась сидеть настороженно неподвижно. «Промазал по сидячим?! Ну, масть пошла... Почему же не улетают, явно не подранки!» — это все промелькнуло у меня в голове за пол-мгновенья меж-

ду первым и вторым выстрелами — они, конечно, тоже вспорхнули, но я ударил вдогонку, прикрыв один стволами. И на этот раз услышал звонкий шлепок об воду. Ффуу, есть почин...

Однако странно все же ведут себя сегодня утки — на выстрелы не реагируют! Неужели до того привыкли к этому постоянному грому (как, например, к грохоту железной дороги рядом), что не видят в нем опасности? А что, которые поняли-то, уже своего опыта не передадут... Даже сидячие не сразу удирают от выстрела, чудеса. «Ну, ладно, что у нас предполагается следующим номером? — с заметным оживлением подумал я. — А то ты тут бинтовала: все лучше, мол, позади, уже миновало. Нетушки, подружка, мы еще старинной тряхнем».

Сумерки тем временем пугающе быстро густели, утки пролетали все чаще — то поодаль, то неожиданно вывертывались на выстрел, да я не успевал среагировать, слишком быстро все происходило. Отвык от перелетов, стал неразворотлив. Особенно чирки («дробеды» — как их у нас когда-то обзывали), эти порхали над самыми вершинами камышей легко и вертляво, словно летучие мыши, миг — и прошмыгнули за сноп куги... Ага, вот низко впереди стайка — не чирята, но и не крякovie, тянут прямо на меня. Я пригибаюсь в своей ухоронке все ниже, все напряженнее сжимая ружье... пора! Выпрямляюсь, вскидываю, но они уже над самой головой: переждал я их, балда, не успеваю. Резко оборачиваюсь вслед за шумом полета над головой, но стрелять неудобно. И теперь — не надо! Все равно упадет в непролазную шумиху, не найду.

«Вы посмотрите, какой стал умный! — тут же подает насмешливый голосок дремлющая моя ворчунья. — Вспомни-ка случай на Маяшине: упала на отлет, а ты на всякий случай сходил и — подобрал!» — «Так ведь там поле было рядом, стерня сжатой пшеницы». А вообще редкий выпал случай. Метров за двести она утянула, но я побегал проверить. Вижу издали: на копне ястреб, и вид у него очень заинтересованный. Подхожу, крючконос нехотя взмыл, а утка — лежит себе на стерне. Точно, лопонос это был, сам такой плотный, а клюв — как столовая ложка. Жена еще сказала, увидев: «Как будто ему на нос наступили». А здесь кругом болото и заросли, совсем другой разговор. «И чего ты, слушай, все вмешиваешься? Только отвлекаешь... Вот, дьяволышня, опять чирков с тобой прозевал!»

Тихо, тихо, тише... Ох какие! На фоне потухающего неба вырисовались семь черных тяжелых птиц — крякovie, идут ровным боковым галсом... уже над плесом. Ну! Ловлю первую, короткая поводочка, затаявая дыханье, — тррах! тррах! Вслед за выстрелами радостно улавливаю два грузных сочных шлепка. Ага, есть еще верность в руках и в глазе — красивый дуллет! И биты чисто. Теперь, не отводя взора от точки па-

дения, будто лунатик, неторопливо добрести до того места. Поспешишь — людей насмешишь. И не обращай внимания на свист крыльев налетающих близко других уток — пусть хоть шапку собьют, не повернусь... Так, вон обе белеют в темноте подкрылками. До чего тяжелые. И шагов пятнадцать вправо — подобать первого чирка. В желтом круге луча фонарика виден завернувшийся лист белокрыльника и рядом мой чирчище. Мокренький стал, и клеенчатые перепонки лап в воде — холодные.

Что ж, вечерка сделана, но можно еще постоять, торопиться некуда. Пока бултыхал по плесу, над головой несколько раз слышалось торопливое «вих-вих-вих!... фью-фью-фью...». Пронесли невзвысоко в темноте два невидимых бекаса, громко «вжикая», наверное, высыпка снимается в отлет. А на последнем свету я успел заметить волнующую картину: далеко над серединой озера взнялась целая туча уток, вытянувшись ковром-самолетом поплыла на запад. Давно такого не наблюдал! Интересно, куда они направились, на поля или уже в дальние страны?

Я еще подождал в своем угодке, но стало совсем темно, ничего уж не видно. Да и перелет, кажется, выдохся. Достал сигарету, вспыхнул близкий огонек спички. В это время над озером раздалось — будто из утробы выдавливали: «Ккаа! Ккаа!» — цапли полетели. Да-да, точно, я и забыл: конец вечерки для меня всегда знаменовали эти клики. Так и говорил себе: «До цапель постою и хватит...»

Теперь задача, — не торопясь, выбрести на берег. Та-ак, где у нас тропа, проход через тростник?.. Ага, кажется, нашел, за ним прошлепаем мелкой приболотицей... Вот уже сухо шуршит под ногами береговая травка, и запах обдал другой — не болота, а холодной осенней росы. Точно так же пахло, когда затемно выбирался к велосипеду со своего Маяшина. Как далеко это было отсюда, совсем на другой земле (даже, можно сказать, в другой стране!), а дух тот же. И память его уберегла совершенно живым... А ведь, казалось бы, нечто эфемерное, почти нематериальное. Не раз случалось: вдруг повеет чем-то до того знакомым. Сразу и не определишь... «Много у тебя всяких причуд, старая... Правильно, что ли, иду? Не хватает в темноте прилукнуть?»

«Это ты меня старушкой обозвал?! — вдруг возмутилась моя вечерняя собеседница. — Как прикажешь понимать — я старая, а ты у нас молодчик, так, что ли?» — «Ну это я в шутку, просто такое дружеское обращение. А коли напрашиваешься, то и поделом тебе: больно часто ворчишь да поучаешь, нос суешь не в свои дела. Мы с тобой, слушай, как со старой женой: то вместе умилеваемся, а то — пых, мелкая ссора. Ты все хитришь, случается, и просто маленько обманываешь...» — «Я обманщица?!» — «Расписываешь, как все

было прекрасно, а на деле-то дождь изводил, от холодного ветра руки краснели...» — «Так для твоего же спокойствия», — ухмыльнулась она. «А истина? Как быть с истиной? Для русского человека правда всего дороже. Или вот порой изводишь сиюминутными пакостями: то одно что-нибудь из-за тебя потеряю, то другое не сделаю, склероз, понимаешь ли, модный завела. Это зачем? Да я не шибко и обижаюсь: с возрастом считаться надо. Другое дело — по-крупному: отговаривала ведь от поездки сюда на вечерку, отгова-аривала, не возражай. Мол, сколько уж мы с тобой всего на свете видели-перевидали, ничего новенького доброго не получишь, старое-то все лучше. Право, как жена: «Не ездил бы ты в такую даль, лучше я тебе дома пельмешков настряпаю...» — «Ну и что — старая, зато верная!» — «Эт-точно... А все же я собрался, и, смотри, вот они, утицы, сумку на плечо оттягивают». «А!.. Съешь их — нет ничо. А мое добро — на долгие годы». — «Я и новенькое подглядел: утки стали — выстрелов не боятся! Прямо тебе «новые кряковые» появились».

Это я так, неторопливо шагая на стан, полегонку препирался с нею «на бытовом уровне». А в главном она права: надо копить. Надо! На вечерние годы набивать кладовые богатствами, складывать до времени — непреложная это житейская мудрость. Копить на черные дни. Придет время — еще как понадобится! И выручит, и утешит. И, кажется, скоро уж понадобится... Раз понимать начал.

Рисунки Б. Игнатъева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Железнов Ю. Д., Абрамян Э. А., Новикова С. Т. Человек в природе и обществе. Введение в эколого-философскую антропологию. Материалы по курсу. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. — 1500 экз. 296 с.

Лечим собаку. Кн. 1. — М.: Нива России, 1998. — 10 000 экз. 218 с., ил.

В первой книге двухтомника излагаются сведения по биологии и анатомо-физиологическим особенностям собак. Даются рекомендации по уходу, кормлению, содержанию и соблюдению правил гигиены животных. Читатель знакомится со способами оказания первой помощи при травмах, укусах и различных повреждениях, а также методами лечения внутренних незаразных и хирургических болезней собак.

Синица В. Н. Кто есть «кто» среди собак. — Мн.: «МСТ», 1998. — 11 000 экз. 207 с., ил.

Издание знакомит с наиболее популярными породами собак. Основное внимание уделяется характерным чертам и особенностям поведения представителей каждой породы, а также описанию экстерьера.

Корытин С. А. Приманки зверолова: КОГУП Киров. обл. типография. — Киров. 1998. — 3000 экз. 288 с.

Это практическое руководство, своего рода энциклопедия по привлечению и ловле пушных и ряда других зверей с помощью запаховых, кормовых, зрительных и иных приманок. Книга создана на основе многолетних научных исследований и обобщения опыта таежных звероловов, их профессиональных секретов, органического соединения теории и практики. Содержит описание малоизвестных повадок животных, неведомых, но интересных широкому кругу читателей запаховых и вкусовых пристрастий зверей, используя которые человек может управлять их поведением.

Стоимость книги, включая почтовые расходы на пересылку, 20 рублей. Деньги и заказ на приобретение книги направлять по адресу: 610000, г. Киров, Главпочтамт, а/я 81, ВНИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, научная библиотека.

Павлов М. П. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Заказное издание ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова. — Киров, 1999. 666 с.

Книга «Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР», III часть, составляет серию книг института, посвященных результатам работ по воспроизводству животных в целях увеличения ресурсов охотхозяйственной отрасли.

Автор этого труда — Заслуженный работник охотничьего хозяйства России М. П. Павлов просит специалистов Природоохранной и Охотхозяйственной службы направлять заказы на книгу по адресу: 610000, г. Киров, ул. Энгельса, 79. Администрация ВНИОЗ. Цена — 50 руб.

МРЧ НОЧЬ

А. ЧЕРНОВ

Отец мне всегда говорил, что кабанчики в Туркменистане — профессиональные охранники кабаньих троп, бахчей и луж. Мне хочется рассказать о нескольких днях, точнее, ночах охоты на кабана, проведенных в Ашхабадской области. Судьба так распорядилась, что наша семья выехала из Туркменистана. После окончания заграничной командировки, в которую я был

направлен еще союзным министерством, по настоянию жены и детей мы приобрели квартиру в городе ближайшего Подмосковья. Переезд, устройство на новую работу, ремонт квартиры поглощали все свободное время, которое раньше я мог с великим удовольствием отдать любимому занятию — охоте и рыбной ловле.

Несомненно, разнообразие красот природы, а также объектов охоты и рыбалки в России значительно превышает аналогичные возможности Туркменистана. Но для определения места, где можно было бы поохотиться, потребовалось бы много времени, чтобы приобрести новые знакомства с людьми, знающими охотничьи угодья. Вот почему, несмотря на красоту и известность названий близлежащих населенных пунктов: Купавна, Болдино, Красная Охота, — я практически ни разу не потревожил охотсоюз по поводу путевки. А нарастающее желание общения с природой, связанное с потерянными годами без любимого времяпровождения, все чаще напоминало моей памяти не менее красивые, но до боли знакомые названия поселков Туркменистана: Хауз-Хан, Султандеж, Тедженстрой. Вот почему я был безмерно счастлив, получив возможность в октябре 1996 года увидеться с родителями, проживающими в Ашхабаде, и провести несколько дней, ожидая встречи с кабаном.

ТРОПЫ

«Начнем охоту в Султандеже. На прошлой неделе соседи привезли оттуда подсвинка, — сообщил отец. — Мы с тобой в этом месте султандежских угодий не были, но по описаниям найдем быстро. Охотники ждали кабанов на переходах от джара к рисовым полям», Джарами называют складки местности, образованные селевыми или водными потоками, текущими непродолжительное время с гор. Практически джары похожи на высохшие русла рек, но, как правило, они не имеют имен собственных и наполняются пьяной водой только весной. Я не возражал против его плана, понимая, что многолетнее отсутствие сводит на нет все мои советы и мнения. Выехали мы на следующий день, ближе к обеду, и уже через три часа нашли указанное место.

Какая охота без сюрпризов? Две машины, палатка и дым от костра свидетельствовали, что мы не единственные желающие добыть кабана. Не отказавшись от обязательного в Туркменистане приглашения к чаю, мы получили совет проехать около 15 километров вдоль джара и расспросить кабанов, пасущих в том районе овец и коров. Выбора у нас не было, и, проплутав еще около двух часов по проселочным дорогам, мы наконец-то увидели высокие топчаны, приметую близкого жилья ча-

банов, о которых нам рассказали охотники за чаем. Топчан. Об этом простейшем, но уникальном строении необходимо сказать несколько добрых слов. Сколачивается он из неструганных досок по ширине чуть больше роста самого длинного человека и по длине, равной количеству лиц, которые должны будут охранять поля. Доски, которые затем устилаются кошмами, крепятся на деревянных столбах, вбитых в землю. Летом температура воздуха на высоте 0,5—0,75 метра над землей на 18—22 градуса ниже, чем на ее поверхности, вот почему чем выше сделана эта постройка, тем больше она покажется холодильником по сравнению с раскаленной почвой. Ветер, который на высоте гуляет с большей свободой и силой, обеспечивает надежную защиту от комаров, появляющихся вместе с поливной водой, текущей в арыках. Топчан практически исключает возможность укуса пресмыкающимися и ядовитыми паукообразными, которых в пустыне в избытке: они не способны забраться по столбам или лестнице. И, конечно же, одна из основных целей, которую выполняет топчан, — это возможность с высоты лучше слышать и видеть охраняемое пространство.

Кабаны оказались милыми и добрыми людьми, подтвердившими, что действительно, в двух-трех километрах от их жилья расположено небольшое озеро, образованное водой из арыка. Воду впоследствии перекрыли, и к нему довольно часто ходят кабаны. Осмотр места, которое мы вскоре обнаружили, показал, что кабаны есть, но они ходят не на водопой. Тропа пробита рядом с озером и ведет к уже убранному полю пшеницы. Возможности посещения кабанями озера мы не исключили, но удостовериться в этом было трудно: весь берег был утоптан следами овец и коров.

Времени у нас уже не оставалось даже для того, чтобы вырыть и оборудовать засидку. После короткого ужина отец предложил мне сесть на тропу, а сам расположился левее — ближе к озеру. Я был благодарен отцу, который, понимая, как я изголодался по охоте, все эти три ночи предлагал мне самые перспективные места.

Взяв немного еды, сиденье, наполненную крепким чаем армейскую фляжку, ружье и фонарь с аккумулятором, я направился к одиноко стоявшему невысокому дереву, расположенному в 15 метрах от тропы. Устроился поудобнее в раскладном сиденье, которое является постоянным предметом наместек моих друзей-охотников. Прикрепив к ружью фонарь и прислонив снятое с предохранителя оружие к дереву, я весь превратился в слух и внимание.

До наступления полной темноты ос-

тавалось около получаса. Это мое самое любимое время охоты, время чудес и превращений, когда любой кустик, в зависимости от воображения, может стать сказочным чудовищем или прекрасной феей, когда любая мелькнувшая тень может ожить и превратиться в кабана или садящегося к подсадным чучелам селезня.

Каждый охотник и рыбак знает и помнит несколько минут утром и вечером, когда все живое в природе замораживает, как будто прислушивается к будущим событиям. Вот и сегодня наступила мгновениями даже пугающая тишина. Не слышно ни малейшего движения травинок, стебли кустов замерли — разбойник-ветер спит. Испугавшись тишины, смолкли даже беспокойные цикады. Все умерло.

Визг, крик, рев врываются в этот момент в мои уши и заставляют все тело содрогнуться, сердце в одно мгновение падает и гулко стучит в пятках. Что это?! Только через несколько мгновений становится ясно, что это всего лишь первый аккорд ежевечерней песни шакалов — его близкий продолжительный тоскливый вопль стоил мне нескольких седых волос. Вся жизнь рыбачил и охотился в Туркменистане, и ни одного вечера не было без аккомпанемента шакалов, но обычно крики начинались издали, постепенно приближаясь или удаляясь. Никогда я так близко не слышал начала их песни. А вот и наш герой — огненно-рыжий красавец-лисица-собака. Видно, почуяв что-то неладное, выглядывает осторожно из-за кустика верблюжьей колючки в 20 метрах от меня. Рука невольно тянется к ружью, но не стоит портить охоту и убивать вечно гонимое человеком и собаками животное. Позже он безнаказанно присоединился к своим собратьям, и их прощальный удаляющийся тоскливый лай затих в сумерках. Через некоторое время все успокоилось.

Тишина прервана, пустыня оживает звуками. Непостоянный в любви ветерок уже играет стройными листьями камыша, одновременно нежно дотрагиваясь до веток молодого саксаульника. Не верю своим глазам! Из-за той же колючки, от которой только что сбежал вечерний крикун, выглядывает остренькая, хитрющая мордочка. Но это уже не ночной разбойник, а, пожалуй, самое грациозное существо сегодняшней пустыни — корсак. Повезло! Ветер в мою сторону, и я могу, не боясь спугнуть, спокойно наблюдать за маленькой хозяйкой пустыни — лисицей. У нее необыкновенно редкий по красоте окрас. Светлую серую шубку портят только небольшие темные пятна. Осторожно двигаясь с наклоненной к земле мордочкой, она, видно, знакомится с запахом, оставленным ее сородичем по генеалогическому древу. Вдруг стремительное движение вправо — и что-то пискнуло под ее лапами. Лисица, кажется, не голодна. Она играет: подбросит пойманную добычу, затем с гибкостью и грацией в прыжке подхватывает мышь. Игра в кошки-мышки не-

затейлива, но неожиданный шум, произведенный бегущим по своим делам ежиком, заставляет ее мгновенно проглотить честно пойманную добычу. Увлеченная игрой лисица приблизилась ко мне, но вдруг насторожилась, прикинула к земле, повернув голову в сторону засидки. Я замер! Очень хотелось продлить счастливые мгновения редкой встречи. Но законы и инстинкты самосохранения безжалостны, не видя, но чувствуя опасность, зверь неслышным, легким шагом быстро исчезает из моего поля зрения. Вместе с ним уходят и последние отблески уставшего от дневных забот засыпающего солнца.

Луна будет за полночь. Пожалуй, это самое скучное время для выслеживания дичи, так как практически почти полностью отключается основной орган чувств — зрение. В этом случае безусловное преимущество приобретает кабан. Как и у большинства животных, ведущих ночной образ жизни, зрение у них хотя и слабее, чем обоняние и слух, но не исключает способности видеть в полной темноте. А что же мы — люди? В такие темные ночи начинаешь чувствовать, как постепенно оживают приглушенные за ненадобностью в городе способности слышать малейшие шорохи и движения, невольно нос обретает возможность распознавать тончайшие запахи, приносимые ночными жителями. Просыпаются веками спавшие в подсознании мужчин инстинкты, от которых часто зависело не только количество добытого мяса, но и жизнь самих кормильцев.

Кабаны в большинстве случаев появляются именно в безлунное время ночи, а их способность даже в сухом камыше двигаться совершенно бесшумно значительно уменьшает шансы охотника вовремя подготовиться к выстрелу. Вот почему я не люблю охоты на тропах. В такое время можно рассчитывать либо на ошибку кабана, если он случайно наступит на ветку и раздастся треск, либо постараться найти участок с белой на фоне земли солончаковой или песчаной почвой, на котором темная тень кабана может быть увидена. И то и другое дает возможность подготовиться к выстрелу, но и то и другое трудно прогнозируемо.

А пока темная ночь заставляла меня больше внимания уделять звездному небу. Ночное южное небо самое близкое и яркое. Благодаря техническому прогрессу оно сейчас не безжизненно: ставшие уже постоянными спутники Земли ткут в космосе паутинку, соединяя между собой невидимыми серебряными ниточками звезды. Несколько раз за ночь созданную пряху Пенелопы разрушают сердито гудящие и мигающие самолеты, двигающиеся по древнему шелковому пути. Чтобы скоротать время, развлекаясь тем, что мысленно помещаю себя в кабину спутников и отправляюсь на любую мне понравившуюся звезду, придумывая невероятные приключения, которые должны произойти со мной. Это наиболее простой способ бороться со сном, у которого

ночью очень много союзников. Дремота отступает после нескольких глотков крепкого чая или кофе. Как-то отец зашел в аптеку и попросил какое-нибудь лекарство для борьбы со сном. Удивленный фармацевт, пожевав тонкими губами, произнес: «Абсолютно все закупают и покупают лекарство для того, чтобы заснуть. Вы, пожалуй, единственный в моей практике, кто хочет не спать». Лекарства он так и не смог найти.

Выпущенная из плена барханов, на небе появляется долгожданная луна. Именно в это время мои глаза, обращенные к ее свету, увидели два силуэта кабанов, двигавшихся по тропе в 80—100 метрах. Ружье быстро переместил от дерева на колени, левая рука сжала цевье, ее большой палец лег на выключатель фонаря. Кабаны в 50, в 40 метрах. Стоя стрелять удобнее. Я приставляю — скрип металла по металлу!

Надо было видеть реакцию кабанов. Заднего я потерял сразу — он растворился в темноте. Передний сделал огромный прыжок чуть назад и влево. После этого мой слух мог констатировать только звуки, похожие на лошадиный топот удалявшегося кабана.

Утром отец смеялся, когда я рассказывал о том, как меня подвело кресло-трон. Что было хорошо на охотах по перу (утки не реагируют на незначительные звуки), оказалось непригодным при охоте на кабанов — скрип трения между металлическими трубками сиденья явился причиной их испуга и бегства. Мой знаменитый «трон» после этой ночи больше в засидках на кабанов участия не принимал.

БАХЧА

Мы позавтракали и, понимая, что ночные визитеры вряд ли удостоят нас еще своим вниманием, приняли решение ехать в Тедженстрой. В октябре кабаны с удовольствием посещают расположенные рядом с рекой Тедженкой поля, засеянные арбузами и дынями. При приезде на место узнали у охранников бахчей, что не ошиблись и поля подвергаются активному нападению кабанов, старающихся уничтожить уже созревший урожай. Предложение временно принять нас в свой штат у охранников большого энтузиазма не вызвало, но они показали тропы и участки бахчей со съеденными плодами. Недоверие кабанов к охотникам традиционно: часто охотники для того, чтобы подпустить двигающихся от края поля к засидке кабанов на верный выстрел, позволяют им съесть большое количество дынь и арбузов, к тому же многие из охраняющих сами имеют оружие и лишние конкуренты им не нужны. Принято считать, что туркмены не едят мясо кабанов по религиозным соображениям. Несмотря на многочисленные способы спасения полей от уничтожителей сладких плодов, наиболее эффективным средством остается ружье и ничто не запрещает охранникам решать одним выстрелом две задачи: отпугивать диких свиней, а при

удачно изходе реализовать мясо тем, кто его потребляет в пищу.

Хорошенько выпавшись и поужинав, мы запланировали вырыть скрадки в непосредственной близости от мест ночных визитов сладкоежек. Как правило, засидка выкапывается в виде трех больших ступенек. На нижнюю ступеньку становятся ногами, средняя используется как сиденье, на вертикальное ребро третьей ступеньки опирается спина: получается, что охотник сидит как в кресле. Выглядывающая часть тела и голова маскируются растениями, растущими поблизости — верблюжьей колючкой, камышом или саксаульником.

Закончив рытье скрадка, на что ушло не очень много времени, я присел отдохнуть. Невдалеке затархтел мотоцикл, и вскоре на дороге, которая обрамляет бахчу, показался мотоциклист. Мы поздоровались, это был сын одного из охранников, которого отец послал осматривать поле и зажечь «свечки». Я был удивлен, раньше такой способ защиты не использовался. Попросив сегодня не включать дополнительное освещение, я попросился и направился к расположенному невдалеке пугалу. Этим безмолвных свидетелей жизни устанавливали на каждом поле приблизительно через каждые 100 метров. Я знал, что участие пугал в охране совершенно бесполезно: кабаны привыкают и впоследствии не обращают на них никакого внимания. Но применение «свечки» многократно увеличивает отпугивающую способность пугала. Приблизившись к Страшиле, я убедился, что это довольно прилично одетый молодой человек. Из левого бокового кармана выглядывает платок. При обыске обнаружилось, что в этом же кармане находится коробка спичек. В стране, где более 320 дней в году печет солнце, можно не бояться, что спички промокнут от дождя. Около Страшилы, на бугорке, насыпанном в виде усеченного конуса, стояла бутыл-

ка, наполненная соляжкой. Из бутылки выглядывал самодельный фитиль — разрезанное на узкие полоски полотенце, соответствующее по форме и цвету носовому платочку в кармане рубашки пугала. Зажженная свечка тлеет всю ночь, освещая бесстрастную фигуру недвижимого помощника, — кабаны стараются к нему не подходить.

Познакомившись с соседом, я устроился в засидке.

Прослушав очередную ежевечернюю песню ночных бандитов, солнце спряталось в пуховых объятиях копетдагских гор. Стемнело, я собирался продолжить свое вчерашнее знакомство со звездами, как вдруг в направлении, где мы днем видели один из топчанов, раздался лай собак. Перебранка была недолгой и, скорее всего, соответствовала близкому появлению шакалов, которые всегда стараются избегать встречи с волкодавами — среднеазиатскими овчарками.

Вскоре стало ясно, что эта ночь вряд ли будет скучной.

Метрах в трехстах, где расположились охранники, зазвучала громкая музыка из радиоприемника. Очевидно, мелодии и песни должны были способствовать улучшению пищеварения кабанов. Однако в запасе у бахчевников были и другие способы приманивать любителей арбузов.

Через час волкодавы затеяли очередную перебранку. В дополнение к лаю собак на стане раздалось громовое звучание «бубна шамана». Это звучное трио в исполнении, как минимум, двух собак и шамана несколько раз беспокоило нас за ночь. Утром стало известно, что в качестве бубна использовалось подвешенное на веревке за дерево огромное железное корыто.

Звезды чуть померкли в светешедшей луны. Ближе к утру все стихло. Замолк радиоприемник, уставшие волкодавы не будили больше охранников из-за любого незначительного шороха. Притаились и смолкли даже неугомонные цикады.

Привыкший этой ночью к звуковым издевательствам, я все-таки вздрогнул, услышав в наступившей тишине в нескольких десятках метров от себя какофонию звуков, похожих на шум катящихся по асфальту пустых консервных банок. Тут же залаяли собаки.

Через несколько секунд запел громом бубен. Сработало «минное поле». Когда рассвело, мы побывали на этом поле. Оказывается, участки с наиболее зрелыми плодами огораживаются колючками, которые соединяются между собой проволокой, а уже к проволоке привязывают консервные банки, крышки и другие издающие шум легкие предметы. Кабаны в темноте прут, как носороги, но, попав на «минное поле», убегают, как страусы. Этой ночью мы с ними не познакомились, но они засвидетельствовали нам свое присутствие.

Когда мы утром на топчане пили с охранниками чай и обсуждали события прошедшей ночи, один из них сказал: «На бахче должны расти дыни и арбузы, а не мясо». Он же любезно согласился показать нам заброшенное дынное поле, заросшее колючкой, на котором в этом году было отмечено появление большого количества фазанов.

Поблагодарив за вкусный зеленый чай, мы поехали с охранником к фазаньему полю. Бяшим, так звали бахчевника, не обманул: уже при подъезде к месту охоты из-за колес машины вылетело несколько фазанов. Зарядив ружья «пятеркой» и расположившись короткой цепью (между нами было не более 50 метров), мы двинулись по «колючему» полю. Скопившаяся в ковша Большой и Малой Медведицы ночная прохлада разлилась на землю россыпью миллионов алмазных брызг. Каждая бриллиантовая капелька, свисающая с колючек, приносит огромную радость маленьким обитателям пустыни, давая влагу, необходимую для жизни.

Колючка. Интересное растение: ее листочки, заваренные с целебным зеленым чаем, благотворно влияют на человеческий организм, а ее острые, тонкие иголки в сухом виде способны пробить голенище кирзового сапога. Несмотря на это свойство, колючку заготавливают на зиму в качестве корма для верблюдов. Как ее жует «корабль пустыни»? Непонятно. Наверное, у него во рту подошва.

Я впервые принимал участие в охоте на фазана и не знал, что эта птица терпит и не взлетает, пока на нее чуть ли не наступили. Первый дулет по внезапно вырвавшейся из-под ног самочки оказался бесполезным. Стрелять в летящую в 5—7 метрах птицу дробью с контейнером все равно что палить картечью по воробьям. Раздавшиеся следом с небольшим перерывом выстрелы отца и Бяшима намертво уложили фазанов, по которым они стреляли.

Следующий мой выстрел был более точным, но подстрелил я перепелку. Удивительно, но перепела вообще нет ни среди разрешенных, ни среди запрещенных объектов охоты Туркменистана. Вот что значит отсутствие химии.

Пройдя несколько десятков метров, я вдруг услышал сзади громкое трепыхание крыльев, можно считать, повезло — пока я разворачивался, пока занимал удобную для выстрела позицию, за это время огромный петух уже удалился на 25—30 метров. Быстрый при-

цел, выстрел — и подброшенный зарядом дрови «секач», как мы его потом окрестили, рухнул замертво на землю.

Несколько перьев фазанов, переливаясь цветами радуги, красуются сейчас в хрустальной вазе, напоминая мне о впервые в жизни добытой жар-птице.

Больше фазанов в этот день не взял, хотя стрелял, но, видимо, попал в крыло, и на первый взгляд чисто битая птица исчезла. Отец, имевший опыт охоты на это дивное создание природы, сказал, что искать бесполезно — такой подранок фазана бегает быстрее, чем летает. Остальных птиц, положенных по лицензии, добрали отец и Бяшим.

ЛУЖА

Приготовив шулюм, пообедав и отоспавшись, мы, попрощавшись с бахчевниками, отправились на машине искать дальше свое счастье. Наш путь лежал в само русло реки Тедженки. К октябрю по руслу сохраняется только несколько глубоких ям, заполненных водой, к ним-то кабаны и приходят на водопой. Вся остальная вода реки скапливается в водохранилище и идет на полив многочисленных полей хлебов и хлопчатника.

Приехали к руслу, оставив машину в тени высоких деревьев, росших по берегам, пошли на разведку. Довольно быстро нашли посещаемые кабанами места, у одной из ям даже видны следы грязевых ванн, в которых они любят купаться. Около кабаньей лужицы я и вырыл засидку, поместив ее в выступавшую мысом полосу камыша.

Третья ночь всегда самая тяжелая, сказывается накопленная усталость. Заварив покрепче кофе и взяв теплую амуницию (ночи в конце октября очень холодные), мы с отцом направились каждый к своему месту ночного бдения.

Пришли пораньше, сумерки в русле наступают быстрее — солнце садится не за дальние горы, а за близкие деревья, в листья которых, играя ласковыми лучами, оно приветствует появление ночных жителей.

От встречи с ядовитыми обитателями мы защищены кошмой, которая в обязательном порядке стелется в скрадке. Кошма изготавливается из шерсти овец или верблюдов и является идеальным изолятором от холода земли. Считается, что пресмыкающиеся не заползают в кошму из-за веками сложившейся боязни ими овец. Возможно, страх появился потому, что их самое грозное оружие — яд — не причиняет овцам вреда, когда те одеты в теплую шубу (зубы бесполезно кусают длинную шерсть), а получить смерть от острых как бритва копытец идущего стада очень просто.

Чего-то испугавшись, прилетел кричащий испуганно «дикий фазан» — сорока. Эта очень осторожная птица может на своем хвосте принести интересной известия: она всегда заранее видит и, конечно же, вечно недовольна, что ее потревожили шакалы, дикобразы или кабаны. Недовольство выража-

ется похожим на фазаний криком. Пророкотав что-то неразборчивое, она полетела дальше. Одиночество в темнеющем лесу нарушила мышка, она, видно, учуяла запах моего ужина и пришла исследовать пакет с ножкой от сваренного днем фазана. Мыши ведут себя в камышах почти бесстрашно, их постоянные враги — шакалы и лисицы — предпочитают охотиться в полях, только громадный камышовый кот может причинить им беспокойство, но их осталось не очень много. Не раз эти маленькие серенькие грызуны доставляли мне неудобство на охоте. В темной тишине весь организм собран и, как камертон, настроен на малейшие шорохи. Неожиданное шуршание камыша... Проекция этого звука на ожидаемое появление кабана мгновенно заставляет срабатывать рефлекс — хватаю ружье для подготовки к выстрелу. И только в следующую долю секунды встроенный в мозг компьютер отмечает ошибку: камыш зашелестел в двух метрах, а не в двадцати, где должен был появиться кабан. Если бы бедная мышка слышала эпитеты, проносившиеся в моей голове в ее адрес, она была бы очень удивлена несоответствию и несправедливости оценки характера ее безобидных действий моей неадекватной внутренней реакции.

Противоположный берег был высотой около 2—2,5 метров и зарос высоким густым кустарником и деревьями. Кабаны могли появиться слева и справа, идя по руслу к воде, или спрыгнуть к ней с высокого берега справа, пробитая там кабанами тропа была замечена мною днем.

Звезды сегодня спрятались от меня за одеялом, сотканным из плотных облаков. В полной темноте, которая вскоре наступила, мог работать только слух. И он меня не подвел: приблизительно через полтора-два часа томительного ожидания в предполагаемом месте кто-то спрыгнул с берега, заявив о себе шумом, похожим на звук упавшего со второго этажа тела... Встаю, направляю ружье в сторону воды, включаю прожектор. Ослепительный свет галогеновой лампочки выхватывает из темноты огромную тушу кабана. Зверь неуклюже и резко разворачивается от воды в сторону света. Я вижу его в 20 метрах, стоящего в напряжении, вижу его горящие глаза, вижу чуть выглядывающие изо рта клыки и вздыбленную щетину. Плавнo нажимаю на курок, слышу характерный шлепок картечи о тело и... слепну. Все, что произошло потом, не заняло более 10 секунд, но для того, чтобы рассказать о случившемся, уходит гораздо больше времени — вот почему иногда начинаешь верить в возможность времени и пространства к сжатию.

Произошло совершенно обыденное в повседневной жизни событие — погасла фара. В первое мгновение в наступившей темноте, когда перед глазами плавали и перемешивались светящиеся круги отключившегося прожектора, моя реакция была спокойной — ничего

страшного. Но в следующую секунду до моего слуха донесся страшный звериный рык смертельно раненного зверя... Обычно пишут «постепенно охватывал», не знаю, может быть, но в меня мгновенно проник холодящий ужас — только сейчас я понял, что совершенно беспомощен перед раненым зверем. Кажется, тысячу лет я стоял, застыв в столбняке с парализованными чувствами и мыслями, неспособный к действию. Только через некоторое время, услышав угрожающее движение в своем направлении, я осознал наконец, что, действительно, необходимо спасать себя. Судорожно и бесполезно я включал и выключал ползунок фары.

В голове пронеслись мысли... Бегать?... Бесполезно, если кабан легко ранен, это верная смерть — тяжелая одежда даже не позволит сопротивляться. Нож?... Да! Но у меня еще есть патроны, возможно, бесполезные для применения в полной темноте, но все-таки они давали шанс. Мой небольшой патронташ был рассчитан на 10 патронов — оставалось восемь. Я выстрелил в направлении приближающейся смерти из второго ствола. Выхватил трясущимися руками из подсумка новые патроны и стрелял, выхватывал и стрелял, стрелял... Только потом, анализируя произошедшее той ночью, я понял, что именно такое состояние и является паникой. Ужасное, неконтролируемое, а значит, и нерегулируемое, которое приводит людей к гибели, но... В этот раз паника меня спасла.

Когда отзвучал гром последнего выстрела, ни один подозрительный шорох уже не тревожил природу. Я сидел в скрадке с судорожно сжатым в правой руке ножом и слышал, но не понимал слов пришедшего на выстрелы отца: «Сынок, что же это ты канонаду устроил?..»

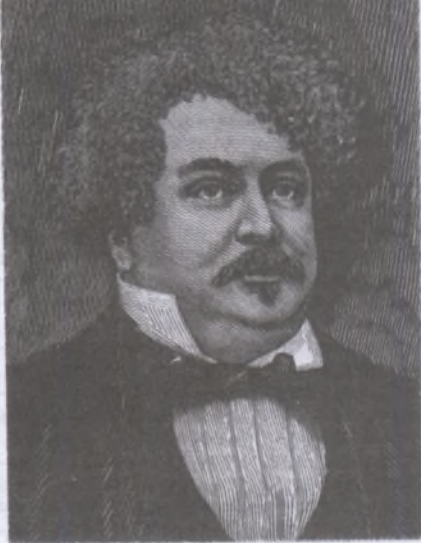
Да... Если у меня в ту ночь адреналин и поступил в кровь, то, наверное, он мгновенно испарился за эти несколько вечных секунд. Убитый кабан лежал от меня в трех метрах. Так мы закрыли лицензию на кабана.

Говоря языком судебно-медицинской экспертизы, вскрытие показало, что если бы не девятимиллиметровая картечина, застрявшая в позвоночнике, то вряд ли бы этот рассказ был написан. Бывали случаи, когда смертельно раненный в сердце кабан пробегал до 100 метров, а до меня он мог бы добраться в два прыжка.

Мясо кабана было изрядно попорчено нашпигованной моими выстрелами картечью. Основным же виновником моих страхов оказалась сгоревшая нить лампочки, выдержавшая до этого, в общей сложности, не менее 15 сотрясений от выстрелов.

Так закончились наши трое суток охоты. Если кто-то скажет вам, что в Туркменистане не интересно, что там нет охоты, это неправда. Рассказанное выше — не вымысел, а реальность, подарившая мне счастье. Счастье любоваться совершенством природы, счастье любить жизнь крепче.

Рисунки Б. Игнатъева

привело бы тебя в совершеннейший восторг, хоть ты и поклонник современности...

Наконец, мне вложили в руки хлыст, которым князь Тюмен одним махом убивает волка, ударив его по носу...» Биографы Дюма ехидно улыбались, не зная, вероятно, что в степных скотоводческих районах России, а также Казахстана и Средней Азии эта удаляя охота с нагайкой сохранилась чуть ли не до 50-х годов нынешнего века.

Кавказом Дюма был очарован — природой, людьми, нравами, гастрономией... и охотой, конечно же, тоже.

Кавказ тогда еще не был «замирен» (все вернулось на круги своя!), и Александр Дюма экипировался до зубов: «... я поднял полог передней скамейки и показал три двуствольных ружья, два карабина, один из них штуцерный ре-

Итак, волков было неправдоподобно много. Начали следствие, и выяснилось, что в Москве есть фабрика фальшивых волчьих хвостов, до того хитро изготовленных, что лица, решавшие, давать премию или нет, запросто вводились в заблуждение. Посему премия понижалась до трех рублей и выдается только по предьявлению всей головы целиком». Комментатор путевых заметок Дюма выразился по поводу волчьих хвостов недвусмысленно: «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай».

Еще один любопытный кулинарно-охотничий штрих из тех же записок. Касаясь рациона русских солдат на Кавказе, Дюма писал: «В противоположность голубю, считающему священной птицей, грач рассматривается русским народом как поганая тварь. Однако любой охотник знает, что ши из

Александр Дюма в РОССИИ

А. ЧЕГОДАЕВ

На склоне лет, в 1848 году, Александр Дюма занялся «Мемуарами». Но ему требовались яркие впечатления, приключения и экзотическая охота. И в 1858—1859 годах он совершает свое знаменитое путешествие по Российской Империи.

Впрочем, Дюма уже «побывал» в России, не видя ее, вместе со своим героем из романа «Записки учителя фехтования». Соотечественник Дюма в обществе русских дворян отважно сражается на охоте с медведем и даже смакует печеную медвежью лапу (национальное кушанье русских, по разумению писателя).

Роман был запрещен в России, поскольку содержание его напрямую было связано с декабристским восстанием. Лишь после смерти Николая I российская администрация намекнула, что посещение России знаменитым французом было бы как раз уместно.

Двигаясь от Санкт-Петербурга на юго-восток, Дюма остановился в Казани. Здесь ему организовали охоту на зайцев. Косые попадались в изобилии, и Дюма явился на палубу парохода «Нахимов» увешанным трофеями, обронив на прощание: «В Казани даже зайцы исключительно любезны!» Далее — Астрахань.

Особенно ему понравилась охота в дельте Волги. Вот что он писал сыну: «Прибыв в Астрахань, я немного поохотился на берегах Каспия, где в таком же изобилии водятся дикие гуси, утки, пеликаны и тюлени, как на Сене — лягушки и бычки-подкаменщики... Мы снова переплыли Волгу и приняли участие в соколиной охоте на лебедях. Все это — охота, костюмы князя, княгини и ее придворных дам (речь идет о калмыцком хане Тюмене. — А. Ч.) — производило какое-то средневековое впечатление и

вольвер... В ожидании нашей телеги и чтобы показать конвойному начальнику превосходство нашего оружия перед азиатским, я пустил из своего карабина (фабрики Девима*, одной из лучших) пулю в двух чаек, ловивших рыбу в шести стах шагах от нас. Пуля ударила между ними, в том самом месте, которое я указал заранее. В эту самую минуту Муане (спутник А. Дюма. — А. Ч.) подстрелил на лету ржанку, что удивило нашего казака не менее расстояния и верности моего выстрела. Кавказские народы, как и арабы, стреляют хорошо только в неподвижную цель».

Его охота на куропаток мгновенно превратилась в перестрелку и поединок чеченца с казаком (Дюма эскортировали гребенские казаки). То ли это пылкое воображение писателя, то ли мгновенная «импровизация», предусмотренная русскими военными властями: организовать «приключений» столько, сколько Дюма пожелает!

И тем не менее, неспешно двигаясь к Дербенту и Баку, Дюма и его спутники в поте лица своего добывали себе обед. «Обычно через полчаса у нас уже было четыре или пять штук куропаток и пять-шесть ржанок», — отмечал путешественник в своих записках «Кавказ». Иногда Дюма «переключался» на русскую охоту.

«Из-за великого множества волков, причинивших вред некоторым русским губерниям, обещано вознаграждение в пять рублей за каждого убитого волка; оно выдавалось по предоставлении хвоста.

При ревизии 1857 года оказалось, что израсходовано 125 тысяч рублей на эту премию. Это составляет полмиллиона франков.

* Девим Луи-Франсуа (1806—1873) — знаменитый французский оружейный мастер.

вороны могли бы быть получше, чем из коровы или быка». Как говорится, о вкусах не спорят...

Конечно, многое изменилось со времени посещения французским писателем Кавказа, но кое-что сохранилось в первозданности. Дюма писал: «... в праздничные или свободные дни кузнец или медник, как важный господин, доставляет себе удовольствие охотиться с соколом на жаворонков и других птиц». Правда, это упоминание касается Дербента (Дагестан), где навряд ли увидишь соколиную охоту, но в Абхазии она сохраняется и по сей день.

Знакомился Дюма и с деятельностью охотничьих команд на Кавказе. Великолепные стрелки, хватистые и ловкие, природные следопыты, они снабжали армию дичью и по своим боевым качествам стоили десятка линейных солдат.

Не менее роскошной оказалась писателю европейской охота на водоплавающую дичь в устье Риони с лодок, а затем Дюма и его спутники высадились на берег и организовали облаву. Беллетрист отметил, кстати, откуда пошло название «фазан». Именно отсюда — с Колхиды, где мингрелы называют реку Риони, а греки — Фазис или Фаз.

Конечно, Александр Дюма не мог не описать наиболее привлекающих внимание зверей Кавказа — туранского тигра и закавказского барса. Любопытные (и довольно правдивые) сведения о них легли в большую часть главы его книги «Кавказ». Что же касается змей и всякой «нечисти», писатель, к сожалению, повторил небылицы местных жителей.

К концу путешествия у Дюма осталось лишь четыре ружья: что-то выменялось, что-то дарилось. Он вновь упоминает две «простые двустволки: одна мастера Зауе (?) из Марселя, дру-

гая — Перрен-Лепаж. Остальные два были превосходные ружья Девима. То, которое я использую уже более тридцати лет, одно из первых, сделанных Девимом по системе Лешоше, а другое — карабин, ни в чем не уступающий тому, который, согласно «Охотничьей газете», был сделан для Жерара, истребителя львов. Меткость карабина удивительна».

Право, стоит целиком прочесть «Кавказ» Александра Дюма. Это необыкновенно злободневная книга. Дюма писал не только о русских на Кавказе, к которым он относился чрезвычайно тепло и уважительно, но и о народах Кавказа, которые должны бы объединять людей, а не разъединять. Отрывки, связанные с охотой из книги «Кавказ», изданной в 1988 году издательством «Мерани» в Тбилиси, мы предлагаем читателю.

Помимо рисовальщика Муане, француз, Дюма сопровождал русский студент, которого он звал Калино. Студент переводил русскую речь на французский.

«...Мы пустились в путь с четырьмя казаками. На всем протяжении дороги мы имели возможность охотиться, не выходя из тарантаса, — множество ржанок сидело по обе стороны дороги. Только очень трудно было стрелять в них из-за тряски тарантаса на каменной дороге.

Когда мы случайно убивали какую-нибудь птицу, один из наших казаков отправлялся искать ее, не слезая с лошади или даже пускаясь в галоп, — видно, что это все были опытные всадники. Потом птицу приносили в кладовую: так мы назвали два багажника нашего тарантаса.

...Едва мы выехали в лесную чащобу, как откуда ни возьмись вспорхнули ку-

ропатки; они поднялись примерно в двадцати пяти метрах от нас. Инстинкт охотника взвыл во мне: я извлек пулевые заряды из моего ружья системы Лешоше и вставил два дробовых.

Остановив экипаж, я соскочил на землю. Муане и Калино поднялись в тарантасе и приготовились прикрывать мое отступление, если бы в их помощи возникла необходимость (на предмет нападения горцев. — А. Ч.). Оба они держали ружья, заряженные пулями.

Два казака с винтовками наперевес шли один справа, другой слева от меня. Едва я сделал десять шагов, как поднялась прямо из-под ног куропатка, она оторвалась от стайки и летела так, что мне было удобно в нее стрелять. После второго выстрела она упала и была присоединена к ржанкам, хранившимся в тарантасе. Затем я медленно поднялся в экипаж, и мы поехали быстрой рысью.

...Кроме этого, было еще одно обстоятельство: Махмуд-бек, которому я говорил о моей страсти к соколиной охоте, тайком предупредил губернатора, чтобы он снарядил на следующий день двух лучших сокольников с лучшими соколами.

В двадцати верстах от Шемахи было место, богатое фазанами и зайцами; там мы могли поохотиться часа два.

Как было установлено накануне, ровно в полдень мы отклонялись нашему почтенному коменданту и его семейству. Он снабдил нас конвоем из двадцати человек под командой храбрейшего из его есаулов — Нурмат-Мата. Нурмат-Мат должен был сопровождать нас до Нухи. Лезгины уже начали тревожить мирных обитателей. Рассказывали о похищении скота, об уходе в горы жителей равнин. Нурмат-Мат отвечал за нас головой.

Наше отправление из Шемахи, предшествуемое двумя охотниками с соколами в руках, некоторым образом напоминало обычаи средних веков. кото-

рые доставили бы большое удовольствие еще сохранившимся во Франции приверженцам исторической школы 1830 года.

От Шемахи до Оксуса — новой Шемахи — дорога немного походит на шоссе, и потому нельзя сказать, чтобы она была слишком дурна: по обеим сторонам дороги изредка появляется «держи-дерево», то есть те знаменитые колючие кусты, которым противостоят лишь одни лезгинские сукна.

По дороге из Баку мы не встречали ни одного дерева. На шемахинской же дороге снова показались деревья — даже с листьями. Воздух был теплый, небо чистое, и горизонт прекрасного голубого цвета. За полтора часа мы проехали двадцать верст, которые отделили нас от условленного места охоты.

Мы узнали его издали. Два татарина ожидали с двумя охотничьими лошадьми и тремя собаками.

Мы слезли с коней, но так как вдоль всей дороги шмыгали по разным направлениям зайцы, то я через кустарники в сопровождении моего татарина пустился пешком их преследовать. Муане присоединился ко мне. Не успели сделать и ста шагов, как мы вдвоем убили по зайцу. Кроме того, я поднял стаю фазанов и следил за ее полетом.

Потом я сел на коня и подозвал к себе людей с соколами и собаками. Я указал им место, где сели фазаны. Мы пустили собак и сами двинулись вперед. Скоро мы очутились посреди левтавших вокруг нас фазанов. Были спущены два сокола.

Не прошел я и двести шагов, как фазан, за которым я наблюдал, очутился в когтях моего сокола. Я успел вырвать у него фазана еще живого. Этот великолепный самец был только слегка ранен в голову. Сокольник вытащил из кожаного мешка кусочек сырого мяса и дал его своему соколу в награду. Хотя бедная птица была ограблена, но тем не менее казалась совершенно доволь-

Терские казаки-охотники Кабардинского полка. Рисунки Т. Горшельта

ной и готова была снова начать охоту на тех же условиях.

Муане также был счастлив и возвращался с самцом еще живым, но пострадавшим больше моего. Ему сразу же свернули шею и бросили в ящик экипажа с двумя убитыми зайцами. Потом, взобравшись на самое высокое место, господствующее над всей равниной, мы остановились там, как две конные статуи, а сокольники послали на поиски. Они поскакали через кустарник с соколами и сворой собак.

Вот взлетел фазан. Сокольник бросил на него свою птицу, но фазан ускользнул. Поднялся другой фазан; второй сокол устремился на него. Фазан летел прямо на нас, как вдруг сокол, которому оставалось сделать крыльями несколько взмахов, чтобы настигнуть добычу, быстро спустился в кустарник, словно ружейный выстрел переломил ему оба крыла.

Я поднял глаза, чтобы отыскать причину этого внезапного падения. Большой орел парил в ста метрах над моей головой. Сокол заметил его и, без сомнения, считая себя несостоятельным перед столь могущественным соперником, поспешил скрыться в кустах. Орел спокойно продолжал свой путь.

Я побежал туда, где упал сокол, и с трудом отыскал его; он спрятался в траве и весь дрожал. Я с трудом вытащил его, но лапы его так сжались, что он не мог держаться на ногах и с ужасом озирался во все стороны. Орел был уже далеко. Сокольник взял его с моей руки и успокоил, но только через полчаса он решился снова преследовать внезапно оставленного им фазана.

Несмотря на это неожиданное приключение, которое в нравственном отношении было даже приятно, в течение двух часов мы поймали трех фазанов.

Нам еще оставалось проехать тридцать верст до Турманчая, где мы намеревались заночевать. Правда, нам еще предстоял подъем на большую гору и спуск с нее. Это следовало успеть сделать днем, поэтому мы прервали охоту, дали несколько рублей сокольничим и простились с ними, унося с собой дневную добычу, обеспечившую нас пищей на остальную часть дороги.

Нам дали новый конвой, но Нурмат-Мат остался с нами. Приняв команду над двадцатью казаками, он двух из них послал вперед, двух оставил позади, а с остальными скакал возле нашего тарантаса. Такого рода предосторожности принимаются всегда, так как дорога не совсем безопасна.

Мы осмотрели наш арсенал, который уменьшился карабином, подаренным Багратиону, и револьвером, отданным князю Хасару Уцмиеву, заряды дробью заменены были пулями, и мы отправились в дорогу. У подъема тарантас замедлил ход. Мы воспользовались этим, чтобы снова переменить заряды, и пустились пешком в сопровождении двух казаков по обеим сторонам дороги. Один фазан и один турач тут же сделались нашей жертвой».

НА ОХОТАХ СОЛОВЬИНЫХ

Умолкла свирель поэзии самобытнейшего русского крестьянского поэта Николая Ивановича Тряпкина. С ним я имел честь быть знакомым на протяжении 30 лет. И лично его лицезреть и слышать музыку стихотворений: он ее пел под ритмический перепляс, плавный и тихий, на лице его светилась скромная улыбка.

Родился Николай Иванович 5 декабря 1918 года на древней тверской земле. Высоты поэтического мастерства постигал в Литературном институте имени Горького, где был любимым учеником профессора филологии В. А. Архипова. Ему поэт посвятил одно из лучших своих стихотворений. Поэт Тряпкин сам стал кумиром нескольких поколений студентов Литературного института.

Всесоюзную известность принесли ему поэтические книги «Распевы» (1958), «Перекрестки» (1961) и «Гуси-лебеди» (1971).

Николай ТРЯПКИН

В. А. Архипову

За синие своды, за вешние воды
Зовут меня детские сказки природы,
На белую гору, к метельному бору,
Отвесьте поклон старику Зимогору.

И северный дед, убеленный снегами,
Кудлатый, как бор, залопочет губами,
Читая берложки священные Веды,
Усевшись на пень для высокой беседы.

Сосновые своды, глухие проходы...
Я слушаю тайную флейту природы,
Иду через дремы, очнуться не смея,
К прогалинам детства,

в страну Берендея,
На красные горы, в певучие боры.
Где тучи громами ведут разговоры,
Где сосны и ели вздыхают о Лэле
И ждут зоревой ворожейной свирели.
И старый медведь, умудренный

годами,
Там ходит с клюкой,
оснащенной суками,

Храня заповедники Звука и Слова
От страшного зверя и глаза лихого.
Пронсятся тучи, пронсятся годы,
Меняются земли, меняются воды.
А я эти тропы, и вздохи, и ступи
Держу на примете, беру на поруки,
А я эти песни, рожки и свирели
Хотел бы оставить

в родной колыбели,
Где красные горы, где шумные боры,
Где я на дулейке искал переборы
И слушал земли заповедные Веды,
Садясь на пенек для высокой беседы...

23 февраля в день панихиды по Николаю Ивановичу Тряпкину я выразил свои мысли и чувства в посвященных ему поэтических строках.

Роились грустные слова.
Заря февральская аяла.
И вновь кружилась голова —
Душа по Тряпкину болела.
Не зря с крестьянами дружил.
Встречался у берез поникших.
Не потому ль он долго жил,
Чтоб потрудиться за погибших?!
Орешин, Карпов и Клычков,
Васильев, Клюев и Есенин...
Печаль густую из клочков
Пургою заносил в сени.
Он никогда не мельтешил,
У царских врат не светился.
И незаметно так почил...

Николай ШУМАКОВ,
Лауреат конкурса поэзии России
1998 года

Загостился я, земля, в твоих долинах,
Закружился на охотах соловьиных,
Засиделся у печорского сугора,
Загляделся в Соловецкие озера.

То ли в горе, то ли в ссоре,
то ли в славе
Изругались мы на каждой переправе.

То ли в Чуди, то ли там, на Верхотурье,
Протрубили мы все роги наши туры.

Загостились мы, земляца, заигрались,
То ли Богу, то ли стогу поклонялись.

То ли сыну, то ли батьке, то ли матке
Загадали мы заморские загадки.

А теперь бы нам к последям
в рукавичку —
Ту ль веселую проказницу-синичку.

Подержал бы я голубушку, погладил —
Да и песенку последнюю б изладил:
То ли в горе, то ли в хвори,

то ли в славе
Положил бы я головушку в канаве.

То ли в Каме, то ли в храме,
то ли в клетке,
То ли где-нибудь у мышки на повети.

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесется там, как в шахтах воды.
Промчится гул — и снова забутье.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча — окошечко мое.

Сборка самозарядного ружья «Хуглу»

самые высокоплачиваемые. Ружья с маркой «Хуглу» первые в Турции получили сертификат качества и уже признаны на рынках Европы и Северной Америки, в том числе и в такой взыскательной к оружию стране, как Германия. Девиз производства — «Высокое качество и низкие цены» — привлекает. Самая ответственная деталь ружья — стволы изготавливаются из сырой стали марки 1060. Заготовки отливаются в г. Искендурум или импортируются из Германии. Длина стволов варьируется от 65 до 76 см, патронники — 70 мм, чоки — от цилиндров до полных. Есть модели со сменными чоками. Большинство двустволок, горизонтальных и вертикальных, выпускается калибрами 12, 16, 20, 28, 410. Исполнение как рядовое, так и штучное. Прицельные планки вентилируемые. Гравировка «по одежке», спусковые крючки — один или два. Ложа из настоящего турецкого ореха и в зависимости от класса ружей — от простого до превосходного: рядовым — фактура попроще, штучным — позатейливей, высокого разбора — только любоваться.

Теперь о ценах. Рядовая двустволка стоит от 350 до 500 амер. долл. Ружья высокого разбора — 2500—4000 амер. долл. Ружье автоматическое на 4+1 или 6+1 патронов с длиной стволов 55,65, 71 см — 380 амер. долл. На партию от 100 ружей предоставляется скидка 10 %. Ко всем моделям имеются запасные части. На все оружие и его механические части распространяется гарантия на 10 лет.

Фирма «Османи Лимитед» открыта для сотрудничества с российскими торговцами охотничьего оружия, она намерена участвовать в ежегодной Московской международной выставке «Охота и рыбалка на Руси».

Фото автора

У турецких оружейников

В. ТОПОРКОВ

Знакомство российских любителей охотничьего оружия с турецкой продукцией, пожалуй, впервые состоялось в июле 1997 г. на Московской международной оружейной выставке в Сокольниках. Торговая фирма «Османи Лимитед» демонстрировала недорогие дробовики-автоматы 12-го калибра, которые так популярны у наших охотников по гусю и утке на пролете, двустволки, вертикальные и горизонтальные, от рядовых до штучных. Высокое качество отделки было отмечено посетителями выставки: превосходная гравировка, ложа из настоящего турецкого ореха. Тогда на стенде состоялось наше знакомство с главой фирмы господином Энгином Алтыконом, который на прощанье пригласил меня посетить их завод «Хуглу», расположенный в курортной области Турции — Анталии.

А через два месяца я оказался в тех местах на морском отдыхе и не упустил случая поближе познакомиться с ружейным производством в Турции. Я созвонился с фирмой, и на следующий день утром радужный Энгин повез меня на фабрику через горы, в глубь страны, за сотню километров. Тридцатитрехлетний энергичный глава фирмы по дороге много рассказывал о фабрике, представляющей наиболее крупное ружейное производство в Турции. Мы, впервые оказавшись на турецкой земле, охотно болтали с хозяином и его переводчицей Натали. Они рассказали нам, что уже несколько лет Турция хорошо зарабатывает на русских отдыхающих и вольных коробейниках-челноках. В большом спросе русский язык. Вот и Натали приехала два года назад из России позагорать, да так и осталась. Первое время работала в ювелирном магазине, быстро освоила турец-

кий, стала в «большом спросе» со своим настоящим русским языком. Но недавно получила интересное предложение от оружейной фирмы и теперь жадно овладевает новыми для нее терминами: чоки, патронники, цевье, антабка.

Фабрика расположена в горах, в 900 метрах над уровнем моря, в местечке Конья, где издавна кустари занимались оружейным производством, а затем, в начале 60-х гг., объединились в кооператив. Сейчас на фабрике трудятся около 600 человек. Зарплата — от 300 до 1500 амер. долл. в месяц, в зависимости от квалификации. Граверы —

Готовая продукция радует глаз

СОРЕВНОВАНИЯ ГОНЧИХ

ПУТЬ В НИКУДА

Открытое письмо
прокурору природоохранной
прокуратуры Ян А. О.

Уважаемый гражданин прокурор и читатели журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Мы, охотники первичного коллектива г. Новой Уренгой, надеемся, что наше письмо будет рассмотрено и найдёт поддержку и понимание. Коллектив у нас небольшой, есть и молодые охотники, и с многолетним опытом. Мы делимся друг с другом знаниями, навыками, уделяем большое внимание этике охоты. Ведь только человеческая совесть может помочь сохранить в природе все ее многообразие. И мы, конечно, негодум по фактам браконьерства. Да, жизнь сейчас у всех сложная. Может, у нас, охотников, чуть лучше: зимой — где зайчика, где куропатку добудешь, весной — утки, гусь. Но бывает, что с тундры выйдешь на второй день, да не запишешь в лицензию. Винават, конечно, но ведь это тундра, где и чем писать, если два дня на ходу. И, конечно, охотинспекция протокол и штраф, как положено, не вменяют никаким объяснениям. Но если попадаетесь какой начальник или его зам и если у него (как это и было на самом деле) 10 голов северного оленя, он отделяется всего-навсего штрафом и снова идет охотиться. А если он какой-нибудь зам гендиректора, так что ж, ему и не заплачивать? Неужели наш уголовный кодекс не предусматривает более серьезного наказания за такое воровство? Обращались мы в охотинспекцию, но там разводят руками, мол, заплатил же он штраф. Кто поможет нам решить эти небольшие вопросы и как искоренить такие варварские методы охоты?

ПАНФИЛОВ
г. Новая Уренгой

Четыре дня в окрестностях Моршанска раздавался веселый лай собак, слышались серебряные звуки охотничьих рогов. Здесь шли состязания лучших гончих, привезенных на тамбовскую землю из девяти областей, краев и республик России, в том числе из Толыатай, Орла, Саратова, Иванова, Ярославля, Ставрополя, Йошкар-Олы, Тамбова, Воронежца и Москвы. Кроме того, послушать гончих прибыли гости и из других мест.

Судейство на этом престижном мероприятии осуществляли три комиссии. Одну возглавлял эксперт Всесоюзной Категории С. М. Пашков, другую — Д. Н. Федорин — эксперт Всероссийской категории, третью — И. С. Слесаренко. Организационно состязания были подготовлены хорошо. Участники, судьи, гости были размещены в крестьянских домах, обеспечены постельными принадлежностями, имели возможность после дождливых дней обсушиться. Не было никаких нареканий на транспорт, курсирующий к месту состязаний и обратно. Большая заслуга в этом принадлежит председателю Моршанского общества охотников и рыболовов М. М. Токареву.

Вечером четвертого дня экспертные комиссии подвели итоги. В командном зачете первое место заняла объединенная команда, возглавляемая ярославцами. В личном зачете была Плакса — 9307 А. Р. Брунера. Она удостоена диплома первой степени и звания чемпионы межобластных состязаний по зайцубельке. Второе место досталось Потешке С. Юрисона, третье — Гейде Игнаткина. Владельцам этих гончих вручены дипломы и ценные призы.

Все собаки-призеры безусловно, большие мастера. В труднейших условиях они смогли поднять зверя и гонять его более часа. При других обстоятельствах и Потешка, и Гейда могли бы удостоиться звания чемпиона.

Плакса Брунера набрасывалась с лесной дороги, идущей по гребню мелкокося и слепого соснового бора. Спущенная с повода, она на быстром галопе пошла в поиск, сунулась в подrostковый лес с поседевшей травой. Обыскав его, спустилась к болотцу и наткнулась на жировочный след беляка. Взвизгнув, Плакса принялась разбираться в хитросплетениях тропы. Из травы крайка приболотки взметнулся матерый беляк. Выжловка страстно взревела, а потом запела. Чаруя и завораживая, Плакса лила свой звонкий, то мажорный, то дисконтный голос, примешивая к нему истому. Такой азартный, волнующий гон был почти на протяжении всего часа. Сколов едва набралось десять минут.

С подъема беляк бросился наутек. Плаксы прилипла к нему, села на хвост и повела. Заяц предпринимал самые невероятные попытки оторваться от преследования, ходил зарастытыми местами, возвращался в редкий молодой березняк с густой травой. Он три раза лазил в этот участок, делал замысловатые петли, двойки, скидки и ничего ему не помогало. Выжловка дельно обрезала и все больше

доставала его. Разрыв между беляком и собакой в середине часа достиг 30 секунд. За период гона зверь был переведен четыре раза. Самое большее она шла по следу с голосом в полтора минут.

Экспертная комиссия без колебаний присудила Плаксе диплом первой степени при 84 балах. За голосей поставили 7-3-4.

Хорошей была и работа Гейды Игнаткина из Моршанска. Ей достался заяц-«профессор». Ему, похоже, не раз приходилось иметь дело с гончими, и он отлично знал, где и как отделаться от них. С подъема куда он только ни ходил! Ухитрился даже побывать на окраине деревни. Обладая богатым чутьем и мастерством, Гейда настойчиво гнала зверя. Иногда, разбегаясь со следами и в трудных местах, она отставала, но вновь и вновь доставала беляка и вела его. После часа работы Гейду сняли. Экспертная комиссия присудила выжловке диплом третьей степени.

В заключение хочу сказать еще раз, что в целом состязания прошли на высоком уровне. Они стали большим событием в жизни охотничьих коллективов и окажут большое влияние на состояние кинологической деятельности на местах, улучшение качественного состава гончих собак.

Д. ФЕДОРИН
эксперт Всероссийской категории,
г. Иваново

Уважаемая редакция! Прошу поместить это письмо в журнале. Считаю, что выступление руководителей первичных организаций как-то поможет найти реальный путь их выживания.

В 60-е годы на карте Омской области появился новый промышленный объект — ОНПЗ. На протяжении всех прошедших лет руководители завода уделяли огромное внимание строительству объектов соцкультбыта. В результате этой заботы был построен крупнейший в Омске спорткомплекс, включающий: стадион, легкоатлетический манеж, плавательный бассейн, тир, шахматный клуб, охотничьи базы.

В этот же период росло и развивалось общество охотников и рыболовов «Нефтяник», которое стало одним из крупнейших в области, объединяя более 900 членов. За обществом закреплены охотничьи угодья в Саргатском и Большереженском районах площадью 29,5 тыс. га, построены две охотничьи базы на 80 койко-мест со всеми необходимыми условиями для охоты, рыболовства и активного отдыха. Базы радиофицированы, имеется телефонная связь и тех-

нические средства для егерской службы. Это любимое место отдыха не только членов общества, но и работников завода, их семей. К услугам посетителей бани-сауны, детский бассейн, электроплиты и др.

Бюро общества, председатель Б. В. Никифонов, главный инженер, технический директор ОПНЗ проводят большую организационную работу среди членов общества — коллективные выезды на охоту, соревнования по пулевой и стендовой стрельбе. Силами общественности изготовлены машинка для стендовой стрельбы и установка «Бегающий кабан», организованы выезды в угодья для охраны и надзора в помощь егерям. В 1998 году на охотбазах был проведен капитальный ремонт зданий с заменой электрооборудования и кабелей. Администрация завода нашла возможность оплатить эти расходы для поддержания охотничьего хозяйства.

С наступлением дикой рыночной экономики круто изменились и экономические возможности на предприятии по содержанию объектов соцкультбыта, в том числе и охотбаз. Сегодня перед обществом «Нефтяник» встал вопрос, как обеспечить содержание охотбаз и работу общества в целом. По скромным денежным подсчетам (а это зарплата егерям, электроснабжение, ГСМ, отопление, биотехника и т. п.), необходим минимальный бюджет в 20—25 тыс. рублей в год. Откуда взять эти средства? Как вести хозяйство во время развала экономики? Это путь совместных действий руководства Областного общества ОИР с крупными первичными обществами (коллективами) по ведению финансовых взаимоотношений.

Необходимо повернуться лицом к первичным коллективам и поделиться с ними доходами, поступающими от членских взносов, поровну. Доход от продажи путевок на охоту в приписных угодьях и уплату за трудоустройство следует оставлять в первичном обществе.

Недостающую часть средств первичные общества, имеющие охотничьи базы, смогут получить от услуг, предоставляемых посетителям за ночлег, инвентарь и др., а также привлекая спонсоров.

Неправомерные действия руководства ООИР, когда первичные общества лишены финансовой поддержки и самостоятельности, оставляют единственный путь — идти на откуп к «новым русским». А это путь в никуда!

Материал подготовлен на основании решения бюро первичного ООИР.

О. М. ЮДИН,
зам. председателя ООИР
г. Омск

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция! Охотой я начал увлекаться рано, в годы войны, когда нас, пацанов, использовали в качестве загонщиков-трещетников. Стрелять начал с шомполки. Нет слов, дичи было много.

Сегодня у нас исчез заяц-русак, не стало куропаток, мало тетерева, глухаря, рябчика, да и беляка совсем уже немного. Впору заносить в Красную книгу и кабана, и лося.

Одной из главных причин такой ситуации я считаю хищническое уничтожение животных с помощью карабинов и все прочей техники. Причем отстрел идет не только в отведенных для этого, но и в запрещенных зонах. Сам находил одиноких лосят-сосунков. Выкармливание таких малышей — дело безнадежное, все они гибнут. В то же время лесники утверждают, что находят в лесу мертвых (стреляных) животных.

А. ВЕРЕЩАГИН
Пермская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция и все, кто занимается охотничьим хозяйством! Хочу рассказать о нашем Ракитянском районе Белгородской области, где я родился и вырос. У нас пять лет бог знает что творили: земли забрали и не отдают, егерская служба существует только на бумаге.

Возле меня живет егерь, уже четыре года ему не дают ни транспорта, ни бензина и платят 50 рублей. Сейчас наступило такое время, что нужно смотреть не только вперед, но и назад, чтобы не всадили пулю в спину. Я вот шесть лет помогаю егерю, поскольку нештатный охотинспектор по Белгородской области, так мне уж четыре раза это «обещали». Ну, пускай обещают, от судьбы все равно не уйдешь.

Зайцев стреляют из-под фар, можно сказать, круглый год. Лисиц начали бить с сентября среди бела дня. А помогать ловить браконьеров никто у нас не хочет. Ездит у нас, правда, таможня, но это чисто символически, чтобы лицензию дали на кабана.

Вас, наверно, интересует, сколько зверей осталось. Так я скажу, если охотуправление еще несколько лет так покомандует, то на 1000 гектаров по одному зайцу останется.

В. ТВЕРИТИНОВ
Белгородская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мы под прямым влиянием нашего журнала стараем-

ся спасать охоту в нашем Великолукском крае. Главный урон охотничьему хозяйству, конечно, наносят браконьеры, и не столько с ружьем и капканом, сколько с пилой и топором. Лесопорубки у нас достигли очень большого размаха. Опустошены уже все зрелые хвойные острова, теперь хищники-бездомные добрались уже до лиственных пород. На бывших делянках все так захламлено и искорежено, что пробраться через такие джунгли просто невозможно. В результате оскудели фауна и флора нашего края. Лось стал редким гостем, кабан появляется лишь изредка на прикормленных местах, козел все реже оставляет наброды в кустарниках. Заяц-беляк переместился в места обитания своего сородича русака, а последний спасается в камышовых зарослях болот и корчавиц, куда не попасть браконьерскому трактору-лесовозу.

За последние годы резко сократилась численность боровой и водоплавающей птицы. Только утка еще появляется весной на разливах реки Ловат. Можно целый день пробродить по осеннему лесу и не встретить ни одного рябчика. Правда, еще вспархивают иногда по опушкам вальдшнеповые высыпки и весной можно разрядить пяток патронов на их тяге, но и это удовольствие становится все реже.

О глухариных и тетеревиных токах уже и говорить не приходится. Дупелиные представления сохранились, но на них мало любителей. А вот голубей много. Диких вяхирей трудно отличить от одичавших домашних, ибо и те и другие сейчас сроднились своим образом жизни. Но на голубей у нас охотиться не принято.

Сложно сохранить уменьшающееся с каждым годом поголовье зверей и птиц, но мы стараемся в своих охотугодьях проводить спасательную работу: устанавливаем солонцы, веники, сажаем картофель, топинамбур, одним словом, делаем то, что советует нам наш журнал. Но все это, как говорится, «капля в море».

Н. ПРОКОФЬЕВ
Псковская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам жена охотника. Живем мы на Волге в степи. Вокруг села посажен лес. В лесу есть звери: лось, кабан, косули, зайцы, лисы.

Моему мужу, Кулыгину Сергею Александровичу, 38 лет. В общество охотников вступил 16 лет назад, но в душе, наверно, всегда был им. Я помню его первую охоту. Сергей не спал всю ночь, волновался. А когда принес свою добычу — рыжую красавицу, мы радовались всей семьей. Я знаю,

что на охоте он отдыхает душой. Охота приносит пользу не только ему, но и всей семье. Например, благодаря охоте муж бросил курить.

Хочу немного сказать о вашем журнале. Сейчас он очень красивый, интересный, красочно оформлен. Я учительница в школе и часто использую журнал на уроках биологии и географии. Ну а Сергей выписывает его уже давно, ждет с нетерпением и зачитывает чуть ли не до дыр.

Дорогая редакция! Очень прошу вас поздравить моего мужа с днем рождения. Для него это будет настоящим сюрпризом. День рождения Сергея — 1 мая.

Н. КУЛЫГИНА
Саратовская обл.

Уважаемая редакция! Охотой увлекаюсь с детства. Много лет выписываю ваш журнал. Возраст у меня солидный — 65 лет. Однако страсть к охоте не ослабевает. Она для меня и духовная, и физическая подпитка. Душевное состояние от встреч с природой такое, что не могу выразить иначе, как только в стихах.

Охота, охота — ты страсть и забота.
Ты с детства глубоко пленила меня.
Хоть годы уходят, желанья все бродят,
И в них еще много было огня.
Л. С. МОИСЕЕВ
Ивановская обл.

Здравствуйте, дорогая редакция журнала! Пишет вам начинающий охотник, рыбак и юный натуралист. Мне 16 лет, и я всей душой полюбил природу и охоту. Эти чувства привил мне отец, страстный охотник и большой любитель природы. Все свое свободное время мы стараемся проводить в лесу.

На фотографии изображен мой отец с трофеями. Может, для кого-то такая добыча не представляет ничего особенного, но для нас это — очень даже значимо. Редко когда удается за один день охоты взять лисицу и зайца-русака, прочесывая поля и лесопосадки.

С. КОЧКИН
г. Москва

Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»

СТРАНА ТАРБАГАНИЯ

Раннее монгольское утро в конце июня 1941 года. Колонна ЗИСов, состоявшая из десятка грузовиков, тронулась в путь из города Баян-Тумень в столицу МНР Улан-Батор. В открытых кузовах — женщины и дети. В связи с опасностью нападения Японии на СССР было принято решение об эвакуации семей военнослужащих в глубь Монголии. В одной из машин я, десятилетний мальчишка, с мамой и маленьким братом, еще несколько семей и сопровождавший мужчина, который сидел рядом со мной на скамейке. Расстояние до Улан-Батора — 750—800 километров, ехать будем только по светлору, ночью отдых. Я был в восторге — такое путешествие... И потянулись необъятные слегка голубовато-зеленые холмистые степи.

Мне повезло: сопровождавший нас дядя Витя оказался охотником и скоро начал показывать мне зверей и птиц, которые попадались вдоль дороги, и называть их. Часто встречались табунки антилоп-дзеренов, небольшие лисички-корсаки, видели даже нескольких волков. Было много птиц: на озерах утки, гуси, лебеди. В степи — табунки дроф, парочки небольших изящных журавлей-красавок, красных уток-огарей. Очень часто из травы вспархивали стайки куропаток. В голубом небе парили, широко раскинув крылья, степные орлы... И еще, в поле зрения постоянно находились большие стада овец, лошадей, коров и верблюдов. Паслись они как будто сами по себе — пастухи-монголы попадались очень редко. Иногда, где-то в стороне виднелись одна-две юрты, и опять степи с обильной живностью. Меня уже не удивляло, что людей практически не было. Где-то я потом вычитал, что в то время на огромной территории Монголии проживало около 900 тысяч человек, из них около 100 тысяч — в столице. Но больше всего меня поразило огромное количество довольно крупных толстых неуклюжих зверьков, одетых в желтовато-серые шубки, как назвал их дядя Витя, тарбаганов. Появились сначала сопочки, потом сопки с каменистыми вершинами и распадками, и сразу появились и эти симпатичные зверьки. Чем дальше мы ехали, тем больше попадалось тарбаганов: они стояли столбиками у своих нор и, когда машина подъезжала ближе, свистели и смешно потряхивали хвостиками, предупреждая соседей об опасности. Одни кормились травой, другие безмятежно грелись на солнышке, но, услышав свист, тут же застывали столбушками и оглядывали все вокруг — где опасность? Их было не просто много, а ужасно много... Большие колонии тарбаганов я обнаружил рядом с Улан-Батором, когда мы с ребятами ходили в лес за кедровыми шишками на священную для монголов гору Богдо-Ула. И потом, когда я начал много ездить и далеко и близко на охоту, опять встречал несметное количество этих зверьков. Про себя я окрестил Монголию страной Тарбаганией.

О том, что монголы охотятся на этих крупных сурков и даже едят их мясо, я узнал случайно. А дело было так. Мы возвращались с охоты и решили подъехать к двум одиноким юртам, стоявшим в небольшой пади. Нам захотелось попить кумыса, который в жару очень хорошо утоляет жажду. Надо сказать, что монголы-кочевники необыкновенно гостеприимны и доброжелательны. Гости их радуют: есть возможность пообщаться и поговорить за жизнь. Тут же появился традиционный монгольский чай, солоноватый, заправленный молоком или маслом. И к нему что-то еще, что Бог, вернее Будда, послал. В тагане варилось мясо, и нам предложили после чая его попробовать. Попробовали. Мне показалось, что по вкусу напоминает жирную курятину — очень даже недурно! Не угадал. Хозяин сказал, что это мясо тарбагана. Мы стали расспрашивать, как он на них охотится. Совместными усилиями на ломаном монгольском и русском языках осилили его рассказ: «Стреляю я из винтовки у нор и обяза-

тельно нужно наповал; даже смертельно раненный зверек уходит в нору и выкопать его из земли с крупными камнями невозможно. Но тарбаган очень любопытный, и я бы показал вам охоту на него, но у меня мало патронов для винтовки».

Из своих запасов мы тут же выдали хозяину десяток патронов и поехали в ближайшую падь посмотреть на необычную охоту. С собой наш монгол, помимо винтовки с прикрепленными сошками для удобства стрельбы с упора, захватил белый колпак и белый хвост яка, размером с хорошее опахало. На месте он снял халат (дели по-монгольски), выпустил наружу белую рубаху, надел колпак на голову и отправился к ближайшему тарбагану в открытую, приседая, периодически изгибаясь и махая хвостом яка. Такие необычные действия так заинтересовали зверька, что он подпустил охотника очень близко. Винтовка была поставлена на сошки, грохнул выстрел — и мертво битый сурок оказался в руках монгола. Вся охота продолжалась минут 15. Мы осмотрели зверька: толстый, тяжелый, он напоминал бурдюк с кумысом, из которого мы только что пили. Монгол предложил нам его в подарок, но мы вежливо отказались. Так я стал свидетелем необычной и оригинальной охоты. Много ли добывали тарбаганов в Монголии, сказать не могу, но, когда после окончания 10 класса я уезжал из страны, эти симпатичные зверьки виднелись повсюду — без них представить себе монгольский степной пейзаж было просто невозможно. И я сказал: «Прощай, необыкновенная и прекрасная страна Тарбагания! И спасибо тебе за все, что ты мне показала».

Ю. ШЕВЯКОВ

ИЗ БЕРАНЖЕ

В поле охотник ретивый.
Чу, протрубили рога —
Тра-та-та-та тра-та-та.
Следом амур шаловливый
Шмыг на охоту в твой дом —
Тром, тром.

Осень стреляешь и лето,
Знаешь вокруг все места —
Тра-та-та-та тра-та-та.
А за женой без билета
Та же охота кругом —
Тром-тром.

Выследив лань в чаще леса,
Ты приумолк у куста —
Тра-та-та-та тра-та-та.
Но не робеет повеса
Перед домашним зверьком —
Тром-тром.

К зверю кидается свора.
Рев потрясает леса —
Тра-та-та-та тра-та-та.
Целит повеса и скоро
С милою будет вдвоем —
Тром-тром.

По лесу пуля несется,
Мертвая лань поднята.
Выстрел и там раздается.
Все утихает потом —
Тром-тром.

Рад ты добыче богатой,
Весело трубят рога —
Тра-та-та-та тра-та-та.
Тащишься с поля рогатый.
Милый, налево, кругом —
Тром-тром.

А. П. ЧЕХОВ ТОЖЕ ПИСАЛ СТИХИ

О своем первом посещении Чехова в Ялте Бунин рассказывал: «Встретил он меня очень радостно и весело. «А я тоже писал стихи», — услышал я от него с первых же слов. — «Я не подозревал этого». — «Нет, писал.

Шли однажды через мостики
Жирные китайцы.
Впереди их, задрав хвостики,
Поспешали зайцы...
Вдруг китайцы закричали:
«Стой! Лови! Ах! Ах!»
Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах...»

Читая это стихотворение, Чехов весело хохочет».

И. А. БУНИН.
Публицистика

1918—1953 годов. М.: «Наследие», 1998

ЗАПОМНИВШИЙСЯ ВЫСТРЕЛ

В небе и на земле стоял иссушающий зной. В августе в казахстанских степях такое случается часто.

Было это в Западно-Казахстанской области, километрах в двухстах пятидесяти южнее города Уральска. Я возвращался с арбузной плантации. Впереди еще был семикилометровый путь, а рядом с дорогой, за камышовой стеной, протекала небольшая речушка. Когда-то здесь с братом мы удачно ударили рыбу. Решил искупаться, свернул с дороги и, чтобы не наколоть босые ноги, стал осторожно пробираться сквозь заросли камыша. Блеснула река, и на другом ее берегу, на узкой песчаной отмели, увидел трех гусей, дремавших в лучах полуденного солнца. Упав на четвереньки, стал осторожно подползать к ним. Из-за камышей, метров с 30—40, несколько минут наслаждался этим, далеко не частым зрелищем. Было уже не до купанья. Стараясь не подшуметь, выполз на дорогу...

Вечером, когда отец вернулся с работы, я рассказал ему об этой встрече. Он работал главным агрономом совхоза, и маршруты его почти ежедневных поездок по необъятной территории хозяйства зависели от его выбора.

На следующий день, прихватив ружье, мы поехали на самую отдаленную ферму, на полпути к которой находилась бахчевая плантация.

... По вчерашним следам осторожно подкрался к реке. Три гуся сидели на старом месте, как будто прошли не сутки, а пять минут. Вернувшись к двуколке, я молча поднял вверх три пальца. Отец исчез в камышах. Через некоторое время раздался дуплет. Один гусь поднялся и направился в сторону озера, расположенного в полукилометре от нас. Я провёл его взглядом и засек место посадки. Улыбающийся отец вылез из камышей с двумя гусями в руках. Выслушав мою взволнованную речь, он дал мне ружье, а сам поехал на плантацию.

Я быстро добежал до озерца и осторожно подполз к воде. Гуся не было, но метра в 20 от меня, у берега, стайка чирят кормилась травой и ряской. Отполз назад, перезарядил ружье мелкой дробью и вновь вернулся к чирьятам. Долго выцеливал, стараясь захватить зарядом побольше уток. И в этот момент из высокого камыша, вкруговую окаймлявшего озерцо, выплыл гусь. Стало не до чирков. Снова ретировался, перезарядил ружье крупной дробью и уже с другого места, чтобы быть поближе к цели, подполз к кромке воды. Высоко держа голову на вытянутой шее, гусь был настороже. Он выплыл на середину озерца. Позиция была великолепной, как и выстрел.

На плантации отец и ее директор Бондаренко удивленно смотрели на мою добычу, как бы не веря, что такое могло произойти. Мне было 14 лет. Это был мой первый гусь.

Г. ПАПКОВ

ЛЮБОПЫТСТВО МЕДВЕДЯ

Забавная встреча с медведем произошла у моего друга Нила, когда, бродя по тайге, он очутился в мелкорослом редком сосняке. По земле сплошь стлался светло-серый мох, ни травы, ни кустарников не было, и видимость была дальняя. И вот в порядочном отдалении Нил заметил движение чего-то темного, большого. Остановился, пригляделся и стал свидетелем интересной сцены. Около высокого расщепленного пня сраженного молнией дерева сидел крупный бурый медведь. Вот он поднялся на задние лапы, подошел к пню и передней лапой ухватил за верх высокую толстую щепу, оттянул ее на себя и отпустил. Она, пружиня, вернулась и сильно ударила по остатку ствола — раздался гулкий треск. Медведь при ударе громко рывкнул, отскочил, присел на задние лапы и, поворачивая голову с боку на бок, внимательно наблюдал, как качалась и вибрировала щепка.

Ветер дул в сторону притаившегося Нила, но медведь, несмотря на свое острейшее чутье, его не замечал, чувствовал себя спокойно и был поглощен заинтересовавшим его действием. Когда щепка успокоилась, зверь снова оттянул ее, рывкнув и отскочив при ударе, и принял позу любопытного наблюдателя.

С не меньшим интересом и Нил следил за этой сценой. Но тут ветер, дувший от медведя, стих, даже слабо повернул в обратную сторону. Зверь мгновенно почуял человека, глянул в его сторону и, бросив свои наблюдения, поспешно удалился.

А. СОКОЛОВ

РЫБОЛОВНЫЕ ТОВАРЫ – ПОЧТОЙ

141400,
Московская обл.
с.Хомли-10, п/я 141
ЗАО "САГИТТА"

E-mail:
sagitta@ahn.ru

- Большой выбор обычной и плетеной лески
- Дешевые отечественные и элитные крючки
- Свинцовые и вольфрамовые мормышки
- Блесны, воблеры, мягкие приманки
- Катушки и удильца различных типов
- Сети, полотна из лески и капрона
- Резиновые надувные лодки
- Запчасти к подвесным лодочным моторам
- Одежда, рюкзаки, палатки и другое

Высылаем полный каталог

Дорогие читатели, друзья!

Подписка на журнал
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
продолжается.

Если вы не успели подписаться
на 2-е полугодие 1999 года, то до 20-го,
а в некоторых районах до 15-го июля
можно оформить подписку
начиная с сентября и до конца года.

Наш индекс: 70673 по каталогу
Роспечати.

НА ПРИВАЛЕ

ЖУКОВ И. У охотников Коми	1
БЛЮМ А. Патроны с Алтая не выдерживают конкуренции	3
БЛЮМ М. Карабин «Беркут»	3
АКЧУРИН Р., САВЕЛЬЕВА К. На охоте я отдыхаю (интервью)	4
СОБАНСКИЙ Г., ЦАРЕВ А. Удастся ли выпуск пятнистых оленей?	6
ПАВЛОВ М. Кабан: почему он прижился в вятской тайге?	8
БЕРЕСТОВСКИЙ Е. Радостные минуты наших охот	12
ДОРМИДОНТОВ Р. Лодки охотников и рыболовов	16
ЮРИН С. Некоторые опыты одомашнивания лосей	18
ХАЛЕЕВ М. Перепел и охота на него	20
РУЧКИН Н. Волчок	23
СЕВАСТЬЯНОВ А. Старые карьеры	24
АНДРЕЕВ Е. Мой опыт охоты на норах	26
МАРКОВ Б. Навсегда с природой и охотой	28
АЗАРОВ А. Особенности снаряжения дробовых патронов	30
БЛЮМ М. Помповое ружье «ТОЗ-94»	31
ПЕТРОВ Б. Тихая вечеря	32
ЧЕРНОВ А. Три ночи	36
ЧЕГОДАЕВ А. Александр Дюма в России	40
ТРЯПКИН Н. Стихи	42
ТОПОРКОВ В. У турецких оружейников	43
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	47
ШИШКИН В. Чистики	48

На первой странице обложки:

Ястреб-тетеревятник — самый крупный из наших ястребов. Лапы и глаза желтые, голос — звонкое «кьяк, кьяк, кьяк».

Фото В. Шишёнкова

Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»

ВНИМАНИЮ НАШИХ АВТОРОВ!

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; год рождения, серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом), просим вас присылать их нам вместе с материалами, предлагаемыми для публикации

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнёрцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 11.05.99 г. Подписано к печати 08.06.99 г. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 25390 экз. Заказ 934. Цена 12 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18.

Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати 142300, г. Чехов Московской области Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

ЧИСТИКИ

Собственно, чистики, давшие название всему семейству и подотряду, подразделяются на три вида: очковый, тихоокеанский и обыкновенный, или просто чистик. Эти среднего размера (примерно с голубя), сходные по внешнему облику и образу жизни птицы как бы поделили между собой морские побережья и острова нашей страны. Очковый чистик распространен в сезон гнездования от Южного Приморья и Сахалина по побережью Охотского моря до западных берегов Камчатки. На Курильских островах его почти повсеместно заменяет тихоокеанский чистик, доминирующий также на восточном побережье Камчатки и доходящий на север до Чукотки (Колючинская губа). Здесь его встречает обыкновенный чистик, область гнездования которого у нас простирается от Чукотки до Мурмана, включая большую часть арктических островов. В брачном наряде у всех трех видов преобладает черное оперение (у очкового чистика — буроватого оттенка). На сложенном крыле у чистика и его тихоокеанского собрата хорошо заметно белое зеркальце, при этом у тихоокеанского оно рассечено поперечной темной клиновидной полоской (полосками). У более крупного (до 700 г) и длинноклювого — очкового чистика зеркальца нет, но есть характерные зоны белых перьев вокруг глаз («очки») и у основания клюва. Подмышечные перья (хорошо заметные в полете) у чистика белые, а у тихоокеанского и очкового — серые или бурые. Все три вида щеголяют ярко-красными лапами, эффектно раскрыв черные клювы, демонстрируют ярко-красную ротовую полость. Зимой чистики преобразуются, черное оперение по большей части заменяется белым, наиболее развитым у обыкновенных чистиков с арктических островов и наименее — у очковых чистиков, которые сохраняют темными не только крылья и хвост, но и почти всю спину и значительную часть головы. Как и большинство других видов чистиковых, собственно чистики связаны с сушей преимущественно в сезон гнездования. Лишь только освободятся ото льда участки моря у северных и дальневосточных побережий, чистики появляются в районах размножения. У незамерзающих берегов чистики могут держаться круглогодично. Большие гнездовые скопления нехарактерны для чистиков. Обычные колонии могут не превышать 10 пар. Наиболее оригинальны очковые чистики. Общаясь разнообразными свистами, чистики занимают ухаживанием, драками, поисками подходящих мест для кладки. Самка откладывает 1—2 яйца, кладка из трех яиц, смешанная (от двух самок). Скорлупа яиц светлых тонов с мелким крапом. Кладка надежно укрыта в скальных нишах, под камнями и плавником, иногда в земляных норах. Находят чистики подходящие убежища и у построек человека. Насиживают, периодически сменяясь, оба родителя. Инкубация у всех трех видов продолжается около 30 дней. Птенцы сначала покрыты черным пухом; в дальнейшем надевают наряд, сходный с зимним оперением взрослых птиц, но с большим развитием темных тонов на голове, спине, боках. Через 4—5 недель птенцы покидают гнездовое укрытие, в сумерках самостоятельно пробираясь к воде. Вне сезона размножения чистики, сбиваясь в стаи, держатся в открытом море. Основные корма — мелкая рыба, морские беспозвоночные. Если кладки чистиков разоряют сравнительно редко, то молодые птицы часто гибнут и от хищников, и от непогоды. Хотя численность трех видов чистиков еще велика (2—3 тыс. пар обыкновенного чистика, примерно столько же тихоокеанского, около 1 тыс. пар очкового), эти птицы становятся весьма уязвимыми, особенно при хозяйственном освоении островов и побережий, где располагаются места гнездования. Гибель чистиков от охотников (в Гренландии, Исландии, США, Канаде, на Дальнем Востоке) уступает смертности этих птиц при нефтяных катастрофах или при рыбном промысле (много чистиков запутывается в сетях), но и это вредное влияние должно быть прекращено усилением мер охраны, развитием экологического просвещения. Чистики — важный объект охраны в ряде наших арктических и дальневосточных заповедников.

В. ШИШКИН

Очковый чистик

Очковый чистик в зимнем пере

Тихоокеанский чистик

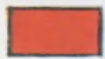
Тихоокеанский чистик в зимнем пере

Тихоокеанский чистик

Чистики

Тихоокеанский чистик, курильский подвид

Чистик в зимнем пере

чистик

очковый чистик

тихоокеанский чистик

Индекс: 70673 — на полгода.

ISSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. 1999, № 7, 1—48.